

НАУЧНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА

НОМЕР 12(72) 2020

www.theoreticaleconomy.ru

ЖУРНАЛ «ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА»

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77 - 74611 от 24 декабря 2018 г.

Учредитель журнала:
Ярославский государственный технический университет

Журнал издается с 2011 года, выходит 1 раз в месяц
с 06.06.2017 года включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук

Редакционная коллегия:

Главный редактор

Гордеев В.А. (Ярославль, Россия)

Заместитель главного редактора

Майорова М.А. (Ярославль, Россия)

Заместитель главного редактора

Родина Г.А. (Ярославль, Россия)

Члены редакционной коллегии

Алиев У.Ж. (Астана, Казахстан)

Альпидовская М.Л. (Москва, Россия)

Бабаев Б.Д. (Иваново, Россия)

Бондаренко В.М. (Москва, Россия)

Вахрушева Н.А. (Ярославль, Россия)

Дяо Сюхуа (Далянь, КНР)

Карасева Л.А. (Тверь, Россия)

Кузнецов А.В. (Москва, Россия)

Ладислав Жак (Прага, Республика Чехия)

Лемещенко П.С. (Минск, Беларусь)

Липов В.В. (Харьков, Украина)

Новиков А.И. (Владимир, Россия)

Николаева Е.Е. (Иваново, Россия)

Сапир Е.В. (Ярославль, Россия)

Шкиотов С.В. (Ярославль, Россия)

Юдина Т.Н. (Москва, Россия)

Научные консультанты журнала

Водомеров Н.К. (Курск, Россия)

Мелиховский В.М. (Ярославль, Россия)

Чекмарев В.В. (Кострома, Россия)

Ответственный секретарь:

Маркин М.И. (Ярославль, Россия)

Адрес редакции:

150023, г. Ярославль, Московский проспект, 88, Г-333

Телефон: (4852) 44-12-50

Сайт: www.theoreticaleconomy.ru

e-mail: theoreticaleconomy@edu.ystu.ru

РУБРИКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Гордеев В.А. Теоретическая экономия: завершив десятилетие журнала - к новым идеям	4
--	---

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Субетто А.И. Победа в Великой Отечественной войне – воплощение Высоты Духа Советской Цивилизации, которой не знала всемирная история человечества	10
Котлярова И.Д. К вопросу об абстрактном и конкретном в марксистской политической экономии: двойственная природа потребления	24
Шелегеда Б.Г., Корнев М.Н., Погоржельская Н.В. Интегрированный теоретико-прикладной подход к экономическим исследованиям	34

КОНФЕРЕНЦИЯ В ЯГТУ О ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Гордеев В.А., Шкиотов С.В., Угрюмова М.А. Теоретическая экономия: осмысление современных реалий	45
Воейков М.И. Пандемия и конец либеральной экономической концепции.....	54

НОВАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ: ТЕОРЕТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Куленцан Н.Л., Марчук Н.А. Методы регрессионного анализа в исследованиях производства основных видов продукции сельскохозяйственных культур в Российской Федерации.....	59
Корягина Е.Д. Теоретические подходы к оценке осуществимости мер по управлению качеством высшего образования	66
Sokolova N., Sokolov A. High yield bonds: A financing solution for energy projects.....	78
Шкиотов С.В., Маркин М.И. Разработка методики оценки инвестиционной привлекательности региона: случай Московской области.....	87

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Сироткина А.И., Альпидовская М.Л. Неоколониализм XXI века: глобализм и мир-системность	96
---	----

РЕЦЕНЗИИ, ОТКЛИКИ

Бондырева И.Б. Рецензия на статью Варламовой В.А. «Дистанционное обучение: подарок судьбы или катастрофа века	110
Реус С.П. Отклик на отзыв Григорьевой А.А. по статье Реуса С.П. «Перспективы экономического роста российской экономики: влияние covid-19 на данные процессы»	114

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ: ЗАВЕРШИВ ДЕСЯТИЛЕТИЕ ЖУРНАЛА, - К НОВЫМ ИДЕЯМ

Гордеев Валерий Александрович

доктор экономических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет», кафедра «Экономика и управление»,
действительный член Академии философии хозяйства, зарубежный полный член Академии Metaepistemia Universum,
г. Ярославль, Российская Федерация.
E-mail: vagordeev@rambler.ru
SPIN-код: 1618-5817

Аннотация: В статье предлагается редакторский обзор материалов 12-ого (72-го) номера, с которым мы выступаем, завершив десятилетие нашего издания. В обзоре показано, что материалы номера, в той или иной мере направлены на поиск новых идей в русле разработки и развития концепции теоретической экономики. Указано, какие именно эти идеи. Отмечено, что они характеризуют и знакомых читателям, и новых авторов. Особое внимание, как уже стало традицией, уделено актуальным проблемам теоретической экономики, теоретико-экономическим аспектам исследования новой индустриализации, современным проблемам мировой экономики.

Ключевые слова: теоретическая экономика; цифровая экономика; новая индустриализация; современные проблемы мировой экономики; творчество молодых исследователей; научная жизнь.

JEL: A13; A14

THEORETICAL ECONOMY: NEW IDEAS, DEEP AND NOT VERY

Valery Gordeev, doctor of Economics,
chief editor of the journal Theoretical Economics,
Yaroslavl state technical University
Yaroslavl, Russian Federation

Abstract: The article offers an editorial review of the materials of the 12th (72nd) issue, with which we are speaking, completing the tenth anniversary of our publication. The review shows that the materials of the issue, to one degree or another, are aimed at finding new ideas in line with the development and development of the concept of theoretical economy. It is indicated which these ideas are. It is noted that they characterize both familiar to readers and new authors. Particular attention, as has already become a tradition, is paid to topical problems of theoretical economics, theoretical and economic aspects of the study of new industrialization, modern problems of the world economy.

Keywords: theoretical economy; digital economy; new industrialization; modern problems of the global economy; creativity of young researchers; scientific life.

Здравствуйте, уважаемый читатель!

Представляем Вашему вниманию очередной, 12-ый (72-ый), номер нашего сетевого издания, которым мы завершаем десятилетие взаимодействия с Вами. И, как уже стало традицией, стремимся найти новые идеи на этом пути. По нашему мнению, материалы 71-го номера в той или иной мере отвечают этой задаче, продолжая дело развития выдвинутой нами 10 лет назад концепции

теоретической экономии как нового парадигмального мейнстрима в экономических исследованиях.

Сначала традиционно обращаем Ваше внимание на первую по порядку и главную рубрику «Актуальные проблемы теоретической экономии», где опубликованы в данном номере три материала. Во-первых, работа под названием «Победа в Великой Отечественной войне – воплощение Высоты Духа Советской Цивилизации, которой не знала всемирная история человечества». Этой публикацией наш журнал стремится достойно завершить год 75-летнего юбилея Великой Победы. Автор статьи – хорошо известный Вам [см., например: 1; 2; 3; 4] профессор из Санкт-Петербурга Александр Иванович Субетто, доктор философских наук, доктор экономических наук, кандидат технических наук, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, полковник в отставке Воздушно-космических войск РФ. В статье раскрыта концепция понимания Великой Победы в Великой Отечественной войне как воплощения Духа Советской Цивилизации, не имеющей аналогов во всемирной истории. Это связано с тем, что в этой войне проявилось глобальное противостояние мирового капитализма в форме империализма, передовым штурмовым отрядом которого выступил гитлеровский фашизм, и социализма в СССР, как нового, невиданного в истории социалистического строя, в котором человек труда, творец стал основой и власти, и развития.

Во-вторых, в этой рубрике публикуется статья тоже известного Вам автора [см., например: 5 и 6] и тоже из Санкт-Петербурга Ивана Дмитриевича Котлярова. Она называется «К вопросу об абстрактном и конкретном в марксистской политической экономии: двойственная природа потребления». Гипотезой исследования является предположение о наличии двойственности природы (т. е. существования абстрактной и конкретной компонент) не только в труде, но и в потреблении. Актуальность исследования связана с тем, что, несмотря на тезис о неразрывной связи производства и потребления в марксистской политической экономии, в настоящее время между теоретическим анализом производства и потребления существует асимметрия, заключающаяся в сложной природе труда и простой природе потребления. Методологической основой исследования послужила диалектическая логика, в особенности закон экономической двойственности, а также маркетинговая концепция о разграничении нужд и потребностей. Результатом исследования стала демонстрация сосуществования абстрактного и конкретного элементов в труде, обмене и потреблении. Построена схема, иллюстрирующая взаимосвязь абстрактного и конкретного элементов при труде, производстве и обмене. Это позволило обеспечить симметрию труда, потребления и обмена и устранить незавершенность применения концепции двойственности в марксистской экономической теории при анализе труда и потребления.

В-третьих, в этой рубрике публикуется статья под названием «Интегрированный теоретико-прикладной подход к экономическим исследованиям». Её представили трое известных Вам [см., например: 7; 8; 9] исследователей кафедры «Финансовые услуги и банковское дело» ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы» (г. Донецк, Украина): Шелегеда Белла Григорьевна, доктор экономических наук, профессор; Корнев Михаил Николаевич, доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой и Погоржельская Наталья Валериевна, кандидат экономических наук, доцент. В статье рассматриваются вопросы интеграции теоретических и прикладных методов к экономическим исследованиям. На основе аналитического обзора научных публикаций предлагаются новые возможности объединения преимуществ теоретико-прикладного подхода в методологии научных исследований. С использованием статистических данных подтверждена позиция авторов по поводу одновременного функционирования равновесных и неравновесных состояний экономических систем. Кризисы, как научная категория, рассматриваются условием развития с диагностированием и прогнозированием неизбежных вызовов и рисков в условиях высокого динамизма, цикличности и неопределенности процессов функционирования реальной экономики. Подвергаются сомнению позиции отдельных ученых о необъективности эмпирических методов исследования. В современной теории развития рекомендуется предусматривать диалектическое единство теоретических и

прикладных исследований, что отвечает вызовам возрастающей интенсивности количественных и качественных изменений в современном мире.

Затем Вашему вниманию представляется рубрика «Конференция в ЯГТУ ...». В данном номере в этой рубрике мы знакомим Вас с двумя материалами. Во-первых, доклад под названием «Теоретическая экономия: осмысление современных реалий», который представили на конференцию представитель вуза - организатора: главный редактор журнала Валерий Александрович Гордеев, директор института экономики и менеджмента Марина Александровна Угрюмова, заместитель директора этого института по научной работе Сергей Владимирович Шкиотов. Доклад посвящен роли разрабатываемой авторами концепции теоретической экономии [см., например: 10] в осмыслении современных реалий. Особое внимание уделено проблеме преодоления пандемии Covid-19. В связи с этим высказаны рекомендации органам власти по изменению макроэкономической политики и научному сообществу по использованию концепции теоретической экономии в осмыслении современных реалий.

Во-вторых, в этой рубрике представлены тезисы доклада на тему «Пандемия и конец либеральной экономической концепции». Автор, уже знакомый Вам по публикациям в нашем журнале [см., например: 11; 12] – Михаил Илларионович Воейков, заведующий сектором политической экономии Института экономики РАН. В докладе обосновывается положение о конце либеральной экономической концепции, что в условиях современной пандемии стало совершенно очевидно. Спонтанное общественное развитие без государственного вмешательства может повести к вымиранию всего человечества. Поэтому нужна сознательная, целесообразная регулирующая роль государства.

В следующей рубрике - «Новая индустриализация: теоретико-экономический аспект» - публикуется в этом номере три материала. Во-первых, статья под названием «Методы регрессионного анализа в исследованиях производства основных видов продукции сельскохозяйственных культур в Российской Федерации». Её авторы, новые для нашего журнала, работают в ФГБОУ ВО «Ивановский государственный химико-технологический университет» на кафедре «Информационные технологии и цифровая экономика». Это Куленцан Антон Львович, кандидат физико-математических наук, доцент, и Марчук Наталья Александровна, старший преподаватель. Актуальность тематики данного исследования обусловлена тем, что производство основных видов продукции сельскохозяйственных культур в Российской Федерации является одной из важнейших отраслей экономики нашей страны. Авторами выполнены исследования по применению различных методических подходов для описания динамики изменения производства основных видов продукции сельскохозяйственных культур за период времени 1990-2018 гг. Полученные результаты показали обоснованность использования многопараметрических регрессионных моделей. Авторами представлены результаты исследования зависимости изменения урожайности различных сельскохозяйственных культур от ряда параметров. Результаты свидетельствуют о том, что эти зависимости носят линейный характер.

Во-вторых, в этой рубрике со статьей под названием «Теоретические подходы к оценке осуществимости мер по управлению качеством высшего образования» выступает Екатерина Дмитриевна Корягина, административный менеджер Московской школы управления «Сколково» и аспирант Российского государственного экономического университета им. Г.В. Плеханова, (г. Москва, Российская Федерация). Оценка эффективности и качества управления вузами, отмечает автор, традиционно базируется на оценке исполнения институциональных положений государства (реализация пунктов Концепции Федеральной целевой программы развития образования на 2016-2020 годы, исполнение Приказов и инструкций Министерства и т.п.). Однако очевидно, что становление нового технологического уклада согласно утверждённых Указом Президента РФ национальных целей развития будет сопровождаться интеллектуализацией производства в большинстве отраслей, а образование – базовая отрасль для нового технологического уклада. Идеи и инструменты развития

высшей школы РФ опосредуются дефицитным ресурсом в современном обществе – развитием высших учебных заведений. Повышение качества управления развитием вузов является фундаментом развития общества. Оценка осуществимости предлагаемых мер по совершенствованию управления развитием вуза требует нахождения соответствующих теоретических подходов. Принципы и методы анализа предмета базируются у автора на положениях институционально-эволюционного проектирования, а также на понимании значимости индикативного планирования применительно к сфере высшего образования. При этом термин “индикативный” означает, что индикаторы служат ориентиром для негосударственных вузов, но обязательны для всех государственных органов управления с определением соответствующей экономической ответственности. Продуктивным является и использование методов абдукции и аддукции. Обоснованные теоретические подходы к оценке осуществимости мер по управлению качеством высшего образования позволяют осуществлять индикативное развитие управления в вузах РФ.

Завершает данную рубрику статья под названием «High yield bonds: A financing solution for energy projects». Авторы данной статьи Соколова Наталья Александровна доктор права, Ashurst LLP, Лондон и Соколов Александр Викторович заведующий кафедрой «Автомобильный транспорт», к.т.н Ярославского государственного технического университета. В данной статье рассмотрены вопросы финансирования энергетических проектов с использованием инновационного финансового инструмента - высокодоходных облигаций.

Далее мы представляем Вашему вниманию рубрику под названием «Современные проблемы мировой экономики». В ней мы знакомим Вас со статьей «Неоколониализм XXI века: глобализм и мир-системность». Её авторы - Сироткина Анастасия Ильинична, соискатель ученой степени из ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (г. Москва, Россия) и Альпидовская Марина Леонидовна, доктор экономических наук, профессор, профессор департамента экономической теории этого вуза, член редколлегии нашего журнала. Марина Леонидовна хорошо знакома Вам [см, например,; 13; 14], а Анастасия Ильинична публикуется у нас впервые. В данной статье исследуется взаимосвязь между категориями «глобализация» и «неоколониализм», проводится анализ изменения структуры и сущности неоколониализма в XXI веке, для которого решающее значение стала принимать область нематериального. Проведённый обстоятельный анализ экономической динамики развития стран развитого и периферийного капитализма позволил определить положение России в рассматриваемой системе. На основе проведённого анализа сделан вывод о периферийном (колониальном) положении России в капиталистической (неоимпериалистической) экономической системе и необходимости выработки стратегии для изменения данного положения.

В рубрике «Рецензии, отклики» публикуется в этом номере две работы. Во-первых, «Рецензия на статью Варламовой В.А. «Дистанционное обучение: подарок судьбы или катастрофа века». Автор -Бондырева Ирина Борисовна, кандидат экономических наук, доцент, доцент института экономики и менеджмента ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет», (г. Ярославль, Российская Федерация). В рецензии рассматриваются вопросы развития образования, его достижений и проблем, в том числе введения ЕГЭ в школах, цифровизации процесса обучения студентов в вузе. Отмечается необходимость развития дистанционного обучения в условиях цифровой экономики. Ставится вопрос о границах применения исключительно электронного обучения, дистанционных образовательных технологий. Отмечается социальная нестабильность, обусловленная кризисом капитализма, ведущая к разрушению института образования.

Во-вторых, в этой рубрике публикуется «Отклик на отзыв Григорьевой А.А. по статье Реуса С.П. «Перспективы экономического роста российской экономики: влияние covid-19 на данные процессы». Автор – Реус Семён Петрович, аспирант кафедры финансов и кредита ФГБОУ ВО «Крымский Федеральный университет», (г. Симферополь, Российская Федерация). Даётся отклик на отзыв Григорьевой А.А., по статье Реуса С.П. «Перспективы экономического роста российской экономики:

влияние COVID-19 на данные процессы», в которой рассматривается актуальная тематика перспектив экономического роста российской экономики под влиянием COVID-19 и анализируется его влияние на данные процессы. Обозначены современные тенденции развития ситуации с COVID-19. Даны авторские уточняющие материалы по отзыву Рецензента.

Таково основное содержание материалов представленного 12-го (72-го) номера. Как видите, они, действительно, в определенной степени отвечают задаче поиска новых идей в плане развития теоретической экономики как нового парадигмального мейнстрима в экономических исследованиях, чем мы и занимаемся в нашем сетевом издании вот уже десять лет.

В заключение позвольте высказать традиционное для завершения рубрики главного редактора пожелание: Успешной Вам работы над новым номером, уважаемый читатель!

С уважением В.А. Гордеев

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Субетто А.И. Императив возрождения сильной государственности в России в контексте императива перехода человечества к ноосферной парадигме истории в XXI веке / А.И. Субетто // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2019. – № 10. – С. 32-52. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

2. Субетто А.И. Слово о Святославе Ивановиче Григорьеве / А.И. Субетто // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2019. – № 10. – С. 113-119. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

3. Берендеева А.Б. Отзыв на статью А.И. Субетто «Ноосферизм – новая система сохранения и развития человечества на земле» / А.Б. Берендеева // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2019. – № 11. – С. 95-95. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

4. Субетто А.И. Открытое письмо доктору экономических наук, доценту, профессору кафедры экономической теории и региональной экономики Ивановского государственного университета Алле Борисовне Берендеевой / А.И. Субетто // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2020. – № 6. – С. 101-107. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

5. Котляров И.Д. Закон вертикальной интеграции и тенденции интеграции бизнеса в условиях капитализма: критический анализ (часть 1) / И.Д. Котляров // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2020. – № 9. – С. 38-50. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

6. Котляров И.Д. Закон вертикальной интеграции и тенденции интеграции бизнеса в условиях капитализма: критический анализ (часть 2) / И.Д. Котляров // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2020. – № 10. – С. 37-45. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

7. Корнев М.Н. Тенденции формирования информационного уклада в развитии экономических систем / М.Н. Корнев, Б.Г. Шелегеда // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2019. – № 9. – С. 54-57. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

8. Шелегеда Б.Г., Погоржельская Н.В. Эффективность научно-образовательной деятельности России в кризисных условиях / Б.Г. Шелегеда // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2019. – № 10. – С. 86-93. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

9. Шелегеда Б.Г. Индустриализация как «зеркало» социально-экономического развития России / Б.Г. Шелегеда // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2019. — № 12. — С. 52-64. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

10. Гордеев В.А., Майорова М.А., Маркин М.И., Угрюмова М.А., Шкиотов С.В. Теоретическая экономия как методологическая основа исследования цифровой экономики / В.А. Гордеев, М.А. Майорова, М.И. Маркин, М.А. Угрюмова, С.В. Шкиотов // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2019. – № 11. – С. 33-38. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

11. Воейков М.И. Государство в эпоху цифровой экономики /М.И. Воейков // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2019. – № 1. – С. 47-50. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

12. Воейков М.И. Либеральная концепция государства и современная экономика / М.И. Воейков, Д.Б. Джабборов// Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2019. – № 11. – С. 12-19. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

13. Альпидовская М.Л. К вопросу об устойчивости теории Томаса Мальтуса / М.Л. Альпидовская // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2020. – № 7. – С. 69-77. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

14. Альпидовская М.Л. Общие контуры будущего: закономерности глобального постмодерна или альтер мира нового человека / М.Л. Альпидовская // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2020. – № 8. – С. 11-23. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

ПОБЕДА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ – ВОПЛОЩЕНИЕ ВЫСОТЫ ДУХА СОВЕТСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ, КОТОРОЙ НЕ ЗНАЛА ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Субетто Александр Иванович

доктор экономических наук, доктор философских наук, кандидат технических наук, профессор,
Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена,
вице-президент Петровской академии наук и искусств,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.
E-mail: subal1937@yandex.ru

Аннотация: В современных условиях экономический рост страны во многом определяется развитием экономики регионов. Поэтому в статье раскрыта концепция понимания Великой Победы в Великой Отечественной войне как воплощения Духа Советской Цивилизации, не имеющей аналогов во всемирной истории. Это связано с тем, что в этой войне проявилось глобальное противостояние мирового капитализма в форме империализма, передовым штурмовым отрядом которого выступил гитлеровский фашизм, и социализма в СССР, как нового, невиданного в истории социалистического строя, в которой человек труда, творец стали основой и власти, и развития.

Ключевые слова: дух, война, социализм, капитализм, фашизм, империализм, советский, цивилизация, духовность, ценность, человек, победа, история, воин, сражение, культура, войска, захватчик

JEL: A13, B24, F01, H10

ECONOMIC MECHANISM OF THE REGIONAL SOCIO-ECONOMIC SYSTEM: THEORETICAL ASPECT

Alexander Ivanovich Subetto

Doctor of Economics, Doctor of Philosophy, Candidate of Technical Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation, Vice President of the Peter Academy of Sciences and Arts, President of the Noosphere Public Academy of Sciences, Professor of the Russian State Pedagogical University them. A.I. Herzen
St. Petersburg, Russian Federation

Abstract: the article reveals the concept of understanding the great Victory in the great Patriotic war as the embodiment of the spirit of Soviet Civilization, which has no analogues in world history. This is due to the fact that in this war there was a global confrontation between world capitalism in the form of imperialism, the leading assault force of which was Hitler's fascism, and socialism in the USSR, as a new, unprecedented in the history of the socialist system, in which the man of labor, the Creator became the basis of both power and development.

Keywords: spirit, war, socialism, capitalism, fascism, imperialism, Soviet, civilization, spirituality, value, man, victory, history, warrior, battle, culture, troops, invader.

1. Советская цивилизация как развитие российской духовной цивилизации

Победа в Великой Отечественной войне, сама Великая Отечественная война как героическое деяние, как подвиг всего советского народа, «подвиг социализма» [20], есть воплощение Духа Советской Социалистической Цивилизации, Духа общества труда и созидания, причем Духа такой мощи и силы, которые не имеет аналогов во всей всемирной истории человечества.

Аргументации этого положения автор посвятил ряд своих книг, в том числе такие работы, как «Уроки Великой Отечественной войны и их значение для будущего России в XXI веке» (2005), «Победа

в Великой Отечественной войне – Гимн Советскому Человеку» (2015), «Сталин и победа в Великой Отечественной войне – символы высоты Духа Советской Цивилизации» (2019) [1-3]. На фоне стратегии войны глобального империализма США против России в начале XXI века с целевыми установками полного её уничтожения Победа в Великой Отечественной войне становится идеологическим и воспитывающим героический дух фактором в этой войне.

А.С.Панарин в монографии «Реванш истории: российская стратегическая инициатива» (1998) выделил два типа цивилизации по ценностному основанию [19, с. 17 - 31].

- это «духовные цивилизации», в которых человек, исходя из ценностей общинности или соборности, коллективизма, любви к родине, правды, справедливости, служения общему делу, действует в «логике противостояния обстоятельствам» [19, с. 31];

- и это «прагматические цивилизации», в которых человек, исходя из ценностей индивидуализма, прибыли, пользы, приоритета своих личных интересов над общественными и государственными интересами, из так называемого экономического или рыночного рационализма, действует «в логике повиновения обстоятельствам» [19, с. 31].

Российская цивилизация как общинная евразийская, с самым большим пространством-временем (хронотопом) бытия, с самым холодным климатом (среднегодовая температура в среднем на всей территории России – ~ -5,50С) и, соответственно, с учетом действия закона энергетической стоимости по автору [23 - 25], – с самой высокой энергостоимостью воспроизводства жизни общества, есть духовная цивилизация, которую можно также назвать «цивилизацией Правды».

В «Меморандуме стратегии развития России в XXI веке» (2014) автор подчеркивал [25, с. 8]:

«Россия как «духовная цивилизация» есть цивилизация, в которой «действует принцип примата духовных потребностей над материальными, принцип или закон идеократии – власти большой национальной идеи, скрепляющей большое пространство-время бытия российской цивилизации», при этом «в духовной системе русского народа в России центральное место занимает «правда» – как важнейшая духовная ценность, в которой отражается единство истины, добра, красоты и справедливости». Поэтому Россия может быть названа «цивилизацией Правды», а её духовность – «духовностью Правды».

По А. С. Панарину, так называемый «Запад», т.е. западная цивилизация, породившая рыночно-капиталистическую систему, замешанную на культе денег, капитала и индивидуализма, относится к типу «прагматических цивилизаций», с культом обогащения и индивидуализма.

Он так охарактеризовал западную цивилизацию [19, с. 23]:

«Доминанта индивидуального интереса соответствует самой нормативно-логической структуре этой цивилизации, основанной на социальном номинализме, на представлении об обществе как сумме суверенных индивидов. Это не иллюзия Запада, а его нормативный принцип, посредством которого воспроизводятся его основные институты: рыночная экономика, самостоятельное гражданское общество, правовое государство. При малейшем отступлении от номиналистического принципа – в духе, например, приоритета общего над индивидуальными интересами – все системы западных цивилизационных норм сразу же ставятся под вопрос... Понимающей теории противопоставлен номинализм, потому что он исключает культуру как систему, охватывающую коллективные традиции, коллективные нормы и коллективные ценности (других традиций, и ценностей не бывает)».

Советская цивилизация «вырастает» на основаниях российской цивилизации, как духовной цивилизации и цивилизации Правды.

2. «Русский Прорыв человечества к социализму» как закономерность

Россия как цивилизация, как духовная цивилизация, всегда противостояла Западу, была цивилизацией, обладающей, именно вследствие её онтологических характеристик – высокая энергостоимость воспроизводства жизни общества (холодный климат), большое пространство-

время бытия, общинность (коллективизм, соборность), такой системой ценностей, которая всегда была направлена на справедливость, коллективизм, правду, красоту, гармонию, примат общего (сильного государства) над частным, индивидуальным. Этот ценностный геном автор назвал «цивилизационным социализмом» [23 - 25], а русский народ был народом-носителем этого «цивилизационного социализма».

Поэтому Россия всегда, на протяжении всего последнего тысячелетия противостояла Западу, и совершила первой во всемирной истории «Русский Прорыв человечества к социализму» в форме Великой Октябрьской социалистической революции [26]. И в этом «Русском Прорыве» во главе с Коммунистической партией большевиков под водительством В. И. Ленина проявилась антикапиталистическая «природа» российской цивилизации, определившая антикапиталистический цивилизационный, и затем – социалистический, характер революции. «Имя Ленина стало символом победы Великого октября, крупнейших революционных свершений, которые в корне изменили социальный облик мира, ознаменовали поворот человечества к социализму и коммунизму», – отмечалось в «Обращении международного Совещания коммунистических и рабочих партий 1969 года» [26, с. 4].

Капитализм как система социально-экономического воспроизводства всегда есть империализм, постоянно нуждающийся в механизме эксплуатации колоний [27 - 29].

История XXI века доказала истинность ленинской теории империализма. И прорыв человечества к социализму произошел именно из России как евразийской общинной цивилизации (центра устойчивости и неустойчивости мира).

Поэтому в этом прорыве (И. В. Сталин первым назвал Великий Октябрь «Русским прорывом» [30, с. 64]) отразилось разрешение не только противоречий между трудом и капиталом, между русским крестьянством и помещичьей системой землепользования, – но и противоречие между основаниями и ценностями российской цивилизации, которые автор определил как «цивилизационный социализм», и основаниями и ценностями «западной цивилизации», страны которой были странами «метрополии» системы глобального империализма («мирового треста» по В. И. Ленину), эксплуатировавшими весь мир, и в «пространстве» которой России была «уготована» роль экономической колонии, «сырьевого придатка» Запада (и таковой, как показывает А. И. Фурсов, она де-факто уже была летом 1917 года, когда более 80% промышленного и банковского капитала, добыча нефти и угля находилось под контролем западного капитала).

3. Цель войны гитлеровской Германии против СССР – не только уничтожение советского социализма, но и российской цивилизации и русского народа

Советская цивилизация, таким образом, есть вершина в развитии ценностно-цивилизационных основ российской цивилизации, она была развитием коллективистско-общинных основ и, таким образом, духовности российской цивилизации.

Тысячелетнее противостояние Запада и России приобрело в XX веке новое содержание – противостояние социализма в СССР, первого социализма в истории человечества, провозгласившего труд делом чести, доблести и славы, поставившего в «центр» бытия человека труд, творчество, науку, образование и культуру, и империализма, в первую очередь, англо-американского империализма, породившего германский фашизм во главе с Гитлером как свой передовой отряд для уничтожения советского социализма, уничтожения СССР, и одновременно – уничтожения русского народа, как главного носителя советского социализма и главной силы в реализации Великой Октябрьской социалистической революции и организации победы в Гражданской войне (1918 – 1922гг.).

Следует помнить слова заклятого врага СССР, русского народа и Сталина – Гитлера [17, с. 234]:

«Сила русского народа состоит не в его численности или организованности, а в его способности порождать личности масштаба Сталина. По своим политическим и военным качествам Сталин

намного превосходит и Черчилля, и Рузвельта. Это единственный мировой политик, достойный уважения. Наша задача – раздробить русский народ так, чтобы люди масштаба Сталина больше не появлялись».

Война, вероломно развязанная гитлеровской Германией против СССР, с самого начала была направлена на полное уничтожение советского социализма, как главной исторической опасности для всей системы мирового капитализма, и соответственно – СССР, и русского народа, как «ядра» и «руководящей силы» (в определении И. В. Сталина) советского народа, и как носителя идеи справедливости, идеи советского социализма, и как главного носителя евразийской, а в СССР – социалистической, кооперации многочисленных народов и этносов, проживавших на территории России – СССР.

4. Жестокий и бескомпромиссный характер борьбы советского народа и Вооруженных Сил СССР с военной машиной гитлеровско-германского фашизма

Маршал Советского Союза, Четырежды Герой Советского Союза Георгий Константинович Жуков («Маршал Победы» – как его назвал советский народ) в своих «Воспоминаниях и размышлениях» обращал внимание на жестокий и бескомпромиссный характер борьбы советского народа и Вооруженных Сил СССР с военной машиной гитлеровско-германского фашизма в 1941 – 45 гг.

Он писал [4, с. 335 - 337]:

«Ни одна страна, ни один народ антигитлеровской коалиции не понёс таких тяжелых жертв, как Советский Союз, и никто не приложил столько сил, чтобы разбить врага, угрожавшего всему человечеству...

Война подвергла суровому испытанию и всесторонней проверке советский общественный и государственный строй. Эта проверка подтвердила его полное превосходство и жизненную силу...

Всесоюзная Коммунистическая партия действительного была подлинным вдохновителем и организатором нашей победы... Коммунисты и комсомольцы на фронте и в тылу служили примером в героической борьбе за Родину...

Германский империализм ставил перед собой цель – уничтожить первое в мире социалистическое государство, поработить народы многих стран. Теперь уже пожелтели документы, директивы и карты, на которых гитлеровская верхушка расписала судьбу Европы, Азии, Африки и Америки, после того как удастся разгромить СССР. Но о них стоит вспоминать всякий раз, когда думаешь о значении Великой Отечественной войны Советского Союза, о том, к чему вообще могут вести притязания на мировое господство...

Классовая непримиримость и бескомпромиссность в борьбе с фашизмом и его вооруженными силами оказали определяющее влияние на стратегию, оперативное искусство и тактику советских войск, которые направлялись Центральным Комитетом партии и Ставкой Верховного Главнокомандования...» (выдел. нами, С.А.).

Эта оценка подтверждается постановкой цели предстоящего нападения германской фашистской армии на СССР, которую Гитлер 31 июля 1940 г. сформулировал в Генеральном штабе:

«Целью нашей борьбы должно быть уничтожение России. Весной 1941 года. Чем скорее Россия будет сокрушена, тем лучше. Нападение достигнет цели только в том случае, если после одного удара русское государство рассыплется вдребезги. Простого захвата территории страны недостаточно. Целью является уничтожение людских ресурсов России» [10, с. 750].

Гальдер в этот день записал в своем дневнике:

«Начало – май 1941 г. Продолжительность операции – 5 месяцев. Было бы лучше начать уже в этом году, однако это не проходит, так как осуществить операцию надо одним ударом. Цель – уничтожение жизненной силы России».

В «Двенадцати заповедях поведения на Востоке», изданных при участии Геринга, в 6-й заповеди гитлеровским войскам так указывались, как вести себя на территории СССР [31, с. 301]:

«Вы должны уяснить себе, что вы на целое столетие являетесь представителями великой Германии... Поэтому вы должны с сознанием своего достоинства проводить самые жестокие и самые беспощадные мероприятия...» (выдел. нами, С.А.).

Неслучайно, в песне на стихи В.Лебедева-Кумача (музыка А.Александрова) «Священная война», появившейся на 3-й день после начала войны 24 июня 1941 года, есть такие слова:

«Вставай страна огромная,
Вставай на смертный бой,
С фашистской силой темною.
С проклятою ордой!

...

Как два различных полюса,
Во всем враждебны мы,
За мир и свет мы боремся,
Они – за царство тьмы!

...

Дадим отпор душителям
Всех пламенных идей,
Насильникам, грабителям,
Мучителям людей.

...

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, –
Идет война народная,
Священная война».

5. Великая Отечественная война как священная война

Это действительно была священная война.

Гитлер, немецкий Генштаб, немецко-фашистские вооруженные силы ставили своей целью не только сокрушить Советский Союз, уничтожить советский социализм как главного, причем бытийного, врага всей системы мирового капитализма, но сокрушить российскую цивилизацию, уничтожить русский, украинский и белорусский народы, стереть с памяти истории человечества всю историю русского народа.

Кейтель, следуя Гитлеру, издаёт для вермахта приказ [31, с. 302]:

«Человеческая жизнь в странах, которых это касается, абсолютно ничего не стоит... Устрашающее воздействие возможно лишь путем применения необычной жестокости».

Если немецко-фашистская орда олицетворяла собой абсолютное зло, рождаемое «миром капитала» и расизмом, возведенным в ранг идеологии гитлеровского фашизма, то советские вооруженные силы и советский народ, вставший на борьбу за советскую родину, за свое будущее, за социализм, олицетворяли собой Силу Разума, Света, Добра и Мира, Силу Духа Советского Человека, как человека Труда, человека-творца и созидателя.

Гитлеровская верхушка, развязывая войну против СССР, была уверена, что ей удастся сокрушить Советский Союз одним ударом, за 5 месяцев (как писал в своем «Дневнике» Гальдер), точно так же, как это удалось ей в войнах против таких стран Европы, как Австрия, Франция, Чехословакия, Польша.

Это была войны между двумя типами людей – немецким фашистом, поверившем в гитлеровские установки, что он «сверхчеловек», призванный стать «господином» над миром, грабить

и эксплуатировать этот мир, и советским человеком, человеком-созидателем, представителем нового мира, в котором нет места эксплуатации человека человеком, в котором Труд становится поприщем применения разумно-творческих сил человека для повышения качества жизни для всех.

Советский Союз – это была качественно-новая эпоха в развитии российской цивилизации как духовной, общинной, евразийской цивилизации.

И тысячелетнее цивилизационное противостояние между Европой и Россией, превратившись в противостояние между системой глобального империализма, олицетворяемым США, Великобританией, Францией, Германией, Японией, и социализмом в СССР, приобрело особо ожесточенный характер.

На оккупированных территориях фашистские войска лютовали. Примером могут служить зверства, которые чинили немецкие оккупанты в тверской (в СССР она называлась Калининской) области. Вот воспроизведенная картина В. Кирилловым по брошюре, изданной Калининским обкомом ВКПб в 1942 году «Не забудем, не простим. Злодеяние немецко-фашистских захватчиков в районах Калининской области» [33, с. 2]:

«В селе Ново-Семеновское Семеновского сельсовета фашистские бандиты выгнали из домов всё население, с собакой искали закопанные продукты... они зверски убили беременную 25-летнюю женщину, мать троих детей – Ольгу Тихонову... Они связали ей на груди руки, изнасиловали, затем перерезали горло, грудь высверлили кинжалом. В этой же деревне зверски замучили 13-летнего мальчика. Фашистские изверги вырезали у него на лбу пятиконечную звезду. Здесь же обнаружили труп замученной старухи».

И эти зверства немецко-фашистских захватчиков в соответствии с напутствием Гитлера и его подручных генералов вермахта творились в течение всей войны и везде, и тотально, и вызывали соответствующие ожесточенность, мужество и героизм советского бойца в этой «священной» – Великой Отечественной – войне.

6. Дух Советской Цивилизации и глубинная связь двух юбилеев 2020 года – 150-летия со дня рождения В. И. Ленина и 75-летия Великой Победы над фашистской Германией 9 мая 1945 года

Гитлеровская Германия (и в целом вся оккупированная ею Европа) развязала войну против СССР внезапно, без объявления войны, и благодаря этой внезапности получила определенные стратегические и оперативные преимущества. О начальном периоде войны написано много и военно-исторической, и мемуарной литературы [4 – 14 и др.].

Главный результат начального периода войны, в котором уже проявился Дух Советского Человека и соответственно – Дух Советской Цивилизации, – это срыв «блицкрига», на который так рассчитывали самоуверенные Гитлер и его стратеги.

По этому поводу доктор исторических наук Олег Назаров справедливо заметил [16]:

«...в начале войны Красная армия терпела поражения, сражения с немцами велись зачастую не самым лучшим образом. Многие военачальники, которые потом громили немцев на всех фронтах и дошли до Берлина, в 1941-ом ещё не имели достаточного опыта. Боевого опыта надо было набираться не только рядовому и сержантскому составу, но и командующим фронтами. Но срыв блицкрига произошел именно в первые месяцы войны, и этот подвиг наших бойцов и командиров сильно недооценен» (выдел. нами, С.А.).

В статье «Герои, сорвавшие блицкриг» [16] приводится много примеров подвигов красноармейцев, частей, командиров, которые отразили именно Дух советских воинов и частей (по принципу «действовать вопреки обстоятельствам»).

Этот Дух советских людей оказался совершенно неожиданным фактором в этой войне для немецких захватчиков. Он сорвал планы гитлеровцев расправиться с СССР за пять месяцев (битвы

за Перемышль, за Киев, за Смоленск, за Великие Луки, за Ленинград и др.).

О.Назаров отмечает [16]:

«Гитлером была поставлена задача – взять Москву. И вот уже после того, как немцы потеряли темп движения и силы из-за сопротивления наших войск на границе, под Смоленском и Киевом, 30 сентября началась битва за Москву. Воевать немцам пришлось по грязи и хлебнуть сполна всех климатических проблем, на которые они так любили потом сетовать. Каждый день они теряли в темпе движения, ежедневно лишались живой силы и техники. И количество переросло в качество».

Переросло в разгром немцев под Москвой.

Дух Победы под Москвой в декабре 1941 года, через те же 5 месяцев, за которые Гитлер мечтал поставить СССР «на колени» и расправиться с социализмом и советским народом, перерос в конце концов, вначале в Дух Победы под Сталинградом, на Курской дуге, под Ленинградом, в битвах за Беларусь, за Крым, Одессу, Киев, и затем – и окончательно в Дух Победы в Великой Отечественной войне 9 мая 1945 года, когда была маршалом Жуковым принята капитуляция Вооруженных Сил Германии и Гитлер, это олицетворение мирового фашистско-германского зла, покончил жизнь самоубийством.

Валентин Васильевич Чикин, главный редактор газеты «Советская Россия», в передовой статье «150/75» [15], опубликованной в январе этого, 2020-го года, по мнению автора, прекрасно раскрыл советское и социалистическое «измерение» духовного подвига, совершенного в Великой Отечественной войне как Вооруженными Силами СССР, советскими полководцами, коммунистами и комсомольцами, так и всем советским народом. Он предложил такую идеологическую «формулу», связанную с двумя годовщинами – 150-летием со дня рождения Владимира Ильича Ленина, гения Русского Прорыва человечества к социализму в определении автора [26], и 75-летием со дня Великой Победы в Великой Отечественной войне [15]:

«150 лет исполняется в апреле с рождения Владимира Ульянова-Ленина, великого вождя нашего народа, совершившего подвиг уникального преобразования России. В 75-й раз придет в каждый наш дом поседевшая, израненная, праведная, советская Победа над европейским фашизмом. В сознании честных людей обе эти даты слиты в одно мировое явление мощного российского самовыражения, неисчерпаемого вклада в человеческую цивилизацию. Был бы ныне жив Советский Союз, оставались бы с нами в строю бесстрашные полководцы и воины-герои, лучшие ленинские ученики и самоотверженные строители справедливого общества, и вся планета – от ООН до самых дальних улусов – встречала бы эту весну благодарным поклонением российскому подвигу».

Вот короткие весточки с тех кровавых, жарких, самоотверженных дней священной войны за советское отечество, приведенные в этой статье В. В. Чикина [15]:

- красноармеец Степан Волков на листке блокнота начертал несколько строк: «Идя в атаку, я обязуюсь до последнего вздоха биться за честь и независимость моей Матери-Родины. Сам я беспартийный. Но если в бою прольётся моя кровь, считайте её кровью коммуниста... Дорогие братья по оружию! Если я погибну в этом сражении, считайте меня коммунистом!»;

- пограничник Иван Андросов в бою за «Верхние Присады» под Тулой пал смертью храбрых. В его партбилете лежали листочки с клятвой: «Буду драться храбро, умело и с достоинством, не щадя своей крови и самой жизни до полного уничтожения коричневой чумы. Прошу только одно: после разгрома фашизма, если погибну, сообщить моим родным, что я погиб за дело Ленина...»;

- старшина Галей Исланов, командир группы «пешей разведки», в тылу врага разгромил со своей группой штаб 116-го эсесовского полка, а во время отхода к своим (с 2-мя «языками») попал в окружение (кроме 3-их, которых он отправил с трофеями). Урывками Галей писал свое письмо, как пишет В.В.Чикин, и однополчанам, «и нам – в будущее: «...Я одной рукой продолжаю писать в темноте. Перестрелки стихли. Жду... Последние минуты жизни... 28.12.1941 года. Жив. Не сдамся... Я обращаюсь к своим товарищам-воинам. Боритесь за Родину... Будьте стойкими борцами за победу»

партии Ленина, за Октябрь, за свой народ...». Последние строчки были написаны кровью бойца: «Моя партия, моя Родина, мой героический народ Советского Союза! Я это пишу перед смертью...».

Известный петербургский философ, товарищ автора, В.Л.Обухов перенес блокаду Ленинграда в детсадовском возрасте. Он недавно опубликовал книгу «Ленинградская оптимистическая трагедия», в которой показан героический дух – дух непокоренных ленинградцев. Блокада Ленинграда – это коллективный подвиг всего города, его жителей и всех бойцов Красной армии и Флота, отстоявших город. Город не только сражался, но и жил полной духовной, культурной жизнью: праздновали юбилейные даты поэтов и мыслителей Навои и Низами в Эрмитаже, слушали исполнение Седьмой симфонии Шостаковича, музыку по радио, функционировали библиотеки и книжные магазины, ходили в театры. Об этом рассказывают книги «Музыка в блокадном городе», «Искусство и культура в блокадном Ленинграде», «Еще раз о музыке». «Все это помогло городу выстоять, сберечь многие жизни и победить», – замечает Валерий Леонидович [18, с. 3].

Он по результатам своего исследования приходит к важному выводу:

«... большинство ленинградцев, 70% выжило. Это вопреки утверждениям «либералов» о том, что если бы город был сдан врагу, то жертв можно было бы избежать. Откуда такое сомнение? Ведь опыт войны с фашистской Германией говорит, как раз наоборот. В городах, которые удалось захватить врагу, например, Киев, Минск, Пушкин, жертв было значительно больше – от 60 до 80%» [18, с. 3].

7. Победа в Великой Отечественной войне подчеркнула высоту Духа Советской Цивилизации

Великая Отечественная война! – Она была не только войной оружия, формой раскрытия преимуществ сражающихся армий и экономических систем, но, и это может быть более важно, войной идеологий, ценностей, духа сражающихся сторон.

И Победа в Великой Отечественной войне подчеркнула такие Высоты Духа Советской цивилизации, гуманизм советского социалистического строя, нравственно-духовное преимущество советского человека над германским солдатом-завоевателем-фашистом, которые не знала ни одна страна мира.

Воинский дух, дух советского народа, дух всех, кто трудился в тылу под девизом «Всё для фронта, всё для победы!» – все это есть Дух сражающейся против немецко-фашистской орды Советской цивилизации, которого не знала не только ни одна из стран, сражавшихся против фашистской Германии и милитаристской Японии, но не знала в целом вся всемирная история человечества, хотя в ней есть множество героических страниц, связанных с войнами в Древней Греции, и в Римской империи, и в Средневековой Европе, и в досоветской истории России, и в других странах.

И, конечно, это был «Дух», рожденный советской (социалистической) идеологией, носителем которой была партия коммунистов, сплотившая весь советский народ, организовавшая эвакуацию и развертывание промышленности на Востоке страны, за Волгой, на Урале, в Сибири, в Средней Азии.

Г. К. Жуков в своих «Воспоминаниях и размышлениях» [4] вспоминает знаменитые слова В. И. Ленина, произнесенные им в годы начала становления советского государства:

«Никогда не победят того народа, в котором рабочие и крестьяне... узнали, почувствовали и увидели, что они отстаивают советскую власть – власть трудящихся, что отстаивают дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созиданиями человеческого труда».

И «маршал Победы» от себя, заканчивая эту книгу добавляет:

«Это сказано Лениным. Лучших слов для окончания книги я не нашел».

Дух Советской цивилизации, проявленный в Великой Отечественной войне, – это вся советская литература, советский балет, советская песня, советские живопись и музыка, советское образование, советское киноискусство, которые сражались своими средствами, воодушевляя советского человека на воинские и трудовые подвиги.

Примером может служить «Песня защитников Москвы», созданная А. Сурковым совместно с Б. Мокроусовым в 1942 году, которая зазвучала впервые в фильме «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой». Эта песня настолько полюбилась воинами на фронте и в тылу, что она прошла победно до самого Берлина. Эту песню солдаты пели под Сталинградом, на Курской дуге, в Белоруссии. И когда гвардейцы-танкисты первыми ворвались на территорию фашистской Германии, на первом же привале они запели эту песню [22]:

«В атаку стальными рядами
Мы поступью твердой идем.
Родная столица за нами,
За нами родной наш дом.
Мы не дрогнем в бою
За столицу свою,
Нам родная Москва дорога.
Нерушимой стеной,
Обороной стальной
Разгромим уничтожим врага...

...

На марше равняются взводы,
Гудит под ногами земля,
За нами родные заводы
И красные звезды Кремля

...

Для счастья своими руками
Мы строили город родной,
За каждый расколотый камень
Отплатим мы страшной ценой

...

Не смять богатырскую силу,
Могуч наш заслон огневой,
Мы вырыли немцу могилу
В туманных полях под Москвой».

Песни Великой Отечественной, фильмы и литература той грозной эпохи, театр и радио тех суровых лет – такой духовной мобилизующей и гуманистической силы, равной которой ничего не было на «белом свете».

Вся советская культура вдохновляла людей на труд и на воинскую доблесть в Общем Деле защиты советского Отечества и разгрома гитлеровских полчищ в их «логове» – на территории Германии, в Берлине. «Наше дело правое, победа будет за нами!» – этот лозунг духовной мобилизации на отпор немецко-фашистским захватчикам стало великой Правдой – правдой, как каждого советского человека, так и всего народа, всех структур советской власти.

8. О равенстве военных потерь со стороны СССР и Германии.

Немецко-фашистский геноцид советских военнопленных и мирного советского населения

За все время Великой Отечественной войны потери Красной Армии и Военно-Морского Флота составили 11 млн. 520 тыс. человек, в том числе из них – убитых 5 млн. 177 тыс. человек, умерших в госпиталях 1 млн. 100 тыс., в это же время потери Вооруженных сил Германии и её союзников составили – 8 млн. 649 тыс. человек, т.е. соотношение между немецкими и советскими

безвозвратными потерями составило 1:1,1 [13, с. 549]. «Превышение потерь советских войск, – пишут авторы капитального исследования во главе с Г. Ф. Кривошеевым «Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь» [13], – связано в основном с первым периодом войны, в течение которого сказывались и фактор внезапности нападения фашистской Германии на СССР, и просчеты советского военно-политического руководства, допущенные накануне и в начале войны» [13, с. 549]. Сказался и такой фактор: при почти одинаковом числе попавших в плен с германской и советской сторон (4559 тыс. человек составили советские военнопленные, а немецкие – 4376,3 тыс. человек) погибших и умерших советских военнопленных в нацистских лагерях было в 5 с лишним раз больше, чем умерших немецких военнопленных в советских лагерях (2500 тыс. человек советских военнопленных против 442 тыс. человек немецких военнопленных – умерших в лагерях).

Если эту асимметрию в потерях «через плен», связанную с целенаправленной формой геноцида советских военнопленных со стороны немецких фашистов, то пропорция безвозвратных потерь в боях, на фронте изменится: станет 1:1.

Автор привел эти цифры для того, чтобы развеять миф (который запущен рядом политиков и квази-историков «либеральных» взглядов в России, исповедующих антисоветизм и антикоммунизм так же, как исповедовали их идеологи фашистской Германии во главе с Гитлером), что победа в 1945 году нам досталась за счет того, что советские полководцы не жалели солдат и «завалили дорогу» к победе трупами своих солдат – несоизмеримыми потерями в людских силах.

Таким образом, из 28 млн. человек, которые составили людские потери, которые понес Советский Союз в этой войне, разгромив фашистскую Германию («перемолотив» более 80% её военной мощи), 17 млн. составляют гражданское население, и являются отражением того геноцида, который гитлеровский фашизм проводил против советского народа, и в первую очередь русского народа. Этот геноцид по своей беспощадности, жестокости не уступает «холокосту», который постоянно отмечается в Израиле, как напоминание о геноциде еврейского народа со стороны немецкого фашизма во главе с Гитлером.

Группа авторов – И. Пыхалов, А. Дюков и другие в книге «Великая оболганная война» [10] разоблачают технологии лжи и мифов, направленных против героической правды Великой Отечественной войны. Фактически авторы этой исторической лжи и мифов – те, которые стали во главе «рыночных реформ» и демонтажа СССР, кто в «холодной войне» глобального империализма США и Западной Европы стали на их позиции, кто стал проводить «десталинизацию» российского общества в начале XXI века [21], кто стал на позиции оправдания предательства генерала Власова («власовщины»), независимо от того – понимают они это (т.е. делают сознательно) или не понимают – преследуют те же цели, которые не смог реализовать немецкий фашизм во главе с Гитлером. Мавзолей В. И. Ленина, с трибуны которого И. В. Сталин 7 ноября 1941 года принимал парад войск, уходивших на фронт в битве под Москвой, снова и снова закрывается декорациями, чтобы не рождалась ассоциация у празднующих людей о великой связи Победы в Великой Отечественной войне с именем и делом Ленина (на которые указывал в своем предсмертном письме красноармеец Степан Волков, которого автор цитировал выше). Антисоветизм и антикоммунизм в идеологии российского либерализма, как бы ни хотели его представители в современной России отделить Великую Победу, память о ней от Советского Союза, от огромных заслуг в руководстве воюющей страной советской власти во главе с И. В. Сталиным, Всесоюзной Коммунистической партией (большевиков) – ВКПб, де-факто смыкается с идеологией антисоветизма и антикоммунизма гитлеровского фашизма, превращая эту идеологию в идеологию предательства этой Великой Победы.

В том числе смыкается и с идеологией современного империализма США и Западной Европы, поставившей себе целью расчленив Россию, превратив окончательно в свою колонию. Вот уже лидеры современной объединенной Европы объявили, что вина за развязывание второй мировой войны лежит не только на Гитлере, на немецком фашизме, но оказывается и на главном победителе

гитлеровского фашизма – на Сталине, на советском социализме.

Как понимать это явление? – Только как то, что война Гитлера против СССР, а вернее «Запада» в лице европейского фашизма против СССР, превратилась в войну этого «Запада», в лице уже глобального империализма, против России. Вот уже Пентагон в США объявил Россию и Китай главными своими противниками.

Российская цивилизация со своим ценностным геномом, с ценностями справедливости, правды и коллективизма, даже в современной рыночно-капиталистической, экономико-колониальной (по «финансовому блоку») форме существования, «Западом» не принимается, он продолжает войну против нее, тем самым демонстрируя свою преемственность с гитлеризмом, с войной гитлеровской Германии против СССР в 1941 – 1945 гг.

9. Победа в Великой Отечественной войне как Победа такой Высоты Духа Советской Цивилизации, которой не знала вся всемирная история человечества

Победа в Великой Отечественной войне, 75-летнюю годовщину которой мы отметили 9 мая и 24 июня 2020-го года,

- есть Победа Великого Духа Советской Цивилизации, которого не знала до этого вся всемирная история человечества,

- есть Подвиг Советского Социализма,

- есть Гимн Советскому Человеку,

- есть Победа невиданного единства фронта и тыла, советских бойцов, сражающихся с немецко-фашистскими захватчиками на фронтах Великой Отечественной, и советских тружеников, сделавших своим трудом – невозможное, опередив по производству оружия, самолетов, танков, орудий, снарядов, теплой одежды, сапог, валенок, по производству продовольствия и т.д., и т.п., всю европейскую экономику, работавшую на вооруженные силы гитлеровской Германии.

Г. К. Жуков отмечал [4, с. 338]: «Создавая первоклассную технику, выдающиеся творческие победы одержали коллективы, которыми руководили А. Н. Туполев, А. И. Микоян, А. А. Благонравов, А. А. Архангельский, Н. Н. Поликарпов, А. С. Яковлев, С. В. Ильюшин, С. А. Лавочкин, В. М. Петляков, С. П. Королев, П. И. Сухой, Ж. Я. Котин, А. Н. Крылов, В. Я. Климов, М. И. Кошкин, В. Г. Грабин, Г. М. Горюнов, М. И. Гуревич, В. А. Дегтярев, А. А. Микулин, Б. И. Шавырин, Г. С. Шпагин».

Дмитрий Федорович Устинов, который был в годы войны Наркомом вооружения, в своих мемуарах «Во имя победы» приводит пример «Письма рабочих завода «Большевик» защитникам Ленинграда». В этом письме рабочие из осажденного немцами города писали своим братьям на фронте – защитникам Ленинграда [5, с. 259]:

«В дни 1919 года, когда красный Питер оборонялся от банд Юденича, мы, обуховцы, никогда не отступали. А ведь тогда мы получали осьмушку хлеба, ходили в лаптях, многие были вооружены берданками. Но мы смело ходили в атаку против вооруженных до зубов банд Юденича и побеждали.

Будьте и вы, дорогие наши друзья и братья, такими же стойкими и крепкими. Здесь, в городе Ленина, на наших заводах мы куем победу над злейшим врагом. Мы ни на минуту не отходили от станков и верстаков, выпуская для вас боеприпасы и вооружение. Сотни наших стахановцев, таких, как Чирков, Тугеев, Хомяков, Изотов, Семенова, Ларионов, выполняют за смену 3, 4, 5, а иногда и 8 – 10 норм. Они по несколько суток не уходят из цеха, лишь бы только выполнить заказ фронта.

Бейте врага беспощадно! Он силен своей наглостью. Но первый же крепкий удар заставляет врага обращаться в бегство. Будем же едины как никогда. Будьте беспощадны к тем, кто забудет в эти суровые дни о своем воинском долге...

...Доблестные защитники Ленинграда изо дня в день уничтожают гитлеровских бандитов. Враг выдыхается, и близок тот час, когда он захлебнется в собственной крови...

Мы, старые питерцы, не раз грудью отстаивавшие от врагов свой город, свою страну, революцию,

требуем от вас:

- Ни шагу назад!

Только вперед, наши родные!

За Ленинград!

За нашу Победу!» (выдел. нами, С.А.).

Каждое мемуарное свидетельство, которое присутствует в воспоминаниях Маршалов Советского Союза, наших советских военачальников, таких, например, как Г. К. Жуков [4], А. М. Василевский [14], Н. И. Крылов [6], П. И. Батов [7], А. Н. Комаровский [8, 9] и других, в переписке И. В. Сталина с У. Черчиллем и Ф. Рузвельтом [11, 12], предстает как свидетельство высочайшего героизма и мужества – от сражающегося рядового советского солдата до военачальников, министров, рабочего у заводского станка, сталевара, колхозника, учителя, ученого, представителей Ставки Верховного Главнокомандования, Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина. Автор берет в руки из своей библиотеки книгу Петра Сажина «Севастопольская хроника» [32]. И в ней каждая страница передает огневое напряжение защитников Севастополя – красноармейцев, моряков, рыбаков, простых тружеников и одновременно тех, кто руководил ежедневно защитой морской русской крепости. Один из героев повести – генерал Иван Ефимович Петров в одной их бесед, во время сражения за Севастополь в 1942 году говорит про немцев: «Если они каждый важный в стратегическом отношении город будут штурмовать по году, им никогда не выиграть войну! У них могут быть успехи – вояки они хорошие. Но успехи временные. Запомните! А мы победим...» [32, с. 435]. И победили!

10. От Победы в Великой Отечественной войне – к ноосферно-социалистической Победе и России, и человечества в XXI веке: таков Зов Истории!

Россия, как и человечество, переживает не простые времена. На рубеже 80-х – 90-х годов XX века человечество вошло в первую фазу Глобальной Экологической Катастрофы. Теперь уже Природа – Биосфера и планета Земля как суперорганизмы – подписали «мировому капитализму» (понятие Дж. Сороса) или «глобальному империализму» (понятие автора [27]) экологический приговор. Глобальный империализм мировой финансовой капиталократии (в единстве с мировым рынком) превратился уже в систему экологического самоуничтожения человечества.

Выход человечества, и России в его составе, из Экологического тупика, порожденного рыночно-капиталистической системой хозяйствования на Земле, по автору, связан только с единственной стратегией развития на базе перехода к Ноосферному Экологическому Духовному Социализму.

СССР не погиб, он, как «подводная лодка», погрузился в «глубины потока истории», переместился в Будущее, и оттуда нам светит своими «прожекторами», как бы говоря нам, что вне социализма, но социализма нового, ноосферного качества, ни у России, ни у человечества нет Будущего даже в XXI веке!

В 2005 году, 15 лет назад, в работе «Уроки Великой Отечественной войны и их значение для будущего России в XXI веке» автор писал [1, с. 34], завершая свое повествование:

«Победа в Великой Отечественной войне в 1945 году была второй крупной Победой Социализма, после Победы Великой Русской Социалистической революции в 1917 году. Будет и третья Победа, но уже в наступившем XXI веке – Победа Ноосферного Социализма, которая откроет эпоху Кооперационной Истории, управляемой социоприродной гармонии на базе общественного интеллекта и образовательного общества.

Ноосферно-социалистическая Победа и России, и человечества впереди! Мы это провозглашаем в день 60-летия Великой Победы в Великой Отечественной войне».

Спустя 15 лет, в год 75-летия Великой Победы в Великой Отечественной войне, автор снова подтверждает этот свой вывод-прогноз!

Советский человек в этой войне показал всемирное величие своей человечности и духовности!

XXI век – это век ноосферной человеческой революции, связанной с Родами Действительного Разума и Действительного Человечества, способных взять на себя всю тяжесть ноши Ответственности за Будущее всей Мегасистемы Жизни на Земле – Биосферы и соответственно – за управление социоприродной гармонией.

И в этой предстоящей ноосферной человеческой революции те достижения, которые сконцентрированы в понятии «советский человек», и апогеем Духа которого стала Победа в Великой Отечественной войне, становятся тем фундаментом, той стартовой площадкой, которые и вселяют оптимизм и уверенность в этой 3-й будущей Победе – Победе Ноосферного Экологического Духовного Социализма, шествие которой по планете, автор уверен, откроет Россия, совершив первой свой Ноосферный Прорыв в XXI веке!

Автор надеется, что заявленный заглавием статьи тезис – «Победа в Великой Отечественной войне – воплощение Высоты Духа Советской Цивилизации, которой не знала всемирная история человечества» получил, насколько позволяет формат статьи, достаточную аргументацию. Более фундаментальное доказательство этого тезиса имеется в вышеуказанных работах автора [1 - 3].

На взгляд автора, материальным воплощением этого Духа является памятник Матери-Родины Вучетича в Волгограде – Сталинграде! Недавно появился под Ржевом величественный «Ржевский мемориал советскому солдату». Перед этой «Матерью-Родиной» – воплощением нашей Великой Победы, и перед мужеством Советского Солдата, которое всегда будет восхищать все новые и новые поколения людей в России и в мире, – автор склоняет свою голову!

Настоящая статья – это второй, отредактированный вариант, с несколько измененным названием.

То, что принадлежит Правде Истории, выходит за пределы времени, оно не подвержено энтропии. Такой Правдой Истории и встает перед изумленным взором нынешнего поколения человечества Победа в Великой Отечественной войне и вместе с этой Победой – Высота Духа Советской Цивилизации и Советского Человека!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Субетто А.И. Уроки Великой Отечественной войны и их значение для будущего России в XXI веке. – СПб. – Кострома: Смольный университет РАО, Костромской государственной университет им. Н.А.Некрасова, 2005. – 36с.
2. Субетто А.И. Победа в Великой Отечественной войне – Гимн Советскому Человеку: научно-философское эссе/ Под науч. ред. д.ф.н., проф. А.В.Воронцова. – СПб.: Астерион, 2015. – 56с.
3. Субетто А.И. Сталин и победа в Великой Отечественной войне – символы высоты Духа Советской Цивилизации (посвящается 140-летию со дня рождения Иосифа Виссарионовича Сталина)/ Под науч. ред. д.ист.н. В.П.Казанцева. – СПб.: Астерион, 2019. – 208с.
4. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Том 2. 3-е изд. – М.: 1978
5. Устинов Д.Ф. Во имя победы. Записки наркома вооружения. – М.: Воениздат, 1988. – 320с.
6. Крылов Н.И. Огненный бастион. – М.: Воениздат, 1973. – 416с.
7. Батов П.И. В походах и боях. Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Воениздат, 1974
8. Комаровский А.Н. Записки строителя. – М.: Воениздат, 1973. – 264с.
9. Галайко В.М. Я не люблю слово «Нет!». – М.: Изд-во «Восток Сервис», 2006. – 320с.
10. Пыхалов И.В. Великая оболганная война. Обе книги одним томом/ Игорь Пыхалов, Александр Дюков и др. – М.: Яуза: Эксмо, 2009. – 768с.
11. Переписка председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны. 1941 – 1945гг. Т.1. Переписка с У.Черчиллем и К.Эттли (июль 1941г. – ноябрь 1945г.)/М-во иностр. дел СССР. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1989. – 464с.
12. Переписка председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-

- министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны. 1941 – 1945гг. В 2-х Т. Изд. 2-е. Т.2. Переписка с Ф.Рузвельтом и Г.Трумэном (Авг. 1941г. – дек. 1945г.). – М.: Политиздат, 1976. – 328с.
13. Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь/ Г.Ф.Кривошеев, В.М.Андронников, П.Д.Буриков и др. – М.: Вече, 2010. – 624с.
14. Василевский А.М. Дело всей жизни – М.: Политиздат, 1974. – 542с.
15. Чикин В. «150/75» (Наше слово)// «Советская Россия». – 2020. – 11 января - №1(14825). – с. 1
16. «Герои, сорвавшие блицкриг». Беседуют политолог Игорь Шишкин и обозреватель журнала «Историк», доктор исторических наук Олег Назаров// «Завтра». – 2020. – Январь - №3(1361). – с. 8
17. Белоусов А.А. Причины и виновники падения «трои социализма». Втор. доп. научно-популярное издание. – Владивосток: Издат. Дом ДВФУ, 2014. – 494с.
18. Обухов В.Л. Ленинградская оптимистическая трагедия. – СПб.: ХИМИЗДАТ, 2019 – 232с.
19. Панарин А.С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива. – М.: Издат. Корпорация «Логос», 1998. – 392с.
20. Зюганов Г.А. Подвиг социализма. – М.: 2017. – 96с.
21. О программе десталинизации. Приглашение к ненависти// «Советская Россия». – 2011. – 12 апреля.
22. Яворская И. Песня – друг фронтовой. – СПб.: 2012.
23. Субетто А.И. Основания и императивы стратегии развития России в XXI веке (в логике противостояния глобальному империализму и ноосферно-социалистического прорыва). – СПб. – Кострома: Смольный ун-т РАО, КГУ им. Н.А.Некрасова, 2005. – 324с.
24. Субетто А.И. Слово о русском народе и русском человеке/ Под нач. ред. профессора д.ф.н. А.В.Воронцова – СПб.: Астерион, 2013. – 265с.
25. Субетто А.И. Меморандум стратегии развития России в XXI веке. – СПб.: Астерион, 2014. – 40с.
26. Субетто А.И. Владимир Ильич Ленин: гений русского прорыва человечества к социализму. – СПб.: Астерион, 2010. – 492с.
27. Субетто А.И. Глобальный империализм и ноосферно-социалистическая альтернатива. – СПб.: КГУ им. Н.А.Некрасова, Изд-во «Астерион», 2004. – 98с.
28. Субетто А.И. Капиталократия и глобальный империализм. – СПб.: «Астерион», 2009. – 572с.
29. Ленинская теория империализма и современная глобализация (коллективная монография). Книги I и II/ Под науч ред. А.И.Субетто. – СПб.: Астерион, 2003. – 756с.
30. Зюганов Г.А. Сталин и современность. – М.: Молодая гвардия, 2008.
31. Проэктор Д.М. Фашизм: путь к агрессии и гибели – М.: 1985
32. Сажин П. Севастопольская хроника. – М.: Советский писатель, 1975. – 543с.
33. Кириллов Валерий, писатель, сын калининского партизана. Забвению не подлежит (Как лютовал враг на оккупированных территориях)// «Советская Россия». – 2020. – 18 января. – №4(14828). – с. 2, 3.

К ВОПРОСУ ОБ АБСТРАКТНОМ И КОНКРЕТНОМ В МАРКСИСТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ: ДВОЙСТВЕННАЯ ПРИРОДА ПОТРЕБЛЕНИЯ

Иван Дмитриевич Котляров

кандидат экономических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»,
Высшая школа сервиса и торговли, Институт промышленного менеджмента, экономики и торговли,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.
E-mail: ivan.kotliarov@mail.ru

Аннотация: гипотезой исследования является предположение о наличии двойственности природы (т. е. существования абстрактной и конкретной компонент) не только в труде, но и в потреблении. Актуальность исследования связана с тем, что, несмотря на тезис о неразрывной связи производства и потребления в марксистской политической экономии, в настоящее время между теоретическим анализом производства и потребления существует асимметрия, заключающаяся в сложной природе труда и простой природе потребления. Методологической основой исследования послужила диалектическая логика, в особенности закон экономической двойственности, а также маркетинговая концепция о разграничении нужд и потребностей. Результатом исследования стала демонстрация сосуществования абстрактного и конкретного элементов в труде, обмене и потреблении. Была построена схема, иллюстрирующая взаимосвязь абстрактного и конкретного элементов при труде, производстве и обмене. Это позволило обеспечить симметрию труда, потребления и обмена и устранить незавершенность применения концепции двойственности в марксистской экономической теории при анализе труда и потребления.

Ключевые слова: марксистская политическая экономия, экономическая двойственность, абстрактный труд, конкретный труд.

JEL: B51

THE PROBLEM OF ABSTRACT AND CONCRETE IN MARXIST POLITICAL ECONOMY: DUAL NATURE OF CONSUMPTION

Ivan Dmitrievich Kotliarov
Cand. Sc. (Economics), Associate Professor
High School of Service and Trade, Institute of Industrial Management, Economy and Trade
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
Saint-Petersburg, Russian Federation

Abstract: the hypothesis of the research supposes that the dual nature (coexistence of abstract and concrete components) is present not only in labor, but also in consumption. The topic of the research is important because despite the assumption of the link between production and consumption in the Marxist political economy, there is an asymmetry between the theoretical analysis of production and consumption. This asymmetry consists in complex nature of labor and simple nature of consumption. The methodology of the research is based on dialectic logic, especially on the law of economic duality, as well as on the marketing concept of needs and demands. The research demonstrated that abstract and concrete components coexist in labor, exchange and consumption. A scheme demonstrating links between abstract and concrete elements in labor, exchange and consumption is given. It helped to ensure the symmetry between labor, consumption and exchange and to eliminate the problem of implementation of the concept of duality in Marxist economic theory in case of analysis of labor and consumption.

Keywords: Marxist political economy, economic duality, abstract labor, concrete labor.

Введение.

В последние годы, после двух десятилетий фактического забвения, в отечественной науке снова возрождается интерес к марксистской политической экономии. Независимо от того, являются ли ее положения безусловно верными или нет, этот исследовательский интерес нужно, по нашему мнению, всячески приветствовать. Наука может развиваться только в условиях конкуренции парадигм и исследовательских программ, когда представители разных течений научной мысли предлагают альтернативные объяснения и тщательно отслеживают и выявляют слабые места в позициях соперничающих школ. Без такой конкуренции исследовательская парадигма теряет научный характер и превращается в догму – что памятно по судьбе той же марксистской политической экономии в СССР, и что, возможно, грозит неоклассической экономической теории. По этой причине появление (или, точнее, возвращение) на научной экономической арене такого сильного конкурента, как марксистская политическая экономия, несомненно, пойдет на пользу как лидирующим игрокам (неоклассике, неокейнсианству и новой институциональной экономической теории [1], которая, кстати, обнаруживает довольно высокую степень близости к марксизму [4]), так и самой политической экономии. Эту уверенность подкрепляет тот факт, что марксизм вернулся не в виде догмы, а в виде научного учения, в форме критического марксизма [14], готового как к внутреннему развитию (самые яркие отечественные сторонники марксистской экономической теории указывают на необходимость устранения в ней пробелов, на наличие в ней незавершенностей и т. д. [7, 19, 23]), так и к внешней конкуренции с другими учениями [5]. Возрождение интереса к марксизму подтверждается и возобновлением его критики [16] – действительно, потребности в критическом анализе учения, сошедшего с исторической сцены, нет. Отметим, наконец, еще один важный момент – регулярно публикуются работы, в которых факты и явления современной экономической и социальной жизни анализируются с марксистских позиций [3, 8, 11]. Это может (по крайней мере, потенциально) служить подтверждением того, что марксистская политическая экономия является не набором начетнических догм, в чем ее регулярно обвиняют, а эффективным инструментом научного анализа.

В силу этого мы считаем, что высокой степенью актуальности обладает задача критического анализа базовых понятий и положений марксистской экономической теории. В предлагаемой статье мы исследуем проблему двойственного характера труда, или, точнее, проблему двойственности в марксистской политической экономии на примере связи между трудом и потреблением.

Сразу следует оговориться, что мы не будем рассматривать вопросы истинности марксистской трудовой теории стоимости, возможности сведения стоимости исключительно к труду, синтеза трудовой теории стоимости и теории предельной полезности и т. д. Исследование этих вопросов имеет давнюю историю [10, 15, 24] и к теме нашей работы не относится. Мы лишь попытаемся проанализировать то, как в рамках самой марксистской экономической теории соблюдается принцип двойственности, т. е., по сути дела, рассмотрим внутреннюю логическую непротиворечивость и целостность применения концепции абстрактного и конкретного в марксистской политической экономии.

Постановка исследовательской задачи.

В соответствии с марксовой концепцией двойственного характера труда, абстрактный труд создает стоимость, а конкретный труд – потребительную стоимость [18]. При этом в труде не выделяются абстрактная и конкретная составляющие как его отдельные элементы – эти два аспекта труда связаны неразрывно и представляют собой две специфические грани единого процесса труда. Иными словами, в зависимости от того, под каким углом зрения рассматривать труд, он будет выступать либо в качестве абстрактного, либо в качестве конкретного. Этот подход к труду (и к порожденному им товару) можно назвать производственным – он исследует процесс возникновения стоимости, тогда как проблема потребления не рассматривается (или, по крайней мере, играет

второстепенную роль).

По нашему мнению, марксова модель несимметрична – труд в ней выступает как абстрактный и конкретный, тогда как для потребления такая сложность природы отсутствует: для него важна только потребительная стоимость товара, создаваемая конкретным трудом (стоимость товара, обусловленная абстрактным трудом, задает условия его обмена; таким образом, если в производстве товара проявляются оба аспекта двойственной природы труда, то в обмене и потреблении представлен только один аспект – стоимость и потребительная стоимость соответственно). Как нам кажется, это нарушает диалектическое единство производства и потребления (и обмена, при помощи которого они совмещаются), и вместо с тем – единство природы человека как производителя и потребителя.

Наличие такого противоречия между сложной (двойственной) природой труда и простой (монистической) природой потребления может, по нашему мнению, служить основанием для выдвижения гипотезы о сложной природе потребления, в котором так же, как и в труде (производстве), присутствуют абстрактный и конкретный аспекты (как, разумеется, и в обмене). В данной работе мы попытаемся изложить аргументы в пользу этой гипотезы.

Обзор литературы.

Двойственность как методологический инструмент марксистской экономической теории достаточно давно служит объектом специальных исследований [16]. С общеполитической точки зрения этот вопрос наиболее полно, вероятно, раскрыт Э. В. Ильенковым в его фундаментальном труде [9]. Тем не менее, изучение соотношения труда и потребления выходило, насколько можно судить, за рамки исследования Э. В. Ильенкова [9].

С экономической точки зрения проблематика двойственности экономических явлений, по нашему мнению, наиболее ярко освещена в работе В. С. Афанасьева [1]. Ценность этой работы невозможно преувеличить, поскольку она очень важна в методологическом отношении. В. С. Афанасьев, во-первых, формулирует закон экономической двойственности, который «обуславливает как двухполюсную природу экономических явлений, так и характер этих полюсов, наличие в них, с одной стороны, полюса потребительной стоимости (явления конкретного труда), а с другой – стоимостного полюса (явления абстрактного труда), противоречия между которыми выступают важнейшим фактором развития экономических явлений» [1, с. 364], и, во-вторых, предлагает методологический аппарат для выявления двойственности в различных экономических феноменах, иллюстрируя применение этого аппарата на примерах [1, с. 370-390]. Однако среди этих примеров нет ни одного, который был бы связан с попыткой выявить двойственную природу потребления; более того, сам вопрос о двойственной природе потребления не поставлен.

Для нашего исследования работа В. С. Афанасьева важна тем, что она дает нам методологическую основу для поиска абстрактной и конкретной составляющих в потреблении, поскольку в ней говорится о значимости закона экономической двойственности для анализа экономических явлений.

Наконец, существенную методологическую поддержку для нашей гипотезы дает сам К. Маркс, который недвусмысленно указывает на наличие неразрывной связи между производством и потреблением [18]. Однако, будучи всецело погруженным в разработку трудовой теории стоимости (т. е. ориентируясь в своих исследованиях преимущественно на производство), он не исследовал в явном виде проблематику природы потребления. Тем не менее, само представление об общественно необходимых затратах труда (т. е. фактически о тех затратах труда, которые будут возмещены рынком при поступлении на него для обмена продуктов этого труда) позволяет говорить о том, что Маркс, хотя в явном виде и не занимался вопросами потребления, но и не абстрагировался от них, и неявно включал их в свою экономическую концепцию.

Интересно отметить, что, когда работа над данным исследованием уже была завершена, автору удалось ознакомиться с трудом видного отечественного экономиста-эмигранта А. Д. Билимовича,

бывшего яростным критиком марксизма. А. Д. Билимович пишет, что представление об абстрактном труде, «труде вообще» с необходимостью требует представления об абстрактной полезности, «полезности вообще» [2, с. 432]. Этот свой тезис он использует, к сожалению, не для развития положений марксистской политической экономии, а для ее уничтожающей и уничижительной критики (указывая на то, что Маркс сам не додумался до двойственной природы потребления [2, с. 432]). Сожаление вызывает и то, что современные экономисты, изучавшие творчество А. Д. Билимовича, ограничились констатацией того, что он указывал на слабые – в его понимании – места марксистской экономической теории, не попытавшись использовать эти указания для дальнейшего творческого развития марксистской политической экономии [12]. Тем не менее, важен сам факт того, что наша гипотеза о двойственном характере потребления имеет определенную историю и уже тем самым представляет некоторый исследовательский интерес.

Сказанное выше позволяет утверждать, что, несмотря на значимость двойственности как методологического инструмента марксистской политической экономии, вопрос о выявлении двойственности в потреблении пока не ставился (поскольку вряд ли можно считать указание А. Д. Билимовича на методологические просчеты Маркса постановкой такого вопроса). При этом характерная для марксистской экономической теории концепция о неразрывной связи производства и потребления, в сочетании с развитым В. С. Афанасьевым представлением о двойственности экономических явлений, позволяют выдвинуть гипотезу о двойственном характере потребления и обеспечивают для этой гипотезы методологическую основу.

Основные результаты исследования.

Как ни парадоксально, аргументы в пользу гипотезы о сложном характере потребления предоставляет маркетинг (интересно отметить, что уже были попытки проложить связь между марксизмом и маркетингом [20]). В рамках этой отрасли знания существует противопоставление нужды (ощущаемой человеком нехватки чего-либо) и потребности (конкретизацией нужды в зависимости от индивидуальных особенностей человека; например, в качестве нужды может выступать голод, а в качестве потребности – желание съесть стейк) [13, с. 31-32]. Иными словами, при помощи конкретного продукта (т. е. конкретного набора потребительских свойств, т. е. потребительной стоимости) человек удовлетворяет достаточно общую нужду, которая именно для него приняла соответствующую форму. Логично предположить, что нужда соответствует абстрактному потреблению (и, в свою очередь, нужда генерирует абстрактный спрос), тогда как потребность – конкретному (т. е. определенные человеческие потребности формируют конкретный спрос – спрос на конкретные продукты). Такой взгляд на потребление, на наш взгляд, позволяет лучше понять природу абстрактного и конкретного труда – абстрактный труд направлен на удовлетворение нужд, т. е., в конечном счете, абстрактного спроса, т. е. запросов людей на неиндивидуализированные блага, способные удовлетворить нужду как таковую, но не учитывающие частные потребности отдельных людей. Конкретный труд, благодаря тому, что его результатом являются конкретные потребительские стоимости, напротив, позволяет удовлетворить индивидуальные запросы (т. е. конкретный спрос).

Как утверждал Маркс, «Всякий труд есть, с одной стороны, расходование человеческой рабочей силы в физиологическом смысле, - и в этом своем качестве одинакового, или абстрактно человеческого, труд образует стоимость товаров» [18, с. 55] (в наше время, вероятно, целесообразно уточнить это определение за счет дополнения его затратами психической и интеллектуальной энергии). Однако проделанные выше рассуждения позволяют говорить о том, что всякое потребление также есть, с одной стороны, использование ресурсов в физиологическом смысле для поддержания жизни человека – и в этом смысле в потреблении есть абстрактная составляющая. Иными словами, мы можем обеспечить симметрию между трудом и потреблением за счет выделения в обоих этих явлениях физиологической, абстрактно человеческой составляющей. И тогда абстрактные нужды человека

служат естественным источником, естественной причиной его абстрактного труда (необходимость удовлетворения нужд подталкивает человека к производству). При этом представленным на рынке результатом труда является не некий абстрактный продукт, а конкретная потребительная стоимость (произведенная конкретным трудом), и именно ее стремится получить человек для удовлетворения своих конкретных потребностей (что приводит к очевидной констатации о наличии в потреблении конкретного компонента, который, по аналогии с потребительной стоимостью, можно назвать потребительной ценностью).

Можно сформулировать это несколько иначе: в соответствии с Марксом, на рынке обмениваются два сгустка человеческого труда, однако участникам сделки обмена нужен не чужой труд, а удовлетворение своей нужды. При этом присутствующие у людей нужды будут удовлетворяться через конкретизированные потребности. Для этого участникам рыночного обмена необходима отсутствующая у них (и появляющаяся у каждого из них в результате сделки) потребительная стоимость (представляющая собой внешнюю форму этих «сгустков труда»).

Именно наличие абстрактного спроса (как совокупности представленных в обществе нужд, подкрепленных покупательной способностью) позволяет произведенным абстрактным трудом стоимостям обмениваться друг на друга на рынке. Очевидно, что для обмена мало равенства стоимостей (обеспеченного равенством заключенного в этих продуктах абстрактного труда) – необходимо еще, чтобы у каждой из обменивающихся сторон было желание произвести обмен, т. е. чтобы каждая из сторон испытывала потребность в том продукте, который предлагает другая сторона. При простом двустороннем обмене, когда в сделке участвуют только продавец и покупатель (а в идеале – когда товар выпускается на заказ), их заинтересованность легко объясняется наличием у товара потребительной (конкретной, т. е. обусловленной конкретным трудом) стоимости – действительно, равенство стоимостей не означает равенства потребительных стоимостей, и именно это неравенство и побуждает людей к обмену. Однако в ситуации массового производства (т. е. выпуска по определению неиндивидуализированных товаров) и столь же массового спроса, когда на рынке сталкивается множество поставщиков и покупателей, условием обмена, как мы полагаем, является абстрактный спрос, т. е. соответствие предлагаемых товаров нуждам общества. В этом случае общество будет готово обменять имеющиеся у него стоимости (полученные за труд отдельных членов общества) на те товары, которые будут удовлетворять нужды его членов.

Повторимся: хотя стоимость, по Марксу, не связана с потреблением (в отличие от потребительной стоимости), однако породивший ее труд был вызван необходимостью удовлетворения нужды, благодаря чему в случае товарного производства она и является меновой в полном смысле слова. Что это означает? Для акта обмена необходимы два условия: соизмеримость обмениваемых объектов и готовность участников акта сделки обменять свой объект на объект второй стороны. Соизмеримость обеспечивается благодаря одинаковым затратам труда на производство товара, а готовность к обмену – тем, что товар способен удовлетворять общественные нужды. Одной лишь соизмеримости затрат труда для обмена недостаточно.

Симметрия в рыночной сделке достигается за счет того, что предлагаемый продавцом на рынке «сгусток» абстрактного труда способен удовлетворить равнозначный объем абстрактных потребностей (нужд) покупателя, за что он готов расплатиться соответствующим (встречным) «сгустком» своего абстрактного труда. Под равнозначным объемом абстрактных потребностей (нужд) мы понимаем такую их величину, после удовлетворения которой человек будет способен затратить объем абстрактного труда, достаточный для производства того объема стоимости, которая была получена им в результате рыночной сделки. Аналогично, полученный продавцом от покупателя в виде оплаты встречный «сгусток» абстрактного труда способен удовлетворить такой же объем абстрактных потребностей продавца. Каждому объему абстрактного труда соответствует равнозначный объем абстрактных потребностей. Иначе, в рыночной сделке присутствует баланс как

абстрактного труда, так и абстрактных потребностей (нужд) .

Как мы полагаем, это позволяет устранить то противоречие, на которое указывали критики теории Маркса, а именно то, что меновая стоимость у товара возникает еще до акта обмена. Товар целенаправленно создается для обмена, в целях удовлетворения нужд, и это обуславливает то, что стоимость у него присутствует до обмена. В акте обмена эта стоимость реализуется (объективируется). Эта объективация достигается, во-первых, за счет соответствия затраченной на этот товар величины абстрактного труда нуждам общества (и здесь мы естественным образом выходим на понятие общественно необходимого труда), и, во-вторых, благодаря соответствию потребительских свойств товара ожиданиям и запросам потребителей (соответствие на уровне конкретного труда и конкретных потребностей).

В случае справедливости гипотезы существования двойственной природы не только труда, но и потребления, труд вместе с потреблением формируют неразрывное диалектическое единство. Это, в свою очередь, позволяет точнее раскрыть природу стоимости товара – она возникает благодаря затратам абстрактного труда, но только потому, что этот абстрактный труд направлен на удовлетворение абстрактного потребления (нужд) и порождается им. Иными словами, общественно необходимые затраты труда трактуются не только в количественном смысле – как та величина труда, которую общество готово затратить на производство определенных благ, - но и в смысле качественном (см. рис. 1) – как те затраты труда, которые необходимо осуществить для того, чтобы удовлетворить нужды общества (т. е., по сути, это обязательные затраты, без которых нужды общества удовлетворены не будут). Абстрактный спрос (создаваемый нуждами) побуждает общество затрачивать абстрактный труд, благодаря чему возникает возможность удовлетворения этого абстрактного спроса. Источником стоимости товара, таким образом, являются абстрактный труд и абстрактное потребление в своем неразрывном диалектическом единстве: абстрактный труд как непосредственный создатель стоимости, а абстрактное потребление (нужды) – как первопричина абстрактного труда. Абстрактный труд возникает из абстрактного потребления и направлен на его удовлетворение. Или, иначе, стоимость выступает в двух ипостасях – она создается трудом, но порождается нуждами. Это, как мы полагаем, позволяет устранить тот недоучет важности востребованности товара для обеспечения наличия у него стоимости, который характерен для теории Маркса. Абстрактный труд создает стоимость, а абстрактный спрос позволяет ей реализоваться, т. е. стать предметом обмена на рынке.

Рисунок 1 - Структура общественно необходимого труда

Иначе, затраты труда создают стоимость только потому, что они вызваны нуждами. Это означает, что стоимость создается только полезным трудом. Не всякий труд, не всякая осмысленная

и целенаправленная деятельность человека, не всякие затраты его сил способны создавать стоимость. Труд не создает стоимость сам по себе – для создания стоимости за ним обязательно должна скрываться некоторая общественная нужда, которую он способен удовлетворить. Можно сказать, что стоимость создается нуждами через труд (хотя известно, что потребление опосредуется производством [6, с. 131], однако предполагается, что благодаря труду создаются потребительные стоимости, мы же утверждаем, что нужды влияют и на формирование стоимости). Без нужд и без труда стоимость создана не будет. Именно через абстрактные нужды проявляется общественный характер абстрактного труда, его ориентация на удовлетворение общественных нужд [19, с. 48-50].

При этом абстрактный труд, с одной стороны, создает стоимость, а с другой стороны – обеспечивает работника ресурсами для последующего приобретения нужных ему товаров (именно за счет того, что он создает стоимость). Благодаря этому нужды работника трансформируются в абстрактный спрос (спрос, вызванный не конкретными потребностями отдельных людей, а общественным спросом на удовлетворение нужд), т. е. становятся платежеспособными. Наличие такого абстрактного спроса является важным условием реализации обмена.

Вероятно, не будет ошибкой утверждать, что абстрактный спрос определяет общественно необходимые затраты труда на производство какого-либо продукта, но это предположение нуждается в дополнительном анализе.

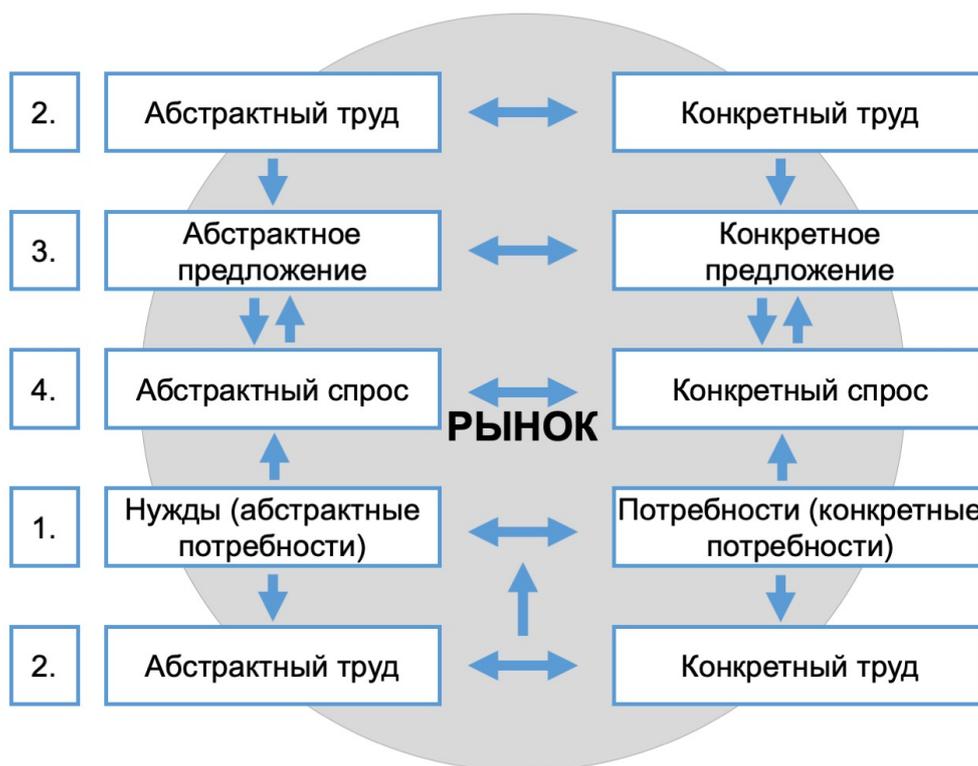

Рисунок 2 - Взаимосвязь труда, спроса и потребления

Как и в случае труда, абстрактный и конкретный спрос (а также абстрактное и конкретное потребление) не существуют по отдельности, а в каждом конкретном акте обмена и потребления неразрывно связаны друг с другом.

Далее, следует особо указать на необходимость осторожного обращения с прилагательным «абстрактный» применительно к потреблению. Маркс указывал, что абстрактный труд – это не некий внеисторический труд некоего абстрактного человека, а усредненный труд работника в определенной историческую эпоху при определенном уровне развития производительных сил, и, таким образом, его величина и содержание неодинаковы для разных обществ и разных эпох [18; 19].

Аналогично, абстрактное потребление – это средний уровень потребления человека в определенную эпоху при определенном уровне развития общества. Размер и содержание этого потребления также непостоянны.

Мы не настаиваем на терминах «абстрактный (конкретный) спрос» или «абстрактное (конкретное) потребление» – возможно, более адекватными терминами были бы «абстрактная (конкретная) потребность (нужда)». Тем не менее, мы считаем возможным предположить, что в потреблении, как и в труде (производстве), также существует единство абстрактного и конкретного.

Изображенная на рис. 2 схема позволяет детализировать нашу концепцию (приведенные слева номера уровней не означают логической последовательности формирования этих уровней – они даны лишь для удобства представления материала). На уровне 1 человек осознает свои нужды и конкретизирует их в потребности, что в итоге приводит к формированию спроса (уровень 3) – пока еще виртуального, не подкрепленного покупательной способностью. Еще раз напомним о том, что содержание нужд зависит от той социально-экономической ситуации, в которой находится человек (здесь можно провести параллель с пирамидой Маслоу, в соответствии с которой осознание нужд более высокого уровня наступает далеко не сразу). Это побуждает человека перейти к трудовой деятельности (уровень 2) – т. е. затрачивать как свой абстрактный труд, так и труд конкретный, – плата за которую позволит ему претендовать на те блага, в которых он заинтересован (то, что плата за труд служит для человека источником для удовлетворения его нужд и потребностей, отображается при помощи восходящей стрелки от уровня 2 к уровню 1). В результате труда людей формируется как предложение (уровень 3), так и спрос (уровень 4) (точнее, спрос возникает еще до труда, что и показано на рис. 2, однако до труда этот спрос является неплатежеспособным; получение платы за труд трансформирует этот виртуальный спрос в реальный, платежеспособный), в каждом из которых выделяется абстрактная и конкретная составляющая (неразрывное единство абстрактного и конкретного на каждом уровне показано при помощи двусторонних стрелок). Спрос и предложение сталкиваются и взаимно уравниваются на рынке (это отображается при помощи противоположно направленных стрелок между уровнями 3 и 4) – как в абстрактном (стоимости обмениваемых товаров равны), так и в конкретном (люди стремятся приобретать те товары, которые максимально соответствуют их индивидуальным запросам, а производители выпускают продукцию, которая в целом соответствует потребительским ожиданиям, хотя, скорее, не индивидуальным, а групповым). Рис. 2 носит циклический характер (уровень 2 представлен и в верхней части этого рисунка, и в нижней) – при помощи этого мы отображаем то, что нужды и потребности обуславливают как спрос, так и производство.

Подчеркнем, что абстрактный и конкретный элемент на каждом уровне образуют неразрывное единство, и как единое целое они взаимодействуют с другими уровнями. Иными словами, наличие отдельных стрелок от абстрактного и конкретного элемента не должно вводить в заблуждение – как уже было сказано выше, они взаимосвязаны. Но при этом абстрактный элемент одного уровня соответствует абстрактному элементу другого уровня, а конкретный элемент – конкретному элементу.

Описанная нами категория конкретного предложения (см. рис. 2), т. е. представленной на рынке совокупности благ с определенным набором потребительных стоимостей, в известной степени соответствует существующей в марксистской политической экономии категории общественной потребительной стоимости [22].

Обсуждение.

На основе рис. 1 можно сделать весьма интересные выводы. Простота, неразвитость нужд (и сформированных на их основе потребностей) ведет к низкой производительности труда. У людей нет заинтересованности в ее наращивании именно потому, что неясно, какие потребности можно удовлетворить за счет ее прироста. Верно и обратное – низкая производительность

труда обуславливает простоту нужд (потребностей), поскольку человек лишается ресурсов для потенциального удовлетворения своих нужд, нужды, ресурсы на обеспечение которых у него отсутствуют, становятся для него чем-то запредельным, невысказанным.

Напротив, усложнение нужд и их количественный рост становятся источником к стремлению к увеличению производительности труда – как в целях более полного их удовлетворения, так и для высвобождения времени на личные нужды. И, аналогично, рост производительности труда ведет к расширению и усложнению нужд (благодаря тому, что появляются ресурсы для их удовлетворения). Отсюда естественным образом следует не только закон возвышения потребностей [6], но и, более того, диалектически связанный с этим законом, но пока явно, насколько нам известно, не сформулированный, закон возвышения труда. Иными словами, поскольку в марксистской теории потребности и труд тесно взаимосвязаны, источником (и одновременно следствием) возвышения потребностей может быть только возвышение труда – обогащение его содержания, отказ от тяжелой, связанной со стрессами и психологическим дискомфортом, отнимающей слишком много времени работы. Только возвышающийся труд позволит обеспечить возвышение потребностей, и только возвышающиеся потребности позволят добиться возвышения труда.

Абстрактный труд по содержанию меняется в зависимости от уровня развития производительных сил, и одновременно с этим меняются абстрактные потребности. Неквалифицированный труд ведет к низким зарплатам и к низким потребностям (из-за нехватки ресурсов на их удовлетворение). Архаизация абстрактного труда консервирует архаизацию потребления.

Заключение.

Таким образом, как мы надеемся, нам удалось показать, что представление о двойственном характере труда требует, для придания концепции двойственности диалектического завершения, также и представления о двойственном характере обмена и потребления. Введение абстрактной и конкретной составляющей в потребление является не схоластическим приемом, призванным обеспечить внешнюю симметрию между трудом и потреблением в марксистской политической экономии, но, во-первых, углублением анализа природы потребления, и, во-вторых, что, по нашему мнению, исключительно важно, уточнением механизма возникновения стоимости, выяснением дополнительных аспектов связи между трудом и общественными нуждами, а также между общественными нуждами и стоимостью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афанасьев В. С. Первые системы политической экономии (метод экономической двойственности). М.: ИНФРА-М, 2014. – 416 с.
2. Билимович А. Д. Марксизм (изложение и критика) // Тупики марксизма, социализма и коммунизма. М.: Издательство М. Б. Смолина (ФИВ), 2017. – С. 368-483.
3. Бузгалин А. В. Желтые жилеты: новые луддиты или вызов будущего (краткие заметки о социально-экономических причинах и требованиях движения) // Альтернативы. – 2019. – № 1. – С. 43-47.
4. Бузгалин А. В., Колганов А. И., Московский А. И. Марксизм и институционализм: сравнительное исследование // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. – 2012. – № 5. – С. 3-18.
5. Бузгалин А. В., Колганов А. И. Трудовая теория стоимости и теория предельной полезности: от исследования содержания к апологии превратных форм // Журнал экономической теории. – 2013. – № 2. – С. 114-124.
6. Важенина И. С. Возвышение потребностей и тупики потребления // ЭКО. – 2012. – № 11. – С. 131-144.

7. Губанов С. С. Историческая ограниченность капитализма: классика против «неоклассики» // Вопросы политической экономии. – 2013. – № 3. – С. 80-108.
8. Дмитриев А. В., Воронов В. В. Онтологическое и феноменологическое содержание труда. Противоречия и современные проблемы // Философские науки. – 2016. – № 11. – С. 96-107.
9. Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М.: Ленанд, 2017. – 288 с.
10. Ключин П. Н. «Экономические очерки» В. К. Дмитриева: опыт «органического синтеза» или прелюдия к посттрудовой теории ценности? // Дмитриев В. К. Экономические очерки. М.: ГУ ВШЭ, 2001. – С. 23-46.
11. Колганов А. И., Бузгалин А. В., Барашкова О. В. Империализм XXI века: Запад и Россия // Альтернативы. – 2016. – № 1. – С. 4-55.
12. Корицкий Э. Б., Щербаковский Г. З. Мир идей А. Б. Билимовича // Билимович А. Д. Введение в экономическую науку. Два подхода к научной картине экономического мира. Экономический строй освобожденной России: труды. СПб.: Росток, 2007. – С. 9-62.
13. Котлер Ф., Армстронг Г., Вонг В., Сондерс Дж. Основы маркетинга, 5-е европейское издание. М.: ООО «И. Д. Вильямс», 2012. – 752 с.
14. Критический марксизм: поколение next. Новый взгляд на отчуждение, глобализацию и Россию / Под ред. Г. Ш. Аитовой, А. В. Бузгалина, Л. А. Булавки-Бузгалиной. М.: ЛЕНАНД, 2014. – 352 с.
15. Кропин Ю. А. К вопросу об «обоснованности» марксистской теории трудовой стоимости // Финансы: теория и практика. – 2017. – Т. 21. – № 4. – С. 22-29.
16. Курц Х. Д. Маркс и «закон стоимости». Критическая оценка по случаю 200-летия со дня рождения // Вопросы экономики. – 2018. – № 11. – С. 27-49.
17. Логачев В. А. О переходе от абстрактно-всеобщей к конкретно-всеобщей форме труда (в общении с Э. В. Ильенковым) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2017. – Т. 39. – № 3. – С. 29-33.
18. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. Т. 23. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. – 908 с.
19. Розенберг Д. И. Комментарии к «Капиталу» К. Маркса. М.: Экономика, 1984. – 720 с.
20. Цаголов Г. Н. Отец и политэкономия // Альтернативы. – 2014. – № 4. – С. 142-167.
21. Чернов М. В. Экономический закон дифференциации товаров: механизм, основы, причины // Наука и экономика. – 2012. – № 2. – С. 54-56.
22. Шемятенков В. Г. Общественная потребительная стоимость // Экономическая энциклопедия. Политическая экономия / Н. А. Румянцев (гл. ред.). – Т. 3. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1979. – С. 143.
23. Эпштейн Д. Б. Социализм, частная собственность и демократия // Свободная мысль. – 2011. – № 11. – С. 95-108.
24. Chen H., Jiang B. Rethinking Marx's labor theory of value and its significance // Terra Economicus. – 2018. – Т. 16. – № 2. – С. 114-121.

ИНТЕГРИРОВАННЫЙ ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНОЙ ПОДХОД К ЭКОНОМИЧЕСКИМ ИССЛЕДОВАНИЯМ

Шелегеда Белла Григорьевна

доктор экономических наук, профессор,
ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы»,
кафедра «Финансовые услуги и банковское дело» ,
г. Донецк, Украина.
E-mail: shelegeda.bg@gmail.com

Корнев Михаил Николаевич

доктор экономических наук, доцент,
ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы»,
заведующий кафедрой «Финансовые услуги и банковское дело» ,
г. Донецк, Украина.
E-mail: kornev007@yandex.ru

Погоржельская Наталья Валериевна

кандидат экономических наук, доцент,
ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы»,
кафедра «Финансовые услуги и банковское дело» ,
г. Донецк, Украина.
E-mail: pnv686@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы интеграции теоретических и прикладных методов к экономическим исследованиям. На основе аналитического обзора научных публикаций предлагаются новые возможности объединения преимуществ теоретико-прикладного подхода в методологии научных исследований. С использованием статистических данных подтверждена позиция авторов по поводу одновременного функционирования равновесных и неравновесных состояний экономических систем. Кризисы, как научная категория, рассматриваются условием развития с диагностированием и прогнозированием неизбежных вызовов и рисков в условиях высокого динамизма, цикличности и неопределенности процессов функционирования реальной экономики. Подвергаются сомнению позиции отдельных ученых о необъективности эмпирических методов исследования. В современной теории развития рекомендуется предусматривать диалектическое единство теоретических и прикладных исследований, что отвечает вызовам возрастающей интенсивности количественных и качественных изменений в современном мире.

Ключевые слова: концепция, интегрированный теоретико-прикладной подход, тенденции развития, экономические законы, диагностирование, кризисы.

JEL: B41

INTEGRATED THEORETICAL AND APPLIED APPROACH TO ECONOMIC RESEARCH

Shelegeda Bella Grigoryevna, doctor of Economics, Professor,
Professor of the Department of Financial Services and Banking,
Donetsk State Academy of Management and Public Administration
Donetsk, Ukraine

Kornev Michael Nikolaevich, Doctor of Economics, Associate Professor,
Head of the Department of Financial Services and Banking
Donetsk Academy of Management and Public Administration

Donetsk, Ukraine

Pogorzhelskaya Nataliya Valerievna, candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the Department of Financial Services and Banking,
Donetsk State University of Management and Public Administration
Donetsk, Ukraine

Abstract: The article deals with the integration of theoretical and applied methods into economic research. On the basis of an analytical review of scientific publications, new possibilities are proposed for combining the advantages of the theoretical and applied approach in the methodology of scientific research. Using statistical data, the authors' position on the simultaneous functioning of equilibrium and non-equilibrium states of economic systems is confirmed. Crises, as a scientific category, are considered a condition of development with diagnosing and forecasting inevitable challenges and risks in conditions of high dynamism, cyclicity and uncertainty of the processes of functioning of the real economy. The positions of individual scientists about the bias of empirical research methods are questioned. In the modern theory of development, it is recommended to provide for the dialectical unity of theoretical and applied research, which meets the challenges of the increasing intensity of quantitative and qualitative changes in the modern world.

Keywords: concept, integrate theoretical and applied approach, development trends, economic laws, diagnostics, crises

Изучение и анализ опубликованных результатов как теоретических, так и прикладных исследований, отразили поразительное единодушие тех и других в вопросах экономического развития, иногда в противовес росту. Обозначены были различные методологические подходы, среди которых можно выделить: системный, диалектико-материалистический, исторический, инновационно-инвестиционный, синергетический, прогнозный, гносеологический, многомерный метасистемный, статистический, онтологический, феноменологический, информационный, эволюционный, кумулятивный, ситуационный, генетический и др. Каждое новое поколение учёных считает своим долгом внести определённый вклад в теорию и практику изменений (структурно-логических, количественно-качественных, системно- и факторообразующих, технико-технологических, информационно-компьютерных и т.д.), без которых развитие уже рассматривается с позиции динамических объективно-глобальных трансформаций, локально-территориальных, когда должны быть синхронизированы функционирующие системы, подсистемы, регионы, отрасли с адаптацией к местным особенностям ресурсообеспечения и профильной специализацией производственно-хозяйственной деятельности.

Концепция «теоретической экономии», предложенная авторами [1] «на основе принципа полиметодологичности» обладает уникальными качествами, отстаивая право служить общей фундаментальной основой исследования современных проблем, ориентируясь на объективные философско-экономические законы и фундаментальные положения классической и неоклассической политэкономии.

Безусловно, любой практико-ориентированной разработке предшествует изучение теоретических положений по использованию когнитивно-креативных технологий эффективного управления экономическими системами. Когнитивные потому, что они позволяют получить в формализованном виде оценку неявных латентных процессов. Никто из нас электрический ток своими глазами не видел, но мы наблюдаем его действие через разные устройства. Многие экономические процессы мы тоже не можем наблюдать, пока не создадим специальное «устройство», обнаруживающее и отражающее результат этого процесса в виде новых показателей, методов, научных подходов и концепций [2, с.81]. Концепции, даже отвергнутые последующими поколениями, не сгорают, а до поры до времени сохраняют своё значение для новых направлений исследования в будущем.

Господствующая в настоящее время экономическая модель «нехозяйствования», по сути своей,

являющаяся бессистемной и антисистемной, несёт в глубине своей «антиприродный» процесс формирования целей своего бытия-небытия – увеличение любой ценой количественных показателей прибыли в ущерб как самому производственному процессу, так и окружающей природе [3, с. 13].

Современное производство насильственно отчуждается от производительного труда, отдавая свойство создавать стоимость инфраструктуре и непроизводительной сфере, хотя никакой необходимости подобного замещения конкретных результатов информационно-виртуальными нет, поскольку подобная система социально-экономических отношений тормозит развитие во всех его формах и проявлениях. Этот вывод, высказанный в [3], не противоречит принципу полиметодологичности и подтверждает своевременность предлагаемого нами интегрированного подхода теоретико-прикладных методов научных исследований, которые способны дать ощутимые реальные результаты не только в настоящем, но и будущем. До сих пор «сложно дать ответ на вопрос, как произойдет эта трансформация – эволюционно или революционно, но смена концептуальной парадигмы социально-экономической системы императивна и неминуема» [3, с. 16-17]. Человек, как субъект хозяйствования, рассматривается исчезающим в процессе виртуализации, т.е. «отчуждается не только институционально от средств производства, но и сущностно от возможности участия в процессе созидания реальных благ» [3, с.14].

Справедливо спросить: «А зачем экономической теории нужны практические инструменты и механизмы?» Мол, «Богу – Богово, кесарю – кесарево» [4]. Зададим встречный вопрос: «Для чего нужен фундамент любого строения и каковы его функции?» Для теоретиков сомнений нет: «Это обязательное основание любой конструкции». На тот же вопрос у прикладников нет единого мнения.

Наша позиция построена на объективной функциональности фундамента с последующим использованием его по назначению. К сожалению, подобные парадоксы можно встретить и в научных исследованиях [5-7], и в реальной хозяйственной практике. Очень важным, на наш взгляд, опорным положением является отношение науки и практики к экономическому развитию. Что принимать за обязательное и приоритетное условие – количественный рост или качественное повышение уровня материального благополучия населения, рост производительности труда или совершенствование производственных отношений. Рассматривая особенности и различия теоретических и прикладных подходов к исследованию наиболее злободневных (на все времена) проблем, среди которых особое значение приобрели социально-экономическое развитие, кризисы, необходимость и возможность диагностики настоящего и прогнозирования будущего, можно, конечно, отказаться от исторически сложившихся тенденций, повторяющихся через определённые промежутки времени изменений количественно-качественных статистических параметров развития. Но факты – упрямая вещь, а они позволяют установить закономерности, которые, хотим мы этого, или не хотим, определяют основные процессы ожидаемого будущего.

Сомнению не подлежит, что многополярный, многомерный, многовекторный мир со своей экономикой, населением и экологией становится всё сложнее и многообразнее. Отдельные фрагменты системы, согласно соответствующим информационным ресурсам, по-прежнему будут давать пищу для научных дискуссий, ставить задачи, как перед теоретиками, так и практиками. Решение их потребует новых подходов, которые либо войдут в историю экономических учений, либо их забудут, как многое из того, что волновало и восхищало в прошлом веке, а теперь кануло в лету. Но эволюционным путём будет происходить, отнюдь, не выравнивание, а переход к равновесию, обеспечивающему устойчивое развитие отдельных экономических систем (стран, отраслей, научно-технических открытий), и в целом мировой экономики.

Для большей убедительности перспективности предложенного подхода к интеграции теоретических и прикладных методов исследования приведены статистические данные о количественных показателях развития различных стран в кризисные и предкризисные периоды времени, табл. 1.

Таблица 1 – Количественные показатели развития социально-экономических систем в кризисные периоды времени [составлено авторами на основе данных [8]]

Год	Страны с развитой экономикой			Развивающиеся экономики			Развивающаяся Европа			Развивающаяся Азия		
	Прирост ВВП, %	ВВП по ППС на душу населения, тыс.\$	Прирост ВВП на душу населения, %	Прирост ВВП, %	ВВП по ППС на душу населения, тыс.\$	Прирост ВВП на душу населения, %	Прирост ВВП, %	ВВП по ППС на душу населения, тыс.\$	Прирост ВВП на душу населения, %	Прирост ВВП, %	ВВП по ППС на душу населения, тыс.\$	Прирост ВВП на душу населения, %
2005	2,8	35,8	2,2	7,2	5,9	5,7	6,3	14,0	6,3	9,3	4,3	8,1
2007	2,7	39,6	2,0	8,4	7,2	6,9	7,2	17,0	7,1	11,2	5,4	10
2009	-3,3	38,9	-3,9	2,8	7,7	1,1	-5,7	17,2	-6,1	7,6	6,3	6,5
2011	1,7	41,7	1,2	6,4	8,9	4,8	5,8	19,5	5,6	7,9	7,5	6,7
2013	1,4	43,9	0,9	5,1	9,9	3,6	3,1	21,3	2,7	6,9	8,7	5,9
2015	2,3	46,7	1,8	4,3	10,8	2,8	0,8	22,4	0,4	6,8	10,1	5,7
2017	2,5	49,6	2,0	4,8	11,8	3,3	3,9	24,3	3,7	6,6	11,6	5,6
2019	1,7	53,4	1,3	3,9	13,1	2,5	1,8	26,4	1,6	5,9	13,3	5,0

Нами использована принятая МВФ для мировой экономики классификация стран на развитые и развивающиеся, европейские и азиатские за период с 2005 по 2019 гг. О чём свидетельствуют эти данные? В первую очередь, о значительных колебаниях не только внутри каждого временного отрезка, но и между различными территориями. Бросаются в глаза для кризисного 2009 г. отрицательные значения прироста ВВП на душу населения: для первой группы – (-3,9%), для развивающихся европейских стран – (-6,1%), при том, что азиатский континент показал не просто положительные значения этого показателя в целом (на 7,6), но и на душу населения – на 6,5%. Аналогичная картина наблюдается и в кризисных 2013-м, 2015-м, 2017-м и 2019-м гг. Анализ можно продолжить, но это – уже задача другой темы исследования. Приведенные же данные не просто отражают, но и наглядно убеждают в огромном значении растущих азиатских экономик. А потому выводы о пропорциональных особенностях территориального развития позволяют установить не только сложившиеся тенденции, но и качественно оценить их, что повышает обоснованность предварительных теоретических предположений и прогнозов.

Мы согласны с [1], – именно принцип полиметодологичности, т.е. комплексный подход к рассмотрению новых проявлений законов и тенденций прошлого позволяет обосновать возможность внедрения информационных технологий, цифровизации, роботизации, что должно вызвать новый виток развития цивилизации, не отрицая, а используя, наработанные за прошедшие периоды времени достижения.

Рыночное мышление, которое усилило завершающую стадию (фазу) расширенного воспроизводства – потребление, безудержно управляемое преимущественно коммерческими интересами, привело, наконец, к осознанию, что ресурсы – то, оказывается, нельзя бездумно и беспощадно транжирить. Хотя до сих пор раздаются голоса в пользу развития сферы услуг, торговли, туризма и развлечений, когда игнорируется один из важнейших экономических законов – преимущественное производство средств производства. А без этого, как и что продавать, откуда возьмутся средства на расходы, обеспечивающие сферу потребления? Не отрицая важности и

необходимости развития высокоприбыльных отраслей, обслуживающих потребление на основе оптимального разделения труда и постоянно растущего спроса на услуги, считаем своевременным возвращением научного интереса к проблемам индустриализации [1].

Пришло время вспомнить, что экономические законы, закономерности и тенденции развития применительно к разным странам с их объективными, субъективными, социальными, географическими, климатическими и национальными особенностями формировались на основе философских законов. Очевидным является происхождение экономического закона неизбежности кризисно-циклического развития от закона единства и борьбы противоположностей; рыночных законов и, прежде всего, спроса и предложения, – от закона перехода количественных изменений – в качественные, а закон отрицания отрицания породил тенденции научно-технического прогресса. К сожалению, современные теоретики и прикладники не всегда это учитывают.

Экономика и экономические отношения, как объекты научных исследований, победили и продолжают побеждать идеалистические построения философии прошлого, особенно в условиях развития финансовой системы – важнейшей инфраструктуры современного научно-практического мировоззрения. Правда, встречаются и неожиданные утверждения, отождествляющие производственный процесс реальной экономики с банковским (финансовым) обеспечением, когда вся финансовая система названа «олигархатом», виновным в обнищании населения [9, с. 21-31].

Подобная позиция равнозначна тому, что если авто и авиатранспорт вредят экологии, то нужно запретить их эксплуатацию, и вернуться к замечательному «гужевому» средству передвижения вместо того, чтобы искать новые безопасные технико-технологические решения.

В пользу полистандартности и поликритериальности в оценке развития следует сослаться на работу Эрика Райнерте, в которой приведен закон сравнительных преимуществ Давида Рикардо на основе «возрастающей предельной полезности в противоположность закону убывающей предельной полезности» [10, с. 30].

Существует ещё много признаков кардинального отличия экономической теории от естественных наук, но игнорировать создание единого продукта в результате производства, распределения, обмена и потребления нельзя. Отсюда возникает одна из главнейших методологических проблем эволюции социально-экономических систем: по какому принципу объединить преимущества и минимизировать недостатки того и другого в одной макроэкономической модели. При этом одноуровневое противостояние «свободного» рынка и планово-государственной системы не имеет конструктивного решения, а простые конвергентные схемы не могут предложить пути упорядоченной логически качественной трансформации макроэкономических процессов. Экономические отношения без социальных существовать не могут, а последние формируются вокруг социальных идей.

Как справедливо утверждается в [10], до тех пор, пока систему целей общества и государства будет возглавлять максимизация индивидуального конечного потребления, пока будут превалировать индивидуальные функции полезности, а само существование государственно-общественной полезности порой будет вообще подвергаться сомнению, дальнейшее качественное развитие социально-экономических отношений в прогрессивном направлении будет вряд ли возможно. Главное, однако, не в предлагаемом частном варианте организации макроэкономической системы, ведь решений может (и должно) быть не одно [10, с.32], что еще и еще раз подтверждает необходимость интегрированного подхода к исследованию проблем теоретико-прикладных проблем развития на всех уровнях управления государственным и хозяйственным функционированием. Определенный научно-практический интерес вызывают такие качественные характеристики развития, как теории неравновесных экономических систем (НЭТ) во взаимосвязи и в зависимости от циклических кризисных процессов [11-19].

Мы согласны с утверждением, что кризисное состояние экономики вполне может быть равновесным, даже при гипотетическом допущении того, что ни одно предприятие не работает,

никто не получает зарплату, ничего не продается и не покупается; общество находится в точке начала координат, как глубоко депрессивное нулевое макроравновесие. Предлагается развести эти понятия и обозначить авторскую позицию в данной дискуссии.

Прежде всего, следует отметить, что любой авторский взгляд «не существует сам по себе и не берется из ниоткуда», поэтому являясь сторонниками концепции эволюционного развития «всего», в том числе и экономической мысли, настаиваем на правах авторов иметь свою точку зрения, которая, конечно же, появилась на основе накопленных экономической наукой знаний и опыта.

Если обратиться к понятию «депрессия», то можно предположить, что никакой связи с реальной экономикой быть не может. Абстрагируясь от различных направлений (школ) политэкономии, которые обобщены в современной учебной литературе, сразу обратимся к учебнику «Экономическая теория (политэкономия)» [20], где это понятие рассматривается как фаза промышленного цикла, которая наступает после кризиса. В этой фазе производство перестает сокращаться. Но оно и не растет, топчется на месте. Все производство, которое было избыточно по отношению к совокупному спросу, уже ушло с рынка. Нереализованные ранее товарные запасы исчерпались. Поскольку упал инвестиционный спрос со стороны предпринимательского сектора, сократился и потребительский спрос, то есть производство не растет, но и не разоряется. Бизнес начинает накапливать денежные средства (капитал) для более благоприятной конъюнктуры рынка [20, с. 388].

А потому движение от кризиса к депрессии и вновь – к кризису рассматриваемое как динамичное равновесие системы цикличного характера, убедительно доказанное не эмпирическим путем, вызывает вопрос о возможной подмене понятий, тем более что равновесие может быть достигнуто и при кризисе. Здесь для примера можно привести Кейнсианскую школу, где внимание сосредоточено на неравновесных (кризисных) состояниях экономики, когда по мере вовлечения ресурсов происходит переход от одного равновесия к другому (множество равновесий в модели Хикса-Хансена) [21] до тех пор, пока при данном технологическом укладе не будет достигнут потенциально-ресурсный ВВП, а система при тех же технологиях перейдет на вертикальный отрезок кривой совокупного предложения, где сработает ценовой механизм благодаря действию рыночных законов.

То есть депрессивное макроравновесие допускается, но корректней рассматривать его как множество макроравновесий в фазе «депрессия». Нулевого же макроравновесия не существует, поскольку отсутствует пересечение с началом координат, что вполне объяснимо. Сошлемся на простейший «кейнсианский крест» – модель макроэкономического равновесия, в которой функция потребления берет свое начало не в точке «ноль», а на оси ординат, координаты которой означают автономное потребление, независимое от располагаемого дохода, а существует даже тогда, когда нет доходов. Есть еще автономные инвестиции, независимые от процентной ставки. Оглядываясь назад, можно вспомнить теорию и законы Сэя [22], которые не подтверждены практикой, поскольку совокупные сбережения не равны нулю, но и не всегда становятся инвестициями, то есть одно из основных макроэкономических тождеств выполняется не всегда.

Таким образом, обозначив несколько опорных, фундаментальных в истории экономической мысли направлений, можно сделать вывод, что и классики с устойчивым равновесием рынка в единственной точке в условиях полной занятости ресурсов и гибким ценообразованием, и формирование неоклассического направления экономической мысли как этапа «маржинальной революции» в экономических учениях А. Маршалла, Дж. Б. Кларка, концепции общего экономического равновесия В. Парето [23], привели к новому социально-институциональному направлению развития экономической мысли, теории рынка с несовершенной конкуренцией Э. Чемберлина и Дж. Робинсон [23]. В концепциях социального рыночного хозяйства и чикагской школы монетаризма с последующим неоклассическим синтезом, не упоминается «глубоко депрессивное нулевое макроравновесие, так как начало координат в точке $O(0;0)$ – это «ничто» или «ничего» и даже не «ничто». Из чего следует, что равновесие системы обеспечивается ее движением и потенциально

возможным уровнем освоения ресурсов, способностью переходить к новому технологическому укладу в процессе эволюционного развития при условии открытости самой системы. А потому наши утверждения с одной стороны, «вписываются» в упомянутые теории, которые мы не повторяем, не опровергаем, а всего лишь дополняем, поскольку любое динамическое равновесие системы имеет свои особенности, характеристики и причинно-следственные связи, что и подтверждается теоретико-практическим наследием прошлого.

Принимая приглашение проф. В.К. Нусратуллина принять участие в дискуссии по НЭТ [9; 24], остановимся подробнее на предложенной методике «неравновесной модели экономики». Допустим, мы согласились с этим определением коллеги. А что дальше?

А дальше следует, что колебания издержек производства товаров одного и того же вида у разных товаропроизводителей приводят к нарушениям баланса между совокупным спросом и предложением, не отражая итоги индивидуального акта обмена между продавцом и покупателем, что приводит к бесконечному разнообразию неравновесных вариантов, подчиненных, тем не менее, общим тенденциям сбалансированного (синхронного) роста. Равновесие и неравновесие – это те состояния, которые не зависят от направления – фаза ли это экономического роста или рецессия. Объективные экономические законы оказывают влияние на цикличность эволюционного развития, ускоряя или замедляя подъемы и спады, что особенно опасно в периоды неожиданных вызовов и рисков.

Именно К. Маркс заслуженно считается одним из основоположников теории неравновесия, так как разработанная им в 1860 г. «марксистская теория цикла» и сегодня является одним из основных концептуальных методологических положений исследования кризисных процессов [25].

Равновесие и неравновесие как две стороны медали – свойства одной системы, что исключает саму возможность противопоставления, а требует, напротив, рассмотрения диалектического единства, обеспечивающего их неразрывное взаимодействие, т.е. основу изменений и развития. Иначе любая теория, отрицающая и исключая другую, приведет нас, как и Алису, – в Зазеркалье.

Целью неравновесного подхода к развитию является равновесие, не правда ли? Не призывает же автор [9] к тому, что если мы «родились» в кризисе, то это навсегда. Наука необходима как инструмент обоснования объективного возникновения кризисов, поскольку любое неравновесие гораздо ощутимее и более предсказуемо, нежели равновесное устойчивое развитие. Поэтому, любые возможные комбинации пропорций (диспропорций), противоречий, низкой или высокой волатильности показателей в процессе их взаимодействия отражают движение в одном направлении, что может привести к стремлению найти одно «классическое» или множество неоклассических равновесий [19]. Согласно теории А. Смита [26] об «экономическом человеке» не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов. У них может возникнуть желание расширить свой бизнес, а новые финансовые ресурсы направить на удовлетворение нематериальных потребностей – отдых, путешествие, развлечения или приобрести новый автомобиль. Здесь мы согласимся с профессором В.Корняковым [27], который утверждает, что сама Природа (Космос) создала нас всех абсентеистами.

На наш взгляд, разработка новой научной концепции не может стать единственно возможной, как никто и никогда не может претендовать на открытия в стратегии развития, поэтому экономические системы будут балансировать от равновесия к неравновесию (кризису) и, – наоборот, но самая главная задача теории и практики – обеспечить управление этим движением, а значит, дать дорогу новым методологическим подходам к экономическим исследованиям.

Вывод, к которому приходят Барроу и Гроссман [28], – зависимость сдвигов кривой спроса на товары от изменения общего уровня цен, – еще раз подтверждает, что неравновесный анализ не должен порывать с традиционным описанием функций спроса и предложения. Макроэкономическая теория неравновесия требует не отказа от основ микроэкономического анализа, а более широкого

их обобщения, чем того требует теория общего равновесия [29, с. 13]. Следовательно, единство и неразрывность макро- и микроэкономических исследований как отражение теоретических и прикладных методологий подтверждены исторически и ставят под сомнение необходимость в дополнительных «открытиях» типа неравновесной экономической теории (НЭТ).

Известно, что в настоящее время предложены эффективные механизмы по управлению глобальными кризисами на основе укрепления государственного регулирования хозяйственных процессов, создания международных финансовых организаций, проведения мониторинга и др. Однако, как свидетельствует эволюция экономических катаклизмов, точно предсказать, а тем более избежать кризисных вызовов до сих пор не представляется возможным. Необходимо обратить внимание на повторяющуюся частоту финансовых кризисов – каждые 4-5 лет. Тем не менее, начало, как правило, происходит «неожиданно» и тогда, когда, рост ВВП и цен соответствует прогнозам [30]. В результате напрашивается вывод о том, что стабильно устойчивые тенденции экономического роста – путь, который ведёт к кризису, начало которого означает новый вектор и вызывает возрастающие масштабы развития. А это является эмпирическим подтверждением неравновесной сути равновесия любой экономической системы. К примеру, эффективность трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики, с точки зрения силы и скорости влияния на экономику и инфляцию в значительной мере определяется состоянием финансового сектора, доверия к центральному банку, национальной валюте и финансовым институтам, а также действием немонетарных факторов.

Инфляция как социально-экономический «спутник» кризиса и результат действия объективных экономических законов стоимости, спроса и предложения, роста производительности труда, во избежание еще большего кризиса, активно таргетируется различными по уровню развития странами.

Наряду с традиционными показателями (ВВП на душу населения и др.), предлагается новый качественный индекс, объединяющий (интегрирующий) социальные последствия кризисных процессов, способный отразить синергетический эффект влияния возникающих вызовов по отношению к человеку через удельные показатели безработицы и инфляции (табл. 2).

Как видим из табл. 2, несмотря на отрицательные значения прироста ВВП в США (2007-2009 гг.), реакция человека, как социального субъекта и как производительной силы, на кризисные явления оказалась не катастрофической, в отличие от России, где этот показатель в первой волне составил 534,5 % за счет высокого уровня инфляции. При второй волне кризиса 2007-2009 гг. этот показатель почти в 7 раз ниже, чем в первой, а в современных условиях (2016-2018 гг.), когда были приняты радикальные программы социально-экономической защиты, еще ниже, – 23,9 %. Для Германии характерна относительная стабильность, что подтверждается показателем удельной эффективности через соотношение ВВП и ИРЧП. В России также одновременное действие социально-экономических факторов по этому показателю оказалось ниже, чем в США и Германии, но значительно выше Китая, что может служить косвенным свидетельством экономического развития Китая в ущерб социальному.

Таблица 2 – Социально-экономические показатели развития отдельных стран в кризисные периоды (1997-2018 гг.) [рассчитано авторами на основе данных [31]]

Страны		Показатели	Средние значения показателей кризисных явлений и процессов		
			I волна	II волна	III волна
			1997-1999	2007-2009	2016-2018
Страны с развитой экономикой	США	Прирост ВВП, %	4,6	-0,2	2,3
		ВВП на душу населения, тыс.\$	32,9	47,7	60,3
		Производство безработицы и инфляции	9,1	10,9	8,3

Страны		Показатели	Средние значения показателей кризисных явлений и процессов		
			I волна	II волна	III волна
			1997-1999	2007-2009	2016-2018
		ВВП на душу населения/ ИРЧП	37,3	52,7	65,6
	Германия	Прирост ВВП, %	1,9	1,2	3,9
		ВВП на душу населения, тыс.\$	27,5	39,3	50,5
		Производство безработицы и инфляции	8,7	18,2	8,7
		ВВП на душу населения/ ИРЧП	32,2	42,9	53,9
Развивающиеся экономики	Россия	Прирост ВВП, %	0,8	2,0	1,5
		ВВП на душу населения, тыс.\$	9,5	22,0	27,6
		Производство безработицы и инфляции	534,5	78,8	23,9
		ВВП на душу населения/ ИРЧП	13,5	28,5	33,7
	Китай	Прирост ВВП, %	8,2	11,1	6,7
		ВВП на душу населения, тыс.\$	2,4	7,6	16,7
		Производство безработицы и инфляции	0,6	13,7	7,4
		ВВП на душу населения/ ИРЧП	4,2	11,1	22,2

Подобные расчеты различных интегрированных индексов позволяют использовать эмпирические методы для более глубокого исследования причин кризисных явлений, а главное, – научно обосновать полученные результаты и отразить реальную эффективность использования ресурсов. Теоретические исследования применительно к социальным процессам зачастую носят декларативный характер, поскольку без эмпирического анализа, пренебрегая при этом экономической сущностью человека, практически невозможно создать эффективную модель комплексного управления социально-экономическим развитием любой системы.

А потому назрела необходимость в новой концепции, которая должна учитывать реалии пространственной неравномерности финансово-экономического развития, и сохраняющей жизнеспособность выживать при любых объективных внешних (глобальных) и внутренних вызовах, которые выходят за рамки чисто социально-экономических кризисов. Ситуация, при которой возможно сочетание противоположных проявлений кризисных процессов в развитых и развивающихся странах, может спровоцировать копирование «рецептов» развитых стран, а это окажется для большинства «ловушкой» системного кризиса.

Данную статью логично завершить многоточием, поскольку остались незатронутыми проблемы возрастающего значения финансового сектора как инфраструктуры любой экономической системы, а дискуссия по многим положениям теоретической экономики оказалась далеко не полной. Но ведь согласитесь, всё и до конца в одной статье рассмотреть невозможно, а поднять к обсуждению новые методологические подходы, на наш взгляд, необходимо. Результаты проведенного исследования показали, что интеграция в различных формах расширяет не только территориальные, но и рыночные,

экономико-финансовые, институциональные границы научных исследований. При этом открытость системы для внешней среды не гарантирует исключительно позитивную динамику в развитии.

Использование предложенного метода расчета интегральных индексов ВВП, безработицы и инфляции позволяет более точно определить и обосновать оптимальный уровень отдельных векторов эффективного развития. Предлагаемая в статье концепция направлена на систематизацию факторов, обеспечивающих долгосрочный тренд теоретических положений и эмпирических показателей на основе эффективного взаимопроникновения полиметодологических подходов к исследованию экономических систем

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гордеев В.А. Теоретическая экономия как методологическая основа исследования цифровой экономики / В.А. Гордеев, М.А. Майорова, М.И. Маркин, С.В.Шкиотов, М.А. Угрюмова // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2019. – №11 (59). – С. 33-38. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
2. Брагина З.В. О судьбе результатов диссертационных исследований (на примере работы Фраймовича Д.Ю.) / З.В. Брагина // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2015. – № 5 (29). – С. 80-83. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
3. Альпидовская М.Л. Целостность как императив расширенного воспроизводства национального хозяйства: проблемы современной фундаментальной экономической науки/ М.Л. Альпидовская // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2018. – № 1 (43). – С.12-17. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
4. Евангелие от Мф. 22:15-22; Мр. 12:13-17; Лк. 20:20-26.
5. Экономика как искусство. Методологические вопросы применения экономической теории в прикладных социально-экономических исследованиях / М.И.Одинцова, Ю.Я. Ольсевич, А.В. Одинцова, О.Б Кошовец; [отв. Ред. О.И.Ананьин]; Ин-т экономики РАН. – М. : Наука, 2008. – 255 с.
6. Мамедов О.Ю. Экономическая теория нужна. Всем. Кроме экономистов? / О.В.Мамедов // Terra Economicus, 2014. – Том 12 № 3. – С. 8-14.
7. Фролов И.Э. Размышления о применении экономической теории в прикладных социально-экономических исследованиях / И.Э. Фролов // Вопросы экономики, 2009. – №12. – С. 72-82.
8. International Monetary Fund : World Economic Outlook, April 2020: The Great Lockdown [Электронный ресурс] – Режим доступа к базе данных свободный: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/04/14/weo-april-2020>
9. Нусратуллин В.К. Современные проблемы экономики и общества в свете вызовов неравновесного анализа экономики / В.К. Нусратуллин // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2019. – №11. – С. 20-32. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
10. Астафьев И.В. Экономическая наука: вновь в поисках смыслов / И.В.Астафьев// Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2018. – № 3 (45). – С. 28-34. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
11. Данилов Ю.А. К вопросу о предвидении глобальных финансово-экономических кризисов / Ю.А. Данилов, Д.А. Пивоваров, И.С. Давыдов // Финансы: теория и практика, 2020. – № 24 (1). – С. 87-104.
12. Артюхов В. Общая теория систем: самоорганизация, устойчивость, разнообразие, кризисы / В. Артюхов. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 224 с.
13. Афанасьев В.Г. Системность и общество / В.Г. Афанасьев. – М.: Политиздат, 1980. – 368 с.
14. Бергаланфи Л. Общая теория систем / Л. фон Бергаланфи. – М.: Путь, 2000. – 400с.

15. Блауберг И.В. Становление и сущность системного подхода / И.В. Блауберг, Э.Г.Юдин. – М.: Наука, 2000. – 350 с.
16. Вехи экономической мысли. Теория потребительского поведения и спроса. Т.1 / под ред. В.М. Гальперина. – СПб: Экономическая школа, 2000. – 380 с.
17. Гринспен А. Эпоха потрясений: проблемы и перспективы мировой финансовой системы: пер. с англ. / А. Гринспен. – М.: Сколково, 2008. – 494 с.
18. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег / Джон Мейнард Кейнс.– Эскимо, 2007. – 153 с.
19. Хикс Дж. Р. Господин Кейнс и «классики»: попытка интерпретации / Перевод: Е.И. Николаенко, 1998. – С. 293-307. [Электронный ресурс] – Режим доступа свободный: <http://ecsosman.hse.ru/data/367/700/1219/009Hiks.pdf>
20. Экономическая теория (политэкономика): Учебник / Под общ. ред. акад. В.И.Видяпина, акад. Г.П. Журавлевой. – 4-е изд. – М.: ИНФРА-М, 1999. – 560 с.
21. Блауг, Марк. Экономическая мысль в ретроспективе: [Пер. с англ.] / Марк Блауг.– М. : Акад. нар. хоз-ва : Дело, 1994. – 687 с.
22. Трактат по политической экономии / Жан-Батист Сэй. Экономические софизмы; Экономические гармонии / Фредерик Бастиа; [Вступ. ст. и коммент. сост. М. К. Бункиной и А. М. Семенова]. – М. : Акад. нар. хоз-ва при Правительстве Рос. Федерации : Дело, 2000.– 229 с.
23. Ядгаров Я.С. История экономических учений: Учебник для вузов / Я.С.Ядгаров.– изд. 4-е. перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2001. – 480 с.
24. Нусратуллин В.К. Отклик на отзыв Жака Ладислава по статье Нусратуллина В.К. «Современные проблемы экономики и общества в свете вызовов неравновесного анализа экономики» / В.К. Нусратуллин // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2020. – №2. – С. 88-95. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
25. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии / К. Маркс. – М.: Политиздат, 1978. – Т. 1., Кн. I: Процесс производства капитала. – 908 с.; Т. 2., Кн. II: Процесс обращения капитала. – 648 с.; Т. 3., Кн. III: Процесс капиталистического производства взятый в целом. – 1084 с.
26. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. М. : Эксмо, 2007. – 960 с.
27. Корняков В.И. Провальность применявшихся народнохозяйственных программ и критические ошибки руководителей отечественной экономики / В.И. Корняков // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», №2, 2020. – С. 44-50. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
28. Barrow R.J. and Grossman H.I. General Disequilibrium Model of Income and Employment. The American Economic Review. Vol. LXI, No 1, 1971.
29. Маневич В.Е. Эволюция неравновесного анализа д.э.н., зав. лабораторией ИПР РАН // Экономика и математические методы. – 2007 – № 1. – С. 1-18.
30. Рейнхарт К.М. На этот раз все будет иначе. Восемь столетий финансового безрассудства / Кармен М. Рейнхарт, Кеннет С. Рогофф [пер. с англ. Д. Стороженко]. – М.: Карьера Пресс, 2011. – 528 с.
31. Кноета [Электронный ресурс]: офиц. сайт. – Электрон. дан. – Режим доступа свободный: <https://knoeta.ru>

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ: ОСМЫСЛЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЙ

Гордеев Валерий Александрович

доктор экономических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет», кафедра «Экономика и управление»,
действительный член Академии философии хозяйства, зарубежный полный член Академии Metaepistemia Universum,
г. Ярославль, Российская Федерация.
E-mail: vagordeev@rambler.ru
SPIN-код: 1618-5817

Шкиотов Сергей Владимирович

кандидат экономических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет», кафедра «Экономика и управление»,
кафедра экономики и правления,
г. Ярославль, Российская Федерация.
E-mail: shkiotov@mail.ru

Угрюмова Марина Александровна

кандидат экономических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет», кафедра «Экономика и управление»,
Директор института экономики и менеджмента,
г. Ярославль, Российская Федерация.
E-mail: ugrumovama@ystu.ru

Аннотация: Доклад посвящен роли разрабатываемой авторами концепции теоретической экономики в осмыслении современных реалий. Особое внимание уделено проблеме преодоления пандемии Covid-19. В связи с этим высказаны рекомендации органам власти по изменению макроэкономической политики и научному сообществу по использованию концепции теоретической экономики в осмыслении современных реалий

Ключевые слова: теоретическая экономия, новый парадигмальный мейнстрим, полиметодологический подход, задача преодоления пандемии и ликвидации её негативных последствий, цифровизация, источники дополнительного финансирования здравоохранения.

JEL: A 11

THEORETICAL ECONOMY: IMPLEMENTING MODERN REALITIES

Valery Gordeev,
doctor of Economics, Professor,
Professor of the Department of Economics and management, editor-in-chief of the online publication «Theoretical Economics»
Yaroslavl state technical University
Yaroslavl, Russian Federation

Sciotov Sergey,
candidate of economic Sciences, associate Professor
associate Professor of Economics and the Board of the «Yaroslavl state technical University»
Yaroslavl, Russian Federation

Ugryumova Marina Aleksandrovna,
Candidate of economic Sciences, associate Professor
Director of the Institute of Economics and management, Yaroslavl state technical University
Yaroslavl, Russian Federation

Abstract: The report is devoted to the role of the concept of theoretical economics developed by the authors in comprehending modern realities. Particular attention is paid to the problem of overcoming the Covid-19 pandemic. In this regard, recommendations were made to the authorities on changing macroeconomic policy and the scientific community on the use of the concept of theoretical economy in understanding modern realities.

Keywords: theoretical economics, new paradigm mainstream, polymethodological approach, the task of overcoming the pandemic and eliminating its negative consequences, digitalization, sources of additional funding for health care

Уважаемые коллеги!

Наша конференция проходит в десятилетний юбилей электронного журнала «Теоретическая экономика» («The theoretical economy»). В ноябре 2010 года он был зарегистрирован в Федеральном агентстве по надзору над средствами массовой информации, а утром 1 января 2011 года в интернете появился первый номер нашего сетевого издания. С того времени журнал получил большую популярность на пяти континентах у экспертов почти полусотни стран от Канады и США до Австралии и Китая, сделав в последние годы резкий рывок в росте своего импакт-фактора (индекса цитируемости). Почему? Потому что с самого начала журнал выступил рупором концепции теоретической экономики, разрабатываемой нами и претендующей на статус нового парадигмального мейнстрима в социально-экономических исследованиях.

В публикациях журнала и наших докладах на международных научных конференциях в ВО ФГБОУ «Ярославский государственный технический университет» [см., например: 1; 2; 3; 4] мы показали, что концепция теоретической экономики в рамках полиметодологического подхода при анализе сущностно-содержательной стороны исследуемого отдает приоритет изучению объективных философско-экономических закономерностей и направлена на достижение подлинного очеловечения субъекта социума и хозяйства, его бытия в полной гармонии с экосферой и собственным хозяйством. То есть классической политической экономики в её высшем выражении – марксистском – разумеется, в его творческом развитии с учетом современных социально-экономических реалий. А неоклассике, институционализму и целому ряду других современных направлений экономической науки отводит место в рассмотрении лишь внешней, поверхностной формы проявления внутреннего содержания изучаемых категорий.

Можно с удовлетворением отметить, что этот наш подход в той или иной мере был поддержан и развит в докладах многих участников предыдущих конференций в ЯГТУ. Так, применительно к конференции 2018 года особенно в этом отношении надо, считаем, отметить работы профессора МГУ им. М.В. Ломоносова А.В. Бузгалина [см.: 5], заведующего кафедрой Белорусского государственного университета П.С. Лемещенко [см.: 6], заведующего сектором Института экономики Российской академии наук М.И. Воейкова [см.: 7], профессора Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского Н.А. Симченко [см.: 8], ивановских исследователей Б.Д. Бабаева и Д.Б. Бабаева [см.: 9], профессора Курского государственного университета Н.К. Водомерова [см.: 10], профессора из Донецка (Украина) Б.Г. Шелегеды [см.: 11].

Что касается предыдущей конференции 2019 года, то на ней в этом плане считаем правомерным назвать доклады, которые представили профессор У.Ж. Алиев из столицы Республики Казахстан г. Нурсултан [см.: 12] и П.С. Лемещенко [см.: 13 и 14], научный руководитель департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, профессор Р.М. Нуреев совместно с его аспирантом О.В. Карапаевым [см.: 15], профессора этого же вуза А.В. Кузнецов [см.: 16] и А.А. Чуб [см.: 17], профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ Д.В. Диденко [см.: 18], заведующие кафедрами В.Ф. Байнев (г. Минск, Республика Беларусь) [см.: 19], Е.Е. Николаева (г. Иваново) [см.: 20] и А.Н. Макаров (г. Набережные Челны) [см.: 21], опять-таки Н.К. Водомеров [см.: 22], а также Н.А. Симченко [см.: 23] и Б.Г. Шелегеда [см.: 24] с их соавторами.

Разумеется, в процессе подготовки данной конференции мы внимательно и уважительно изучили представленные и на неё материалы. И хотя о них обстоятельный обзор ещё впереди, но уже сейчас хотелось бы обратить внимание на важную, с учетом темы нашего выступления, считаем, мысль в тезисах Михаила Илларионовича Воейкова, которую мы, конечно разделяем. Он пишет, что, хотя сегодняшняя пандемия коронавируса, может, вызвана и не либерально-неоклассической теорией непосредственно, но выхода из неё и обнажившейся во время её общей социально-экономической катастрофичности в мире и нашей стране невозможно найти в русле неоклассики, нужен, считает, профессор М.И. Воейков, политэкономический подход. Да, мы тоже усматриваем в беде с Covid-19 не узкомедицинскую проблему: чем комплекснее на неё смотреть, тем шире и глубже за ней видна целая совокупность социально-экономических проблем. И для правильности диагноза (не в узкомедицинском, конечно, смысле), и для выработки рекомендаций для лечения этих современных социально-экономических бед нужна, считаем, методология теоретической экономики.

Даже если возьмем сравнительные цифры между странами по количеству умерших от коронавируса в расчете на 100 тыс. человек населения, то увидим, что в РФ этот показатель вчетверо меньше, чем в США, о чем с оправданной гордостью оповещают нас часто правительственные СМИ. Но они, понятно, почему, умалчивают, что на Кубе, например, эта смертность от Covid-19 в 15 раз ниже, чем в РФ, в Китае в 50, а во Вьетнаме в 400 раз меньше, чем в нашей стране. И эти циферки просто обязывают нас посмотреть на социально-экономическую политику в этих странах по отношению к здравоохранению и ещё глубже – на сравнение социально-экономических систем в США, РФ, на Кубе, в Китае и Вьетнаме. Три страны, названные тут последними, в свое время взяли опыт СССР по организации бесплатного здравоохранения для всех и не проводили потом никакой «оптимизации» его, чем занялась в последние десятилетия в РФ, ликвидировав половину больниц и поликлиник, а соответственно и врачей и медсестер. Рулевые российского здравоохранения радовались, как много сэкономили, насколько эффективна экономически оказалась «оптимизация». Но тут грянула пандемия. И показала, что если бы мы вообще не проводили «оптимизации», то мы бы спасли сотни тысяч людей, поскольку смертность была бы как в том же Вьетнаме, то есть величиной, стремящейся к нулю. А если бы не остановила пандемия и «оптимизация» продолжилась, то у нас было бы так же ужасно, как в США, где и не было нормальной медицины для большинства, которому по страховке в лучшем случае могут снимать боль, но не вылечивать от самой болезни, там не знали и не знают, что такое «скорая помощь», их чудеса высокотехнологичной медицины доступны лишь очень узкому кругу сверхбогатых и в случае пандемии там просто нет базы для массового спасения людей.

Словом, к анализу современных социально-экономических реалий типа пандемии вполне приложима аналогия с высказанными нами здесь же год назад суждениями и рекомендациями по поводу цифровизации.

Тенденция к цифровизации, отмечали мы тогда [см.: 3 и 4], воспринимается теоретической экономией как объективный процесс развития производительных сил и производственных отношений. В то же время диалектика требует видеть противоречивость этой тенденции: в нем и прогресс, и угроза, может быть смертельная, для процесса очеловечения и самой жизни человека, и человечества в целом. В нем фактор повышения производительности, а значит, удовлетворения объективного экономического интереса собственника средств производства в максимизации прибыли. Но в нем же одновременно и усиление интенсивности труда наемного работника, а значит, его эксплуатации, то есть снижение материальных условий бытия вопреки его объективным экономическим интересам. Таким образом, цифровизация может не сгладить, а, наоборот, обострить социальные противоречия, которые и так достаточно напряжены в современной экономике, особенно в нашей стране. Не случайно, пандемия, как и цифровизация, сопровождается дальнейшим усилением разрыва в материальном уровне между богатым меньшинством и бедным большинством, особенно в нашей стране. Потому что и в медицине, как и в цифровизации, мы пустились экономить не там, где нужно.

Работник в результате цифровизации, как мы уже отмечали ранее [см.: 3 и 4], может встать над машиной, выступая регулятором-организатором, то есть по-настоящему очеловечиваясь. А может превратиться в раба машины, как и своего хозяина-работодателя. А уж каким именно результатом обернется объективная возможность и неизбежность цифровизации: благом или угрозой ухудшения жизни – в значительной степени зависит от направленности макроэкономической политики государств. Применительно к сегодняшней России эта проблема предстает в виде выбора: или стать нам жертвой-объектом в руках глобальных сил, или в том же процессе цифровизации выступить активным субъектом, который может стимулировать его в интересах как россиян, так и всего человечества.

В связи с этим по поводу макроэкономической политики, конечно, к сожалению, не может быть больших иллюзий. Чего стоит, например, отставание в РФ в нынешнем году в несколько раз по сравнению с намеченным соответствующим национальным проектом финансирования цифровизации экономики. И это в условиях, когда мы, в прошлом родина роботов, в десятки и сотни раз уступаем сейчас многим странам по количеству выпускаемых роботов в расчете на тысячу работающих. А весь бюджет РФ на науку и высшее образование в несколько раз меньше бюджета одного Гарвардского университета. Разве не аналогично недавнее принятие единороссовским большинством Государственной думы РФ бюджета на 2021-й год и в целом на предстоящее трехлетие, где, проигнорировав другие предложения, предусмотрено снижение финансирования здравоохранения на треть. И это в разгар пандемии!

Конечно, аргументация министерства финансов и депутатов из «Единой России» известна и проста: «Денег нет!». Но известно и то, что при среднегодовом объеме экспорта нефти и газа в 20 трлн рублей в кармане государства оседает только 8 трлн или 40%, а 12 трлн или 60% скрывается в карманах отечественных и зарубежных олигархов. То есть, если заставить контролирующие и правоохранительные органы просто выполнять свои функции, как положено в нормальной стране, и появятся деньги не для снижения на треть, а для увеличения в разы бюджетных расходов на здравоохранение.

Кроме того, недавнее решение о повышении подоходного налога с 13 до 15% для имеющих годовой доход более 5-ти млн рублей, - это как мертвому припарки или слону дробина – оно не решает дела и не соответствует предложению многих ученых о введении шкалы прогрессивного налогообложения для настоящих олигархов на уровне, принятом в США и странах Западной Европы в 30-40%. А реализация этого предложения, как уже приведено во многих публикациях, принесла бы ещё четыре трлн рублей, что серьезно подвинуло бы возможности финансирования здравоохранения и той же цифровизации, обеспечивая прекращение смертности от коронавируса и прорыв в упомянутой цифровизации.

Ну и примерно такая же цифра в четыре триллиона дополнительного дохода, по утверждению специалистов, скрывается в возможности возвращения к государственной монополии на алкогольную отрасль по примеру Российской империи и СССР. То есть многоумность произносителей словосочетания «Денег нет!» представляется весьма сомнительной. Выходит, макроэкономическая политика требует не косметического ремонта, а поворота на 180 градусов, иначе мы создаем противоречие объективным экономическим интересам большинства и объективным экономическим закономерностям.

Что же считаем необходимым на основе положений теоретической экономики порекомендовать органам власти нашей страны в первую очередь для оптимизации макроэкономической политики? В прошлом году, при обсуждении проблем цифровизации, мы отмечали в этом плане следующее [см.: 3 и 4]. Объективная необходимость способности страны и её экономики к мобилизованности требует от руководства государства ужесточить спрос с чиновников за реализацию требования президента по обеспечению обгоняющего развития, а не сегодняшнего фактического отставания в темпах развития от Китая, стран Европы, США в несколько раз.

Налицо и объективная необходимость в этих условиях централизованного планирования и государственной формы собственности на средства производства, особенно в таких приоритетных для процесса и результата индустриализации, в том числе и цифровизации, промышленных отраслях, как машиностроение и другие отрасли обрабатывающей промышленности, военно-промышленный комплекс, а также транспорт, связь и энергетика. Недопустимо, что у нас хотя и принят, исходя из уроков мирового и собственного отечественного опыта, но практически не выполняется закон о централизованном планировании. Практически ничего не делается властями РФ по распространению уже появившегося опыта субъектов федерации по достижению необходимых темпов роста за счет применения централизованного планирования. Давно созрела и необходимость заметить и распространить опыт народных предприятий, где достигнута наивысшая эффективность при высоких зарплатах и отличном решении социальных вопросов за счет прибыли предприятий.

Все это, высказанное год назад, почти не реализуется, поэтому можно рассматривать как практические рекомендации органам власти на основе положений теоретической экономики применительно и к другим социально-экономическим современным проблемам, в том числе к задаче предотвращения смертности от пандемии Covid-19.

Наши положения и рекомендации, как видите, в первую очередь, направлены на рассмотрение социально-экономических проблем в РФ. Но их методологическая база в лице теоретической экономики, позволяет, как нам представляется, адресовать их и политикам, и научному сообществу любой страны. Несмотря на популярность нашего журнала, приходится пока констатировать непонимание многими коллегами-экономистами нашей концепции и её роли в осмыслении современных социально-экономических реалий.

Год назад мы уже отмечали [см.: 3 и 4], что, например, если обратиться к журналам из системы Scopus, рекомендованным нам министерством науки и высшего образования как образец, то за предыдущие три года по проблемам теоретической экономики в них опубликовано всего чуть больше десятка работ [см.: 25-35], да и те, как правило, посвящены анализу отдельных отраслей и сфер экономики и бизнеса, практически не углубляясь в общеметодологические проблемы экономических исследований. Как показывает изучение этих публикаций, в них преобладает неоклассический подход функциональных взаимосвязей между экономическими величинами, что, как мы уже отмечали сегодня, по существу, лишает экономическую науку права на самостоятельность, превращая её в одну из подотраслей науки математической. Значит, нам, в том числе и на этой конференции, надо ещё убедительнее показывать суть своей концепции.

Это особенно важно в условиях нарастания катастрофичности в мировой экономике, необходимости объединения усилий исследователей в разработке рекомендаций по преодолению этой катастрофичности. Ведь такое преодоление невозможно, если ограничиваться осмыслением лишь узких, отраслевых вопросов, да ещё только в формальном, внешнем аспекте. Или ограничиваться взглядом на современное состояние экономики с позиции давно известной, но, по нашему мнению, уже неактуальной теории цикличности: перед нами не очередная фаза цикла, а крушение всей системы, к которой была приложима цикличность. Катастрофа – это более строгая и жесткая форма социально-экономического диагноза, чем очередной спад, а, значит, и лечение должно быть иным, более сложным и, может быть, болезненным. Представляется, что для системного решения комплексной научной проблемы и любой её составляющей, любой категории, касающейся осмысления современных реалий, нужна именно теоретическая экономия как методологическая основа. В том числе и при поиске выхода из пандемии, ликвидации её негативных социально-экономических последствий.

Считаем, что мы, исследователи, пока в большом долгу перед человечеством и собственной совестью. Сегодня по-прежнему не хватает глубоких научных работ по поиску спасения людей и экономики от угрозы катастрофы. Обсуждая эти вопросы с коллегами в своем техническом вузе, мы видим, что от представителей всех обществоведческих и инженерных наук требуется дальнейшее научное

осмысление проблемы соотношения объективного и субъективного, позитивного и негативного в современных реалиях. Видимо, здесь нужен междисциплинарный, общенаучный подход, а не отвлечение на второстепенное, вроде обвинения представителями одних наук представителей других в создавшейся катастрофичности: наверное, последняя выступила объективной необходимостью на данном этапе, поэтому поиск объективных закономерностей, вызвавших эту необходимость, становится остроактуальной научно-исследовательской задачей.

Надеемся, что дискуссия на нашей конференции послужит позитивному продвижению в теоретическом осмыслении этих проблем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гордеев В.А. Цифровая экономика в зеркале теоретической экономики /В.А. Гордеев, М.А. Майорова, С.В. Шкиотов, М.И. Маркин // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2018. — № 6. — С. 66-69. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

2. Гордеев В.А. Цифровая экономика в зеркале теоретической экономики //В.А. Гордеев, М.А. Майорова, С.В. Шкиотов, М.И. Маркин // Интеграция науки и практики как механизм развития цифровой экономики: сб. тр. Междунар. науч.-практ. конф., 18 декабря 2018 г., Ярославль / под общ. ред. к.э.н. С.В. Шкиотова, д.э.н. В.А. Гордеева. – Ярославль: Издат. дом ЯГТУ, 2018. – 440 с. – С. 23-26.

3. Гордеев В.А. Теоретическая экономика как методологическая основа исследования цифровой экономики / /В.А. Гордеев, М.А. Майорова, С.В. Шкиотов, М.И. Маркин // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2019. — № 11. — С. 33-38. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

4. Гордеев В.А. Теоретическая экономика как методологическая основа исследования цифровой экономики / В.А. Гордеев, М.А. Угрюмова, С.В. Шкиотов // Социально-экономические и технологические проблемы новой индустриализации как фактора опережающего развития национальной экономики: сб. тр. Междунар. науч.-практ. конф, 12 ноября 2019 г., Ярославль / под общ. ред. к.э.н. С.В. Шкиотова, д.э.н. В.А. Гордеева. [Электронный ресурс] – Ярославль: Издат. дом ЯГТУ, 2019. – 340 с. – С. 3-8.

5. Бузгалин А.В. Соотношение интеллектуальной частной собственности и собственности каждого на всё в информационной экономике /А.В. Бузгалин // Интеграция науки и практики как механизм развития цифровой экономики: сб. тр. Междунар. науч.-практ. конф., 18 декабря 2018 г., Ярославль / под общ. ред. к.э.н. С.В. Шкиотова, д.э.н. В.А. Гордеева. – Ярославль: Издат. дом ЯГТУ, 2018. – 440 с. – С. 7-8.

6. Лемещенко П.С. О необходимых и достаточных условиях неоиндустриального развития, или есть ли альтернатива современной экстенсивной экономике России /П.С. Лемещенко // Интеграция науки и практики как механизм развития цифровой экономики: сб. тр. Междунар. науч.-практ. конф., 18 декабря 2018 г., Ярославль / под общ. ред. к.э.н. С.В. Шкиотова, д.э.н. В.А. Гордеева. – Ярославль: Издат. дом ЯГТУ, 2018. – 440 с. – С. 15-18.

7. Воейков М.И. Государство в эпоху цифровой экономики России /М.И. Воейков // Интеграция науки и практики как механизм развития цифровой экономики: сб. тр. Междунар. науч.-практ. конф., 18 декабря 2018 г., Ярославль / под общ. ред. к.э.н. С.В. Шкиотова, д.э.н. В.А. Гордеева. – Ярославль: Издат. дом ЯГТУ, 2018. – 440 с. – С. 46-51.

8. Симченко Н.А. Цифровые технологии как фактор роста социального капитала /Н.А. Симченко // Интеграция науки и практики как механизм развития цифровой экономики: сб. тр. Междунар. науч.-практ. конф., 18 декабря 2018 г., Ярославль / под общ. ред. к.э.н. С.В. Шкиотова, д.э.н. В.А. Гордеева. – Ярославль: Издат. дом ЯГТУ, 2018. – 440 с. – С. 68-71.

9. Бабаев, Б.Д. Цифровая экономика: воспроизводственные зарисовки /Б.Д. Бабаев, Д.Б. Бабаев

// Интеграция науки и практики как механизм развития цифровой экономики: сб. тр. Междунар. науч.-практ. конф., 18 декабря 2018 г., Ярославль / под общ. ред. к.э.н. С.В. Шкиотова, д.э.н. В.А. Гордеева. – Ярославль: Издат. дом ЯГТУ, 2018. – 440 с. – С. 79-84.

10. Водомеров Н.К. Преодоление технологического отставания России и цифровая экономика / Н.К. Водомеров // Интеграция науки и практики как механизм развития цифровой экономики: сб. тр. Междунар. науч.-практ. конф., 18 декабря 2018 г., Ярославль / под общ. ред. к.э.н. С.В. Шкиотова, д.э.н. В.А. Гордеева. – Ярославль: Издат. дом ЯГТУ, 2018. – 440 с. – С. 123-127.

11. Шелегеда, Б.Г. Интеграционная стратегия развития триады: образование-наука-бизнес / Б.Г. Шелегеда // Интеграция науки и практики как механизм развития цифровой экономики: сб. тр. Междунар. науч.-практ. конф., 18 декабря 2018 г., Ярославль / под общ. ред. к.э.н. С.В. Шкиотова, д.э.н. В.А. Гордеева. – Ярославль: Издат. дом ЯГТУ, 2018. – 440 с. – С. 158-162.

12. Алиев У.Ж. Цифровая экономика и /или цифровая технология: их место в инвариантно-интегральной структуре экономической системы / У.Ж. Алиев // Социально-экономические и технологические проблемы новой индустриализации как фактора опережающего развития национальной экономики: сб. тр. Междунар. науч.-практ. конф, 12 ноября 2019 г., Ярославль / под общ. ред. к.э.н. С.В. Шкиотова, д.э.н. В.А. Гордеева. [Электронный ресурс] – Ярославль: Издат. дом ЯГТУ, 2019. – 340 с. – С. 8-11.

13. Лемещенко П.С. Институциональные аспекты этапа цифровизации политэкономического и социального развития / П.С. Лемещенко // Социально-экономические и технологические проблемы новой индустриализации как фактора опережающего развития национальной экономики: сб. тр. Междунар. науч.-практ. конф, 12 ноября 2019 г., Ярославль / под общ. ред. к.э.н. С.В. Шкиотова, д.э.н. В.А. Гордеева. [Электронный ресурс] – Ярославль: Издат. дом ЯГТУ, 2019. – 340 с. – С. 11-15.

14. Лемещенко П.С. Институциональные аспекты этапа цифровизации политэкономического и социального развития / П.С. Лемещенко // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2019. — № 12. — С. 34-37. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

15. Нуреев Р.М. Цифровизация экономики: основные этапы формирования / Р.М. Нуреев, О.В. Карапаев // Социально-экономические и технологические проблемы новой индустриализации как фактора опережающего развития национальной экономики: сб. тр. Междунар. науч.-практ. конф, 12 ноября 2019 г., Ярославль / под общ. ред. к.э.н. С.В. Шкиотова, д.э.н. В.А. Гордеева. [Электронный ресурс] – Ярославль: Издат. дом ЯГТУ, 2019. – 340 с. – С. 15-20.

16. Кузнецов А.В. Мировая валютная система как сдерживающий фактор индустриализации в России / А.В. Кузнецов // Социально-экономические и технологические проблемы новой индустриализации как фактора опережающего развития национальной экономики: сб. тр. Междунар. науч.-практ. конф, 12 ноября 2019 г., Ярославль / под общ. ред. к.э.н. С.В. Шкиотова, д.э.н. В.А. Гордеева. [Электронный ресурс] – Ярославль: Издат. дом ЯГТУ, 2019. – 340 с. – С. 25-30.

17. Чуб А.А. Оценка эффективности кластеров как механизма продвижения индустриальных проектов в регионах России / А.А. Чуб // Социально-экономические и технологические проблемы новой индустриализации как фактора опережающего развития национальной экономики: сб. тр. Междунар. науч.-практ. конф, 12 ноября 2019 г., Ярославль / под общ. ред. к.э.н. С.В. Шкиотова, д.э.н. В.А. Гордеева. [Электронный ресурс] – Ярославль: Издат. дом ЯГТУ, 2019. – 340 с. – С. 41-46.

18. Диденко Д.В. Планирование в эволюции теоретических основ экономики развития / Д.В. Диденко // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2020. — № 2. — С. 34-40. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

19. Байнев В.Ф. Цифровая индустриализация как современный этап эволюции техники и технологий / В.Ф. Байнев // Социально-экономические и технологические проблемы новой индустриализации как фактора опережающего развития национальной экономики: сб. тр. Междунар.

науч.-практ. конф, 12 ноября 2019 г., Ярославль / под общ. ред. к.э.н. С.В. Шкиотова, д.э.н. В.А. Гордеева. [Электронный ресурс] – Ярославль: Издат. дом ЯГТУ, 2019. – 340 с. – С. 46-49.

20. Николаева Е.Е. Новая индустриализация и цифровая трансформация как направления развития экономики России (проблемы и перспективы) / Е.Е. Николаева // Социально-экономические и технологические проблемы новой индустриализации как фактора опережающего развития национальной экономики: сб. тр. Междунар. науч.-практ. конф, 12 ноября 2019 г., Ярославль / под общ. ред. к.э.н. С.В. Шкиотова, д.э.н. В.А. Гордеева. [Электронный ресурс] – Ярославль: Издат. дом ЯГТУ, 2019. – 340 с. – С. 54-58.

21. Макаров А.Н. Реформа земельной собственности в контексте обеспечения продовольственной безопасности и опережающего российской экономики / А.Н. Макаров // Социально-экономические и технологические проблемы новой индустриализации как фактора опережающего развития национальной экономики: сб. тр. Междунар. науч.-практ. конф, 12 ноября 2019 г., Ярославль / под общ. ред. к.э.н. С.В. Шкиотова, д.э.н. В.А. Гордеева. [Электронный ресурс] – Ярославль: Издат. дом ЯГТУ, 2019. – 340 с. – С. 30-34.

22. Водомеров Н.К. Планомерное развитие станкостроения – ключевое звено новой индустриализации / Н.К. Водомеров // Социально-экономические и технологические проблемы новой индустриализации как фактора опережающего развития национальной экономики: сб. тр. Междунар. науч.-практ. конф, 12 ноября 2019 г., Ярославль / под общ. ред. к.э.н. С.В. Шкиотова, д.э.н. В.А. Гордеева. [Электронный ресурс] – Ярославль: Издат. дом ЯГТУ, 2019. – 340 с. – С. 34-41.

23. Степанко А.Д. Факторы трансформации человеческого капитала в условиях цифровизации экономики / А.Д. Степанко, Н.А. Симченко // Социально-экономические и технологические проблемы новой индустриализации как фактора опережающего развития национальной экономики: сб. тр. Междунар. науч.-практ. конф, 12 ноября 2019 г., Ярославль / под общ. ред. к.э.н. С.В. Шкиотова, д.э.н. В.А. Гордеева. [Электронный ресурс] – Ярославль: Издат. дом ЯГТУ, 2019. – 340 с. – С. 58-61.

24. Шелегеда, Б.Г. Индустриально-технологические факторы регионального развития России / Б.Г. Шелегеда, М.Н. Корнев, Н.В. Погоржельская, С.А. Руссиян // Социально-экономические и технологические проблемы новой индустриализации как фактора опережающего развития национальной экономики: сб. тр. Междунар. науч.-практ. конф, 12 ноября 2019 г., Ярославль / под общ. ред. к.э.н. С.В. Шкиотова, д.э.н. В.А. Гордеева. [Электронный ресурс] – Ярославль: Издат. дом ЯГТУ, 2019. – 340 с. – С. 20-25.

25. Agarwal J., Wu T. The changing nature of global marketing: a new perspective // Springer International Publishing, (2018), pp. 3-11.

26. Saavedra Y., Iritani D., Pavan A., Ocnetto A. Theoretical contribution of industrial ecology to circular economy // Journal of Cleaner Production, vol. 170 (2018), pp. 1514-1522. Published by Elsevier Ltd.

27. Radolevic S., Meissner D., Lacala I. Exploring technology upgrading of emerging economies: From ‘shifting wealth I’ to ‘shifting wealth II’ ? // Technological Forecasting and Social Change (2019) 145 pp. 254-257.

28. Portmann E. Rezension “Blockchain: Blueprint for a New Economy” // HMD Praxis der Wirtschaftsinformatik, vol. 55, issue 6 (2018) pp. 1362-1364. Published by Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH.

29. Cullen J. Circular Economy: Theoretical Benchmark or Perpetual Motion Machine? // Journal of Industrial Ecology, vol. 21, issue 3 (2017) pp. 483-486. Published by Blackwell Publishing.

30. Bjornskov C. The Political Economy of Trust // The Oxford Handbook of Public Choice, Volume 1 (2019) pp. 627-648. Published by Oxford University Press.

31. Kalmykova Y., Sadagopan M., Posado L. Circular economy – From review of theories and practices to development of implementation tools // Resources, Conservation and Recycling, vol. 135 (2018) pp. 190-

201. Published by Elsevier B.V.

32. Pomponi F., Moncaster A. Circular economy for the built environment: A research framework // Journal of Cleaner Production, vol. 143 (2017) pp. 710-718. Published by Elsevier Ltd.

33. Azzili Y., Chambers C., Healy P. In Centives in experiments: A theoretical analysis // Journal of Political Economy, vol. 126, issue 4 (2018) pp. 1472-1503. Published by University of Chicago Press.

34. Lundstrom M. The Political Economy of Meat // Journal of Agricultural and Environmental Ethics, vol. 32, issue 1 (2019) pp. 95-104. Published by Springer Netherlands.

35. Blomsma F., Brennan G. The Emergence of Circular Economy: a New Framing Around Prolonging Resource Productivity // Journal of Industrial Ecology, vol. 21, issue 3 (2017) pp. 603-6014/ Published by Blackwell Publishing.

ПАНДЕМИЯ И КОНЕЦ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ

Воейков Михаил Илларионович

доктор экономических наук, профессор,
зав. сектором политической экономии Центра методологических и историко-экономических исследований Института экономики РАН,
г. Москва, Российская Федерация.
E-mail: nm@inecon.ru

Аннотация: В докладе обосновывается положение о конце либеральной экономической концепции, что в условиях современной пандемии стало совершенно очевидно. Спонтанное общественное развитие без государственного вмешательства может повести к вымиранию всего человечества. Поэтому нужна сознательная, целесообразная регулирующая роль государства.

Ключевые слова: Пандемия, либеральная экономическая модель, новые технологии, плановое воздействие, государство.

JEL: A10

THE PANDEMIC AND THE END OF THE LIBERAL ECONOMIC CONCEPT

Voeykov Mikhail Illarionovich,
doctor of Economics, Professor,
head of the political economy sector Of the center for methodological and historical-economic research Of the Institute of Economics of the Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Abstract: The report substantiates the position of the end of the liberal economic concept, which has become quite obvious in the context of a modern pandemic. Spontaneous social development without government intervention can lead to the extinction of all mankind. Therefore, we need a conscious, expedient regulatory role of the state.

Keywords: Pandemic, liberal economic model, new technologies, planned impact, state

Пандемия «COVID-19», которая обрушилась на человечество в 2020 г., заставляет задуматься о многом. И прежде всего о либеральной экономической концепции, которая до сих пор служит иконой для многих западно-ориентированных экономистов, и под знаменем которой проводились экономические реформы в России в 1990-е гг. Известно, что эти реформы нанесли сокрушительный ущерб экономике страны, развалили нашу промышленность, понизили материальное благополучие большинства населения, в громадной степени увеличили экономическое неравенство людей. Отрицательные последствия этих либеральных реформ можно перечислять долго, но достаточно привести один факт.

В СССР все люди были более или менее равны, экономическое неравенство было минимальным. Коэффициент Джини был на уровне скандинавских стран, характерный для социальной экономики, в 1992 г. он равнялся 0,28, а сегодня в России он равен примерно 0,41. Либералы же не любят равенства. Они считают, что равенства не должно быть, ибо, по их мнению, оно не стимулирует рост производительности. Так, Л. Мизес пишет: «Только благодаря неравенству богатства, возможному в условиях нашего общественного порядка, только благодаря тому, что он стимулирует каждого производить столько, сколько он может и при наименьших издержках, человечество сегодня имеет в своем распоряжении тот совокупный объем годового богатства, которое можно использовать на потребление» [1, с. 788]. Неравенство, согласно либеральному подходу, способствует росту

сбережений, а, следовательно, и инвестиций в развитие экономики. Сегодня в России неравенство зашкаливает за все разумные пределы. Так, в 2019 г. доля богатства страны, сосредоточенная у 1% наиболее богатых россиян, составила 58,2 %. Т.е. более половины богатства страны принадлежит всего лишь горстке людей, составляющей только 1% населения. В большинстве основных европейских странах концентрация богатства у 1% населения не превышает 30 % [2, с. 129]. Итак, неравенство в современной России поражает воображение, а инвестиций как не было, так и нет.

Более того, либеральные экономические реформы 1991-1995 гг. нанесли России экономический ущерб, вполне сопоставимый с потерями народного хозяйства от нашествия фашистской Германии и даже сильно превосходящий эти потери. Так, если промышленное производство в 1945 г. сократилось по сравнению с 1940 г. всего лишь на 10 %, то в 1995 г. по сравнению с 1990 г. промышленное производство сократилось на 50,3 % [Рассчитано по данным: 3]. Тут и напрашивается вопрос – что для экономики России ущербнее: война с фашистской Германией или либеральные экономические реформы, навязанные «Вашингтонским консенсусом» в США? На этот вопрос хорошо ответил Ю.В. Якутин. Либеральные преобразования постсоветского периода, пишет он, «уполовинили национальную экономику, привели к разгрому созданных в СССР высокотехнологичных промышленных отраслей и комплексов, мощно ударили по индустрии народного потребления и фактически ликвидировали почти все социальные завоевания советского периода – так, что специалисты оценили соответствующие реформационные потери в качествекратно превышающих ущерб Советского Союза от гитлеровского нашествия!» [4, с. 19]. И это реальная цена либеральных реформ 1990-х гг. в России.

Конечно, сегодняшняя пандемия не есть прямое следствие либеральной экономической концепции, но бороться с ней можно только решительно отбросив эту концепцию в мусорную корзину. К сожалению, теории либеральных экономистов до сих пор имеют некоторую моду среди некоторых российских университетов. Основная экономическая концепция либералов заключается в том, что спонтанному, т.е. хаотическому экономическому развитию нет альтернативы. Это, например, утверждает лауреат Нобелевской премии по экономике Ф. Хайек: «Спонтанное сотрудничество свободных людей часто создает вещи более великие, чем их индивидуальные умы смогут когда-либо постичь в полной мере» [5, с. 10]. Правда, Хайек не объясняет: как простым спонтанным сотрудничеством можно создать электрическую лампочку, автомобиль или самолет? Для всего этого нужны индивидуальные умы, обогащенные знанием, которые и создали современную техническую цивилизацию. И кроме всего прочего, нужно сознательное централизованное управление экономикой. Иными словами, экономика должна развиваться не как придется, куда вывезет кривая рынка, а целенаправленно в интересах большинства людей. Для этого и надо насытить экономику новыми технологиями, новыми знаниями, новым пониманием законов общественного, в том числе экономического, развития.

Известно, что рынок в настоящее время представляет собой наиболее эффективный механизм экономического развития. Суть рыночного механизма (конкуренции) состоит в соизмерении индивидуальных издержек труда по производству какого-либо продукта с общественно необходимой величиной, той, что складывается на рынке. На этой основе происходит дифференциация всех участников производственного процесса на лучших и худших. Практически это означает, что лучшие производители товаров или услуг достигают максимальных преимуществ и способны расширить свое производство, а худшие - в конце концов, выводятся за пределы хозяйственного процесса. Благодаря конкуренции осуществляется наиболее оптимальное (эффективное) распределение ресурсов. В отношении труда через рыночный механизм происходит эффективное его распределение между различными отраслями и видами экономической деятельности и регионами. При хорошо отлаженном рынке труда зарплата занятых работников одной и той же квалификации в одной отрасли промышленности не должна существенно отличаться от зарплаты в других отраслях промышленности. Рынок усредняет цену предложения и спроса.

Вместе с тем, не следует переоценивать возможности рыночного механизма. Рыночный механизм был хорош на первой стадии индустриального производства, когда изготавливались сравнительно простые продукты для массового потребления. Сегодня все существенно усложнилось. В долгосрочной перспективе воздействие рынка весьма незначительно, слабое воздействие он оказывает и на развитие современных сложнейших отраслей и промышленных комплексов (атомная промышленность, ракетостроение, космос и т.п.). Весьма спорным или иллюзорным является распространение рыночного механизма на некоторые отрасли так называемой «новой экономики». Например, продукты таких отраслей как здравоохранение, культура, наука, образование объективно не могут являться предметом рыночной конкуренции. Так, производство и распределение холста и сапог, классических предметов рыночного саморегулирования, принципиально отличается от производства и распределения профессоров и солистов Большого театра. От увеличения инвестиций в последний больше талантливых солистов никак не станет. И Большой театр, наверное, соревнуется с Малым (благо рядом расположены), но это не рыночная конкуренция, ибо монополия одного театра тут невозможна.

Однако, социальные ценности (такие, как здоровье и жизнь) находятся за пределами рынка. Если рынок есть объективная реальность, то нельзя же всерьез полагать, что люди могут по своему желанию запретить или отменить эту объективную реальность, что люди могут свои моральные, этические или нравственные предпочтения (ценности) навязывать рынку. Можем его внешние параметры регулировать, при условии понимания и знания издержек этого регулирования.

Социальные ценности, с одной стороны, накладываются на рынок, определяют параметры его функционирования. С другой стороны, сам рынок предопределяет возможный объем социальных ценностей. Поэтому всегда и везде рынок ограничен, регулируем. В противном случае, при господстве только экономической эффективности он может привести к нелепым и просто антигуманным последствиям. В научной литературе об этом писали сотни, если не тысячи, раз. Вот одно из этого рода высказываний: «Идея саморегулирующегося рынка основывается на самой настоящей утопии. Подобный институт не мог бы просуществовать сколько-нибудь долго, не разрушив при этом человеческую и природную субстанцию общества; он бы физически уничтожил человека, а среду его обитания превратил в пустыню» [6, с. 13-14]. Это сегодня и видно на примере пандемии.

Более того, по мере увеличения богатства, развития экономики возрастает объем и значение всевозможных социальных ценностей, и в то же время падает значение экономического момента, что ведет к возрастанию жесткости регулирования рыночного механизма. Еще в начале XX века русский экономист М.И. Туган-Барановский сформулировал это положение таким образом: «Участие хозяйственного труда в общей совокупности социальной деятельности сокращается по мере хода истории. Повышение производительности труда подрывает социальное преобладание хозяйства, и нехозяйственная деятельность приобретает, в качестве движущей силы истории, все большее значение» [7, с. 85]. Значит, все более возрастает значение человеческой деятельности, в центре которой находится не экономическая эффективность, а социальные (культурные, научные, образовательные, гуманитарные и т.д.) цели развития. Значит, возрастает роль сознательного, осмысленного регулирования социально-экономического процесса.

Плановые методы представляют собой хороший канал для проведения политики, исходящей не только из чисто экономической эффективности. Через эти методы весьма удобно проводить и социальные, этические ценности. Это часто провоцирует политиков социальные цели рассматривать не как результат сознательного регулирования рынка, а вставлять их в сам рыночный механизм и полагать, что рынок кроме экономической эффективности может дать еще и социальную справедливость. Кстати, в советский период чаще всего так и было. Через плановые методы пытались решать задачи не повышения экономической эффективности, а преимущественно социальные цели общественного развития.

Сегодня, когда развитые западные страны переходят к «обществу знаний», большие сферы человеческой деятельности выводятся из-под рыночного регулирования (например, образование). Положение, согласно которому в сферах человеческой деятельности с преобладанием творческого труда (наука, образование, культура) рыночные механизмы перестают работать, уже давно и успешно разрабатывается в новой социально-экономической литературе. И в этом случае либеральная экономическая теория (мейнстрим), которая уже не в состоянии объяснять эти новые процессы, должна заменяться новой теорией.

Основная проблема состоит в замене стихийного экономического развития сознательной целеполагающей деятельности людей. Это вызвано тем, что сегодня мировое общественное развитие наткнулось на череду серьезных кризисов, из которых на основе либеральной экономической модели, которая все пускает на самотек, просто нет выхода. И общество, и экономика не могут быть исключением. Человечество давно живет в придуманном, искусственном техническом мире. Без него люди до сих пор бы мерзли в земляных норах, питались сырым мясом или корнями, мокли под дождем и мерли тысячами. Чему печальным примером может служить современная пандемия.

Современная человеческая цивилизация – это онаученное общество, общество знаний. Поэтому и социальное развитие общества, и экономику надо оплодотворять научными знаниями. Научное знание проникает и в экономику, а с пришествием нового технологического уклада, новых технологий, в том числе цифровых, спонтанное экономическое развитие будет заменяться научно обоснованным. В этой связи С.Д. Бодрунов пишет о тупиковости современной модели экономического развития: «В воздухе витает предчувствие глубоких перемен. Человечество сталкивается с угрозами, исходящими и от неконтролируемого развития техносферы, и от деградации природной среды, и от посягательств на природу самого человека, и от неравномерности развития стран и народов, и от вызванных всем этим общественных конфликтов» и дальше: «Мы, наконец, подошли к пределу эффективности существующей модели развития» [8, с.13, 56]. И это совершенно верно. Об этом уже пишут многие умные люди. Так, профессор Кембриджского университета Э. Гэмбл пишет: «До сих пор не видно конца более глубокому кризису неолиберального порядка, ярким знаменем которого стал крах 2008 г. Мы являемся свидетелями лишь ранней стадии этого кризиса» [9, с. 15]. И опять на ум приходит современная пандемия. Сегодня мировое общественное развитие наткнулось на череду серьезных кризисов, из которых на основе либеральной экономической модели, которая все пускает на самотек, просто нет выхода.

Показательно, что, когда рыночная экономика теряет свою позитивную функцию, плодятся фантомы экономической теории. Это касается разговоров о социальном капитале, интеллектуальном капитале фирмы, интеллектуальной собственности, экономики счастья и т.д. и т.п. То же самое можно отнести и к разговорам об информационном обществе, когда по мысли говорящих информация превращается в особый ресурс и чуть ли не заменяет материальное производство. Конечно, информация нужна для развития и совершенствования того же материального производства и поиска благополучной жизни. Новый тип материального производства требует новых форм хозяйствования и управления и, видимо, нового понимания экономики вообще.

Традиционной экономике в общепринятом понимании уже нет места. Экономика как спонтанный хаос непреднамеренных действий уходит в прошлое. Новые технологии меняют роль государства, либеральное государство XIX века уходит в прошлое. Но ренессанса рыночных отношений нет, как и нет ренессанса частной собственности. И никак не сокращается регулирующая роль государства, а как раз наоборот - возрастает.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мизес Л. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории. М.: Экономика, 2000.
2. Анисимова Г. Обострение социально-экономического неравенства в России. // Общество и экономика, 2020, № 9. С. 125-134.
3. Народное хозяйство СССР. 1922-1982. Юбил. стат. ежегодник / ЦСУ СССР. – М.: Финансы и статистика, 1982. С. 55; Российский статистический ежегодник. Стат. сб. / Госкомстат России. – М.: Логос, 1996. С. 492.
4. Якутин Ю. Уроки Великой Победы. // Российский экономический журнал, 2015, № 1. С. 5-26.
5. Хайек Ф.А. Индивидуализм и экономический порядок. – Челябинск, Социум, 2011. – 394 с.
6. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. - СПб.: “Алатейя”, 2002.
7. Туган-Барановский М.И. Теоретические основы марксизма. М.: Едиториал УРСС, 2003. – 224 с.
8. Бодрунов С.Д. Ноономика. – М.: Культурная революция, 2018. – 432 с.
9. Гэмбл Э. Кризис без конца? Крах западного процветания. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2008.

МЕТОДЫ РЕГРЕССИОННОГО АНАЛИЗА В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПРОИЗВОДСТВА ОСНОВНЫХ ВИДОВ ПРОДУКЦИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ КУЛЬТУР В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Куленцан Антон Львович

кандидат физико-математических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Ивановский государственный химико-технологический университет»,
кафедра «информационных технологий и цифровой экономики»,
г. Иваново, Российская Федерация.
E-mail: kulencan@mail.ru

Марчук Наталья Александровна

старший преподаватель,
ФГБОУ ВО «Ивановский государственный химико-технологический университет»,
кафедра «информационных технологий и цифровой экономики»,
г. Иваново, Российская Федерация.
E-mail: chyk85@rambler.ru

Аннотация: Актуальность тематики данного исследования обусловлена тем, что производство основных видов продукции сельскохозяйственных культур в Российской Федерации является одной из важнейших отраслей экономики нашей страны. Авторами выполнены исследования по применению различных методических подходов для описания динамики изменения производства основных видов продукции сельскохозяйственных культур за период времени 1990-2018 гг. Полученные результаты показали обоснованность использования многопараметрических регрессионных моделей. Авторами представлены результаты исследования зависимости изменения урожайности различных сельскохозяйственных культур от ряда параметров. Результаты свидетельствуют о том, что эти зависимости носят линейный характер.

Ключевые слова: сельскохозяйственные культуры, регрессионный анализ, МНК, коэффициент корреляции, коэффициент детерминации, линейные и нелинейные модели.

JEL: C15, J43

METHODS OF REGRESSION ANALYSIS IN RESEARCH OF PRODUCTION OF MAIN TYPES OF AGRICULTURAL CROPS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Kulentsan Anton Lvovich,
Candidate of Physical and Mathematical Sciences,
Associate Professor Ivanovo State University of Chemical Technology, Department of Information Technology and Digital Economics
Ivanovo, Russian Federation

Marchuk Natalia Alexandrovna,
Senior Lecturer,
Ivanovo State University of Chemical Technology, Department of Information Technology and Digital Economics
Ivanovo, Russian Federation

Abstract: The relevance of this research is due to the fact that the production of main types of agricultural products in

the Russian Federation is one of the most important sectors of the economy of our country. The authors carried out research on the application of various methodological approaches to describe the dynamics of changes in the production of main types of agricultural crops over the period 1990-2018. The results obtained showed the validity of using multiparametric regression models. The authors present the results of a study of the dependence of changes in the yield of various crops on a number of parameters. The results show that these dependencies are linear.

Keywords: agricultural crops, regression analysis, MNC, correlation coefficient, determination coefficient, linear and nonlinear models

Для поддержания стабильного социально-экономического, политического состояния в Российской Федерации, необходимо чтобы продовольственное снабжение было бы всегда надежное, а отрасли, которые отвечают за это, развивались. Однако, начиная с 1990 г., произведенные реформы в нашей стране привели к тому, что техническое оснащение отраслей, занимающихся сельским хозяйством, заметно уменьшилось. Полученные результаты различных работ, показали, что уменьшились объемы внесения органических и минеральных удобрений, средств защиты растений [1]. Это привело к тому, что в нашей стране возросла степень отставания агропромышленного комплекса от ведущих мировых производителей. Чтобы избежать дальнейшего ухудшения, необходимы экстренные меры. Многие страны, которые сталкивались с такими проблемами, пошли по пути создания долгосрочных целевых прогнозов, которые в дальнейшем использовали как некоторые ориентиры для организации взаимосогласованной деятельности органов власти, бизнеса и науки [1].

Проведенный нами анализ динамики изменения производства основных видов продукции сельскохозяйственных культур за период времени 1990-2018 гг. позволяет сделать вывод о существовании функциональной зависимости изменения производства различных видов продукции сельскохозяйственных культур от момента времени. При описании ретроспективы производства овса и проса с помощью линейного уравнения функциональная зависимость имеет монотонно возрастающий характер. Графическая интерпретация динамики изменения производства данных культур в зависимости от времени за рассматриваемый период, полученная по линейному регрессионному уравнению, представлена на рис. 1. Самым распространенным методом оценки параметров уравнения линейной многопараметрической регрессии является метод наименьших квадратов (МНК) [7-10]. Суть данного метода заключается в минимизации суммы квадратов отклонений искомой аналитической функции y_i от экспериментальной зависимости \hat{y}_i . Из этого следует, что стандартная ошибка ε_i должна быть минимальна [10], т.е.

$$\sum_{i=1}^n (y_i - \hat{y}_i)^2 = \sum_{i=1}^n (\varepsilon_i)^2 \rightarrow \min \quad (1)$$

В соответствии с МНК были получены значения коэффициентов регрессионного уравнения зависимости производства овса и проса от времени. Однопараметрическое линейное уравнение регрессии для описания изменения производства основных видов продукции сельскохозяйственных культур за период времени 1990-2018 гг., может быть представлено в следующем виде [10]:

$$\begin{cases} \hat{y}_i = 0,1764 \cdot x_i - 337,9 + \varepsilon_i \text{ для производства овса} \\ \hat{y}_i = 0,1804 \cdot x_i - 350,88 + \varepsilon_i \text{ для производства проса} \end{cases} \quad (2)$$

где \hat{y}_i - производство овса в i -й год, определенное с помощью линейного однопараметрического регрессионного уравнения; x_i - порядковый номер года; ε_i - отклонение ретроспективных значений производства овса и проса от значений производства овса и проса, полученных по уравнению регрессии.

Для проверки общего качества уравнения регрессии нами использовалась оценка коэффициента детерминации R^2 . Значение данного коэффициента состоит в доле общего разброса значений

зависимой переменной, объясненной уравнением регрессии [5, 6]. Кроме того, при проведении корреляционного анализа выборки данных должны выполняться следующие условия:

- чтобы использовать данный анализ, необходимо чтобы проводилось большое количество наблюдений, которые в 5–6 раз превышают количество параметров;
- необходимо, чтобы совокупность значений всех факторных и результативных признаков подчинялась многомерному нормальному распределению;
- рассматриваемые показатели представлены в виде временных рядов, измерения выполнены через равный промежуток времени [10].

$$R^2 = 1 - \frac{\sum_{i=1}^n (\varepsilon_i)^2}{(y_i - \bar{y}_i)^2} \quad (3)$$

Проверка значимости генерального коэффициента корреляции основывается на расчете с использованием распределения Стьюдента (4):

$$t_{\text{набл}} = \frac{R}{\sqrt{1 - R^2}} \cdot \sqrt{n - 2} \quad (4)$$

которая при истинности гипотезы H_0 : имеет t-распределение с $n-2$ степенями свободы. Данная гипотеза отвергается, и генеральный коэффициент корреляции считается значимым, если $|t_{\text{набл}}| > t_{\text{кр}}$, где $t_{\text{кр}} = St(\alpha; n-2)$ определяется при уровне значимости α и числе степеней свободы $n-2$ [2 - 4].

Для данных линейных регрессионных уравнений производства овса и проса коэффициент детерминации составит 0,4848 и 0,3848, соответственно, результаты представлены на рис. 1.

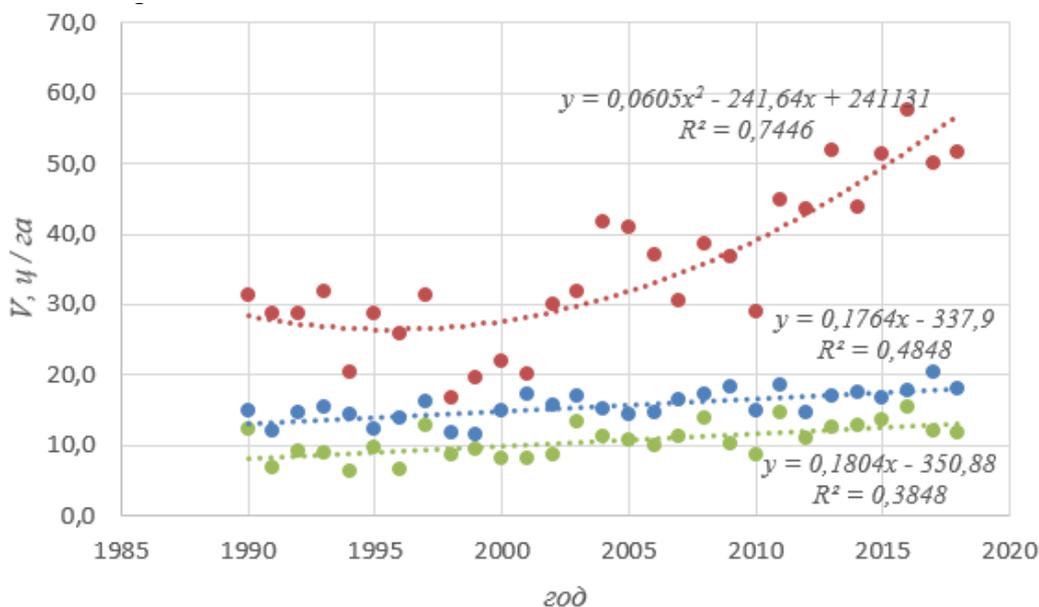

Рисунок 1 - Модели динамического развития производства основных видов продукции сельскохозяйственных культур в Российской Федерации: овес ($R^2 = 0,4848$), кукуруза на зерно ($R^2 = 0,7446$), просо ($R^2 = 0,3848$)

Аналогичная ситуация будет иметь место в случае описания изменения производства остальных видов продукции сельскохозяйственных культур с помощью полинома второго порядка, результаты показаны на рис. 1 - 3.

Полиномиальное уравнение второго порядка, описывающее изменение изменения производства основных видов продукции сельскохозяйственных культур на рассматриваемом отрезке времени, будет иметь следующий вид:

$$\left\{ \begin{array}{l} \hat{y}_i = 0,0605 \cdot x_i^2 - 241,64 \cdot x_i + 241131 + \varepsilon_i \text{ для производства кукурузы на зерно} \\ \hat{y}_i = 0,0281 \cdot x_i^2 - 112,28 \cdot x_i + 112098 + \varepsilon_i \text{ для производства пшеницы} \\ \hat{y}_i = 0,0125 \cdot x_i^2 - 49,604 \cdot x_i + 49465 + \varepsilon_i \text{ для производства ячменя} \\ \hat{y}_i = 0,012 \cdot x_i^2 - 48,029 \cdot x_i + 48024 + \varepsilon_i \text{ для производства ржи} \\ \hat{y}_i = 0,0234 \cdot x_i^2 - 92,728 \cdot x_i + 91701 + \varepsilon_i \text{ для производства риса} \\ \hat{y}_i = -0,0035 \cdot x_i^2 + 14,003 \cdot x_i - 14170 + \varepsilon_i \text{ для производства зернобобовых культур} \\ \hat{y}_i = 0,0052 \cdot x_i^2 - 20,635 \cdot x_i + 20496 + \varepsilon_i \text{ для производства гречихи} \end{array} \right.$$

где \hat{y}_i - производство овса в i -й год, определенное с помощью линейного однопараметрического регрессионного уравнения; x_i - порядковый номер года; ε_i - отклонение ретроспективных значений производства овса и проса от значений производства овса и проса, полученных по уравнению регрессии. Коэффициент детерминации, описывающий качество уравнения, в данном случае составляет 0,7446, 0,7509, 0,5495, 0,191, 0,8891, 0,2426, 0,7243, соответственно.

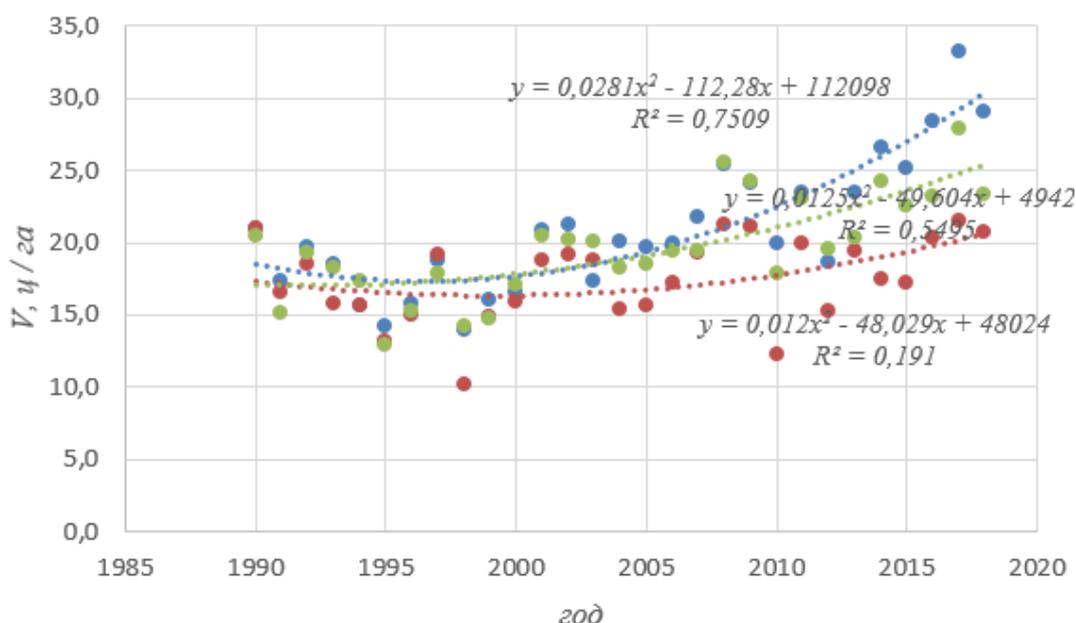

Рисунок 2 - Модели динамического развития производства основных видов продукции сельскохозяйственных культур в Российской Федерации: пшеница ($R^2 = 0,7509$), рожь ($R^2 = 0,191$), ячмень ($R^2 = 0,5495$)

Следующим этапом в исследовании тождественного описания изменения производства основных видов продукции сельскохозяйственных культур за рассматриваемый период является построение прогноза. Как видно из рис. 1-3, рассматриваемые регрессионные модели достаточно хорошо описывают изменение производства основных видов продукции сельскохозяйственных культур на ретроспективном отрезке времени. Коэффициенты детерминации полученных моделей имеют высокие значения, что определяет высокую сходимость наблюдаемых данных и значений, полученных с помощью линейной и полиномиальной моделей. Нами было принято, что прогнозируемый период не должен превышать 1/5 ретроспективного отрезка времени. В соответствии с данным обстоятельством прогноз изменения производства основных видов продукции сельскохозяйственных культур выполнен до 2023 г. Проведенные исследования показали, что в соответствии с прогнозами экономического развития при использовании линейной регрессионной модели происходит увеличение производства овса и проса к 2023 г. и составляет 20,0% по сравнению

с уровнем 2010 г. При использовании полиномиальной модели для прогнозирования производства кукурузы на зерно, пшеницы, ячменя, ржи, риса, зернобобовых культур и гречихи полученные данные свидетельствуют о том, что произойдет увеличение производства этих культур к 2023 г. Это увеличение составит – 40,0% для производства кукурузы, 37,8% для производства пшеницы, 23,8% для производства ячменя, 16,7% для производства ржи, 29,2% для производства риса, 9,4% для производства зернобобовых культур и 11,1% для производства гречихи по сравнению с уровнем 2010 г.

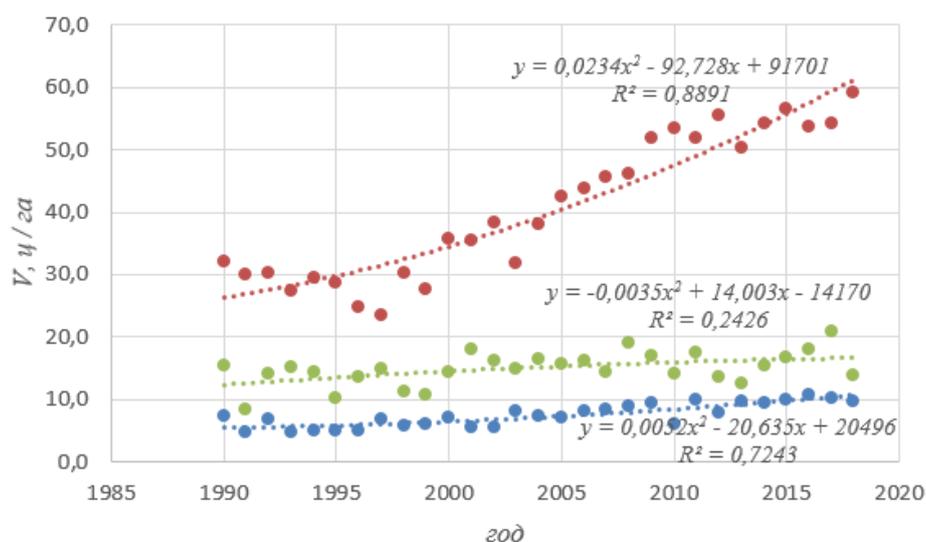

Рисунок 3 - Модели динамического развития производства основных видов продукции сельскохозяйственных культур в Российской Федерации: гречиха ($R^2 = 0,7243$), рис ($R^2 = 0,8891$), зернобобовые культуры ($R^2 = 0,2426$)

Далее мы в своей работе определили факторы, которые предположительно могут оказывать влияние на урожайность сельскохозяйственных культур в Российской Федерации. Полученные в таблице 1 данные отражают тесноту связи между урожайностью различных сельскохозяйственных культур РФ и различными факторами: посевная площадь, внесено минеральных и органических удобрений, а также количеством различной уборочной техники.

Таблица 1 - Значения коэффициентов корреляции для различных сельскохозяйственных культур РФ

сельскохозяйственные культуры (\hat{Y})	X_1	X_2	X_3	X_4	X_5
пшеница	0,68	0,47	-0,04	0,67	0,64
рожь	-0,09	0,45	0,13	0,28	0,26
ячмень	0,53	0,40	-0,08	0,64	0,61
овес	0,58	0,23	-0,21	0,65	0,63
кукуруза	0,85	0,39	-0,07	0,69	0,66
просо	0,46	0,44	-0,17	0,59	0,57
гречиха	0,48	0,30	-0,23	0,78	0,75
рис	-0,03	0,28	-0,29	0,88	0,86
зернобобовые культуры	-0,23	0,08	-0,24	0,49	0,49

где \hat{Y} – урожайность различных сельскохозяйственных культур, ц/га; X_1 – посевная площадь различных сельскохозяйственных культур, тыс. гектар; X_2 – внесение минеральных удобрений, кг; X_3 –

внесение органических удобрений, т; X_4 – количество тракторов, шт.; X_5 – количество зерноуборочных комбайнов, шт.

Из данной таблицы видно, что, например, для данных по урожайности пшеницы, ячменя, проса наблюдается средняя оценка корреляции только между $\hat{Y} - X_1, X_2, X_4, X_5$. Во всех остальных случаях наблюдается слабая корреляция между фактором и откликом ($\hat{Y} - X_3$). Для данных по урожайности риса и зернобобовых культур наблюдается слабая корреляция между фактором и откликом ($\hat{Y} - X_1, X_2, X_3$), в остальных же случаях – средняя оценка корреляции для зернобобовых культур и сильная оценка корреляции для риса ($\hat{Y} - X_4, X_5$). Полученный результат по всем сельскохозяйственным культурам свидетельствует о том, что все качественно выделенные факторы достаточно влияют на результативный параметр, за исключением X_3 .

На основе полученных данных за последние 30 лет были построены регрессионные модели, выявляющие связь между посевной площадью (X_1), внесением минеральных и органических удобрений (X_2, X_3), количеством тракторов и зерноуборочных комбайнов (X_4, X_5) и урожайностью различных сельскохозяйственных культур. На основании оценки тесноты связи между исследуемыми параметрами и рассчитанными значениями уровня значимости и критерия Стьюдента ($p=0,05$; $t_{\text{таб}}=0,045$) можно утверждать, что некоторые коэффициенты оказались незначимыми. Вследствие этого данные факторы нами были исключены из списка зависимых переменных, результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2 - Модели регрессионной зависимости для сельскохозяйственных культур

сельскохозяйственные культуры (\hat{Y})	Вид регрессионной модели	t	R ²	p-level
пшеница	$\hat{Y}=1,95+0,15X_2+0,16X_5$	0,23	0,81	8,2·10 ⁻⁴
		0,97		3,4·10 ⁻³
		0,81		4,2·10 ⁻³
рожь	$\hat{Y}=16,58+0,14X_2$	2,15	0,63	4,4·10 ⁻³
		0,82		4,2·10 ⁻³
ячмень	$\hat{Y}=7,56+0,35X_2+0,07X_4+0,26X_5$	1,05	0,69	3,0·10 ⁻⁴
		1,98		5,9·10 ⁻⁴
		1,29		2,0·10 ⁻³
		1,42		1,6·10 ⁻³
овес	$\hat{Y}=12,79+0,13X_2+0,03X_4+0,14X_5$	1,56	0,73	1,6·10 ⁻³
		1,18		2,5·10 ⁻³
		0,89		3,8·10 ⁻³
		1,03		3,1·10 ⁻³
кукуруза	$\hat{Y}=57,83+0,78X_2+21,36X_3+0,33X_4+0,99X_5$	2,18	0,83	3,0·10 ⁻⁵
		2,45		2,0·10 ⁻²
		2,38		2,5·10 ⁻²
		2,69		1,3·10 ⁻²
		2,43		2,3·10 ⁻²
просо	$\hat{Y}=18,47+0,30X_5$	1,77	0,53	8,1·10 ⁻⁵
		1,96		6,1·10 ⁻³
гречиха	$\hat{Y}=10,18+0,02X_4+0,06X_5$	1,98	0,78	4,8·10 ⁻⁵
		0,76		4,5·10 ⁻³
		0,62		5,3·10 ⁻³

сельскохозяйственные культуры (Ŷ)	Вид регрессионной модели	t	R ²	p-level
рис	$\hat{Y}=42,99+0,02X_4+0,17X_5$	1,56	0,94	1,0·10 ⁻⁶
		0,20		8,3·10 ⁻⁴
		0,68		5,1·10 ⁻³
зернобобовые культуры	$\hat{Y}=14,96+0,03X_4+0,09X_5$	2,00	0,63	6,2·10 ⁻³
		0,47		6,3·10 ⁻³
		0,51		6,1·10 ⁻³

Таким образом, в данной работе нами произведен анализ и построен прогноз динамики изменения производства основных видов продукции сельскохозяйственных культур. Полученные данные свидетельствуют о том, что почти для всех сельскохозяйственных культур полученные модели динамического развития производства основных видов продукции носят полиномиальный характер. Полученные в данной работе данные говорят также о том, что наблюдается линейная связь между рассматриваемыми факторами и урожайностью сельскохозяйственных культур в Российской Федерации. Эти результаты могут быть использованы, для разработки комплекса мер государственного поддержки сельского хозяйства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Салманова И.Р. Разработка целевых прогнозов технологического развития производства основных видов продукции растениеводства в Российской Федерации / И.Р. Салманова // Вестник Ульяновской Государственной Сельскохозяйственной Академии. - 2013. - № 3 (23). - С. 144-147.
2. Goncharenko Ya. Economical and mathematical methods and models in the system of training students of economic majors. - 2011. - № 35. - P. 53–57.
3. Долгов Д.И. Роль методов математической статистики обработки экспериментальных данных в определении уровня конкурентоспособности и конкурентоустойчивости продукции / Д.И. Долгов // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. - 2013. - № 2. - С. 85–91.
4. Куленцан А.Л. Анализ объемов производства продукции растениеводства в различных хозяйствах / А.Л. Куленцан, Н.А. Марчук // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Сельскохозяйственные науки. Экономические науки». - 2020. - Т. 6. - № 1. - С. 92–100. DOI: 10.30914/2411-9687-2020-6-1-92-100.
5. Макарова И.Л. Коэффициент детерминации для нелинейной регрессии / И.Л. Макарова, А.М. Игнатенко // Европейское научное объединение. - 2018. - № 3-3 (37). - С. 161-163.
6. Красильников Д.Е. Алгоритм вычисления коэффициента выборочной детерминации в MS-Excel / Д.Е. Красильников // Труды НГТУ Им. Р.Е. Алексеева. - 2016. - № 3 (114). - С. 20-30.
7. Юхно Л.Ф. О задаче исключения в методе наименьших квадратов для системы линейных алгебраических уравнений / Л.Ф. Юхно // Журнал вычислительной математики и математической физики. - 2019. - Т. 59. - № 10. - С. 1641-1647.
8. Базилевский М.П. Синтез модели множественной линейной регрессии и регрессии Деминга / М.П. Базилевский // Информационные технологии в моделировании и управлении: подходы, методы, решения. - 2019. - С. 67-72.
9. Жигало Д.С. Прогнозирование в бизнесе сезонных данных с использованием модели множественной регрессии / Д.С. Жигало // БГУ. - 2019. - С. 104-107.
10. Стенников В.А. Методы регрессионного анализа в исследованиях теплопотребления в России / В.А. Стенников, Т.В. Добровольская // Вестник Российского Экономического Университета им. Г. В. Плеханова - 2018. - № 2 (98). - С. 142-153.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ОСУЩЕСТВИМОСТИ МЕР ПО УПРАВЛЕНИЮ КАЧЕСТВОМ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Корягина Екатерина Дмитриевна

аспирант,
ФГБОУ ВО РЭУ им. Г.В. Плеханова,
административный менеджер, Московская школа управления Сколково,
г. Москва, Российская Федерация.
E-mail: kattiekor@gmail.com

Аннотация: Предмет. Оценка эффективности и качества управления вузами традиционно базируется на оценке исполнения институциональных положений государства (реализация пунктов Концепции Федеральной целевой программы развития образования на 2016-2020 годы, исполнение Приказов и инструкций Министерства и т.п). Однако очевидно, что становление нового технологического уклада согласно утверждённых Указом Президента РФ национальных целей развития будет сопровождаться интеллектуализацией производства в большинстве отраслей, а образование – базовая отрасль для нового технологического уклада.

Цели. Идеи и инструменты развития высшей школы РФ опосредуются самим дефицитным ресурсом в современном обществе – развитием высших учебных заведений. Повышение качества управления развитием вузов является фундаментом развития общества. Оценка осуществимости предлагаемых мер по совершенствованию управления развитием вуза требует нахождения соответствующих теоретических подходов.

Методология. Принципы и методы анализа предмета базируются на положениях институционально-эволюционного проектирования, а также на понимании значимости индикативного планирования применительно к сфере высшего образования. При этом термин “индикативный” означает, что индикаторы служат ориентиром для негосударственных вузов, но обязательны для всех государственных органов управления с определением соответствующей экономической ответственности. Продуктивным является и использование методов абдукции и аддукции.

Результаты. Четкое различие показателей, параметров, индикаторов, критериев, индексов оценки качества управления развитием вузов как операционных понятий теории управления высшей школой. Предложения по использованию новых индикаторов управления. Обоснованы социальные индикаторы качества управления развитием вузов.

Выводы. Обоснованные теоретические подходы к оценке осуществимости мер по управлению качеством высшего образования позволяют осуществлять индикативное развитие управления в вузах РФ.

Ключевые слова: управление развитием вузов, качество высшего образования, оценка осуществимости мер с целью организационно-управленческого обеспечения развития вузов, индикаторы управления развитием вузов.

JEL: H30; H41; H52

THEORETICAL APPROACHES TO ASSESSING THE FEASIBILITY OF MEASURES TO MANAGE THE QUALITY OF HIGHER EDUCATION

Koryagina Ekaterina Dmitrievna,
postgraduate student of Plekhanov Russian University of Economics,
administrative Manager, Moscow school of management SKOLKOVO,
Moscow, Russian Federation.

Abstract: Thing. Evaluation of the effectiveness and quality of management of universities is traditionally based on the assessment of the implementation of the institutional provisions of the state (implementation of the points of the Concept of the Federal Target Program for the Development of Education for 2016-2020, the execution of Orders and instructions of the Ministry, etc.). However, it is obvious that the formation of a new technological paradigm in accordance with the national development goals approved by the Decree of the President of the Russian Federation will be accompanied by the intellectualization of production in most industries, and education will be the basic industry for the new technological paradigm.

Objectives. The ideas and tools for the development of higher education in the Russian Federation are mediated by the very scarce resource in modern society - the development of higher educational institutions. Improving the quality of management of the development of universities is the foundation of the development of society. Evaluation of the feasibility of the proposed measures to improve the management of the development of the university requires finding appropriate theoretical approaches.

Methodology. The principles and methods of analyzing the subject are based on the provisions of institutional and evolutionary design, as well as on the understanding of the importance of indicative planning in relation to the field of higher education. At the same time, the term "indicative" means that indicators serve as a guideline for non-state universities, but are mandatory for all state governing bodies with the definition of the corresponding economic responsibility. The use of abduction and adduction methods is also productive.

Results. A clear distinction between indicators, parameters, indicators, criteria, indices for assessing the quality of management of the development of universities as operational concepts of the theory of higher education management. Proposals for the use of new management indicators. The social indicators of the quality of management of the development of universities have been substantiated.

Conclusions. Grounded theoretical approaches to assessing the feasibility of measures to manage the quality of higher education allow for indicative development of management in universities of the Russian Federation.

Keywords: management of the development of universities, quality of higher education, assessment of the feasibility of measures for the purpose of organizational and managerial support for the development of universities, indicators of management of the development of universities.

Введение

Завершается год текущий, 2020 год. Заканчиваются временные рамки реализации Концепции Федеральной целевой программы развития образования на 2016-2020годы. Некоторые итоги её пятилетней реализации уже можно и подвести. Несомненно, за истекший период в высшей школе России произошли серьезные изменения. Но перечислять их оставим отчитывающимся о проделанной работе должностным лицам. Нас же больше интересуют наличествующие проблемы, ибо Указ Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» прямо направлен на «раскрытие таланта каждого человека» [19 ,с.2], а это означает некоторую ревизию недостатков в высшей школе и формулирование теоретических подходов к оценке осуществимости ранее заявленных мер по управлению качеством высшего образования в РФ.

Подчеркнем, что в жизни общества помимо экономических потребностей и интересов существуют и иные. Да и собственно экономика не сводится только к тому, будут ли работать хозяйствующие организации. Есть еще и вопросы сознания, образа жизни людей: будут ли они трудиться в производстве благ или будут включены в наркотрафик ? Будут ли люди сидеть за столом, или превратятся в блюдо на столе?

Человеческий потенциал, человеческий капитал, человеческий фактор, человеческая активность, человеческая энергия – вот слагаемые раскрытия таланта того или иного человека.

К сожалению, оценка результатов происходит не сразу. Известно такое свойство образования как эредитарность (последствие). Мы полагаем продуктивным трансляцию этого свойства на процессы управления развитием высшей школы. Это необходимо для того, чтобы те или иные дискуссионные вопросы развития высшей школы не получали таких характеристик, как некомпетентность (инфицируется некоторыми политиками при оценке управленческих отношений и процессов в вузах), бюрократизм, чиновничество и т.п. Конечно же, имеются примеры создания претендентов движения от плохого к худшему (например, подготовка медиков на базе педвузов).

В рамках пока еще не извлеченной занозы возможно рассмотрение попыток ведения разговоров о конкурентоспособности, создании предпринимательских университетов, ибо в РФ отсутствует широкий спектр институциональных моделей, в которых подобные задачи могут быть решены. Да и нужна ли армия, состоящая только из генералов? Причины сложившейся ситуации связаны не только и не столько с недостатками имеющейся практики статистики образования и медленным внедрением

новых направлений и методов государственного статистического наблюдения в этой сфере, сколько с изменениями экономических отношений, которые до настоящего времени не получили должного информационного (в первую очередь статистического) отображения, и формированием рыночных начал, описание и оценка которых требует принципиально иных – комплексных – подходов к сбору и анализу информации.

Формирование системы мониторинга высшей школы предполагает разработку целевых индикаторов и базовых показателей, инструментария сбора полной и достоверной информации – статистической и социологической, его апробацию в пилотном режиме, проведение аналитических исследований, ориентированных на получение комплексных оценок экономического положения сферы образования, необходимых для органов управления образованием и других заинтересованных пользователей.

Формирование системы мониторинга состояния системы высшего образования имеет не только практическую, но и комплексную научную направленность. Проводимые в его рамках исследования, связанные с разработкой качественно нового инструментария статистического и социологического наблюдения, отвечающего современным международным стандартам, отличаются высокой степенью актуальности и новизны.

Самостоятельным направлением работ по формированию теоретических оснований повышения качества сферы высшего образования является разработка системы индикаторов и базовых показателей управления образованием.

Общая часть.

Мы все больше говорим о необходимости повышения качества жизни. Но, как показывает практика, криминальное поведение значительного числа управленцев высшего звена управления формулирует задачу обеспечения конверсии в качество личности, чтобы не получилось, что пошли за шерстью, а вернулись стриженными. Вспомним, что ядро мирохозяйственного уклада (по мнению академика РАН С.Ю. Глазьева) формируется не как глобальное, а как интегральное [5, с.3]. Следовательно одним из теоретических подходов к оценке осуществимости мер по управлению качеством высшего образования, является формирование системы не столько показателей, сколько индикаторов оценки. О показателях и индикаторах в образовании следует особо отметить следующее. Нормативные документы не «разводят» их, а отождествляют (табл. 1).

Мы солидаризируемся с позицией А.Л. Воронцова, согласно которой потребности развития инновационной экономики и связанные с этим изменения на рынке труда вызвали необходимость в реформировании не только системы профессиональной подготовки кадров, но и в реформировании всей российской системы образования. Подчеркнем, что с целью организационно-управленческого обеспечения необходимых изменений были приняты концептуальные документы, такие как «Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013 - 2020 годы» [7], «Федеральная целевая программа развития образования на 2016 - 2020 годы» [17], Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года [16] и др., определившие основные приоритеты в области образования и конкретные направления реформирования. Помимо этого, был принят Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», закрепивший правовые рамки функционирования образовательной системы и явившийся отражением нового взгляда на цель, функции и содержание образования в изменившихся социально-экономических условиях. Но «практически сразу обозначились недостатки как самих программных документов, так и практики их реализации. Во многом это было связано с тем, что данные документы были не во всем между собой согласованы, часто базировались на разных исходных составляющих (поскольку выходили в разное время как попытка скорректировать образовательную политику уже в ходе самой реформы), а главное – имели в своей основе ориентиры, далеко не всегда

продиктованные интересами собственно образования. Последствия подобного реформирования не заставили себя ждать: в отечественной системе образования обозначился целый ряд функциональных проблем, в целом качественный уровень образования снизился.» [4,с. 206].

Возникла необходимость в новых характеристиках операционных понятий, к которым относятся в сфере высшего образования такие, как показатели (экономические), параметры, индикаторы, критерии, индексы. При этом индикатор – это не символ, не абстракция, не принцип (вспомним процесс индикативного планирования).

Таблица 1 - Извлечение из «ПРИЛОЖЕНИЕ №1 к Концепции Федеральной целевой программы развития образования на 2016 – 2020 годы» [Федеральная целевая программа развития образования на 2016 – 2020 годы]

Показатели (индикаторы)	Единица измерения	Базовое значение (2015 год)	2016 год	2017 год	2018 год	2019 год	Конечное значение (2020 год)
Создание и распространение структурных и технологических инноваций в профессиональном образовании, обеспечивающих высокую мобильность современной экономики							
1. Доля образовательных организаций высшего образования, в которых внедрены индивидуальные учебные планы на вариативной основе, в общем количестве образовательных организаций высшего образования Вариативное значение показателя	процентов	4	8	11	19	28	50
		4	8	11	19	28	50
2. Доля образовательных организаций высшего образования, в котором внедрена система мониторинга непрерывного образования и профессионального развития, а также трудоустройства и карьеры выпускников, в общем количестве образовательных организаций высшего образования Вариативное значение показателя	процентов	2	7	20	50	75	100
		2	7	20	50	75	100

Показатели (индикаторы)	Единица измерения	Базовое значение (2015 год)	2016 год	2017 год	2018 год	2019 год	Конечное значение (2020 год)
3. Доля образовательных организаций высшего образования и профессиональных образовательных организаций, в которых реализованы основные требования Болонского и Туринского процессов соответственно, в общем количестве образовательных организаций высшего образования Вариативное значение показателя	процентов	10	18	26	53	79	100
		10	14	19	32	45	55
4. Доля образовательных организаций высшего образования, которые используют в своей деятельности единые оценочные материалы для итоговой аттестации выпускников, в общем количестве образовательных организаций высшего образования Вариативное значение показателя	процентов	2	4	8	15	25	50
		2	3	5	12	19	30

Во введении мы уже упомянули понятие «компетенция» в качестве характеристик, используемой для критики качества управления в высшей школе. Отсюда вывод: Конкретного специалиста подготовить сегодня в вузе нельзя в принципе – специалистом выпускник становится через практику и апробацию экспертного сообщества, тогда как вуз должен оснастить выпускника соответствующими стремлениями, навыками и компетенциями.

Накопление знаний, развитие науки, создание новых технологий и наукоемких производств неизбежно повышают требования к профессиональной квалификации и мобильности каждого работника, все более смещая акцент в сторону развития его духовных способностей и освоения общечеловеческих ценностей, что является непременным условием способности к труду [6]. В связи с этим понятие «профессионализм», под которым традиционно понимается узкая направленность на специализацию, заменяется понятиями «образованность» и «компетентность» [11].

В научной литературе выделяют два направления в определении понятия «компетентность». Первое – официальное – определяет компетентность как юридически закрепленный круг полномочий должностного лица. Второе – неофициальное – как авторитет личности в той или иной области

деятельности.

В теории управления профессиональную компетенцию рассматривают через:

- потенциал эффективности трудовой деятельности (В.П. Пугачев);
- техническую подготовленность работника к выполнению профессиональных функций, связанных со специализацией (Е.В. Бондарева);
- управленческую функцию деятельности менеджмента (В.М. Шепель).

В свою очередь зарубежные аналитики отмечают, что «современные организации более чем когда-либо хотят видеть в своих сотрудниках два качества: (1) способность к быстрому обучению и (2) к творческому мышлению (креативности)» (Т.Н. Роденкова, А.А. Кондратьева. Инвестиционная привлекательность новаций в высшей школе // Экономика образования, 2006, №4. –С. 19-33). Между тем отечественные специалисты в области рекрутинга определяют компетентность как способность к выполнению целостной деятельности, отвечающей критериям эффективности, точности и скорости исполнения.

Смена парадигмы образовательной деятельности (см. табл. 2) вызывает необходимость новой траектории высшего образования, его практикоориентированной и деятельностной направленности. С этой позиции интересна отечественная новация – концепция «культурологического подхода», рассматривающая содержание образования как педагогически адаптированный социальный опыт человечества, тождественный по структуре человеческой культуре, и предлагающая новую модель выпускника вуза [18]. Для ее реализации необходимо:

- 1) отразить человеческую культуру в содержании профессионального образования в виде предметных результатов деятельности человечества;
- 2) ввести в образовательную деятельность развитие субъективных человеческих потенций и способностей, которые не передаются словами, а реализуются в умениях и навыках, в личностных смыслах, мировоззрении каждого;
- 3) использовать компетентностный подход к формированию у обучающихся способностей решать важные практические задачи в процессе самопознания и самовоспитания.

Таблица 2 - Смена парадигм образовательной деятельности

Компоненты парадигм	Индустриальное общество	Постиндустриальное общество
Цели	Обучение для общественного производства Направленность учения на получение и передачу знаний	Обучение для самореализации и личной карьеры Направленность учения на овладение основами культуры и профессиональными компетенциями
Ценности	Получение специальности на всю жизнь	Образованность становится подлинным капиталом и главным ресурсом в неопределенном будущем
Способы реализации	Стабильная структура учебных программ. Традиционные методы обучения	Динамичная структура учебных программ (модули) Инновационные методы обучения

Компоненты парадигм	Индустриальное общество	Постиндустриальное общество
Участники учебного процесса	Ответственность за обучение несет педагог, педагог передает знания, педагог над обучающимися. Учение для обучающихся как обязанность, для педагога – исполнение профессионального долга	Обучающийся разделяет с педагогом ответственность за свое обучение, педагог создает условия для самостоятельного учения, взаимное партнерство
		Обучающих и обучаемых Заинтересованность обучающихся в результатах обучения, а педагогов – в развитии обучающихся
Управление учебным процессом	Иерархический и авторитарный стиль организации учебного процесса. Акцент на аудиторские занятия под руководством педагога	Демократический и эгалитарный стиль организации учебного процесса Акцент на самостоятельную работу и индивидуальную траекторию обучения
Обеспечение	Основное средство обучения – учебник	Учебные книги заменяются информационно-телекоммуникационными ресурсами
Контроль и оценка	Производится педагогом и педагогическим коллективом Основные критерии: набор знаний, усердие и дисциплина	Смещение акцента на самоконтроль и самооценку Основные критерии: общая эрудиция + набор профессиональных компетенций
Отношение к профессиональной деятельности	Трудоустройство строго по специальности	Трудоустройство по уровню развития способностей и профессиональных компетенций

Другими словами, меры подготовки человека – функции (выхолащивание фундаментального базиса наук, сужение спектра знаний, обоснование короткоживущих компетенций в понимании компетенции как самостоятельно реализуемой способности к практической деятельности, к решению жизненных проблем, основанной на приобретенном обучающимся учебном и жизненном опыте, его ценностях и склонностях) не относятся к мерам, позволяющих обеспечить рост качества высшего образования даже в условиях непрерывного образования.

Итак, о терминах, характеризующих и/или объясняющих процессы управления высшей школой. Вначале о показателях. В литературе присутствуют по меньшей мере три направления в понимании сущности экономического показателя. Наиболее общепотребимым (в том числе разработчиками нормативных документов) является отождествление показателей и индикаторов [1].

Другая группа исследователей под показателем понимает инструмент принятия решений, в качестве которого выступает специально конструируемая модель, предназначенная для измерения исследуемых экономических процессов (экономических величій) или описания социально-экономических явлений (меры общественного явления) (табл.2). В целом понятие “экономический

показатель” не имеет однозначного в экономической науке толкования. Мы придерживаемся позиции тех ученых, которые под показателем понимают числа (чаще всего статистические данные), характеризующие ту или иную особенность социально-экономического явления, его количественные характеристики соотношения признаков изучаемых явлений. Более коротко, экономический показатель - это количественное выражение экономических величин, то есть объективно существующих, меняющихся во времени и экономическом пространстве свойств и/или отношений хозяйственных процессов. Такое понимание понятия “экономический показатель” позволяет для оценки осуществимости мер по управлению развитием вузов разделить их на учетно-оценочные и аналитические. Но насколько приемлемы показатели для оценок управления развитием вузов? Если встать на позицию, что результатом развития является рост качества образовательного продукта, которое определяется совокупностью его потребительских свойств, определяемых отношением потребителей к этим свойствам, то становится очевидностью ненаблюдаемости экономических величин, латентность качества образовательного продукта. Вот тогда-то и возникает потребность в индикаторах оценки управления развитием вузов как задачи роста качества образовательного продукта.

Разговор о новых характеристиках образовательного продукта – особый разговор за пределами настоящей публикации. Здесь же мы только фиксируем то обстоятельство, что в силу необходимости формирования этих новых характеристик содержание понятия “индикатор” эволюционирует, так как в нашем случае отсутствует очевидная связь между величиной, вступающей в роли критерия и каким-либо одним наблюдаемым индикатором. Возможно два способа решения этой проблемы: элиминирование такой величины и индикация. Первый способ связан: а) с уточнением определения экономической величины с тем, чтобы ее описание содержало только наблюдаемые свойства объекта, что маловероятно; б) с переформулировкой модели или задачи с целью исключения из них латентных величин; в) с пересмотром теории объекта, в рамках которой определена исследуемая экономическая величина. Второй способ связан с выбором подходящих индикаторов. В этом случае необходимо косвенное измерение критерия на основе его соотнесения с каким-либо (несколькими) индикатором. Проблема создания системы косвенного экономического измерений является одной из центральных в диагностике сложных хозяйственных систем, каковыми в новых условиях (информатизация, интеллект – и наукоемкость, цифровизация и т.п.) и становятся высшие учебные заведения [9;10;12;13]. Этот (второй) способ мы и развиваем далее в тексте настоящей работы.

Возможны два варианта: а) выбор одного индикатора; б) конструирование системы нескольких индикаторов.

В связи с тем, что качество образовательного продукта зависит не только от качества управления развитием вуза мы предлагаем использовать систему индикаторов. А в силу наличия у вуза как сложной хозяйственной системы эмерджентных свойств и многоцелевого характера деятельности набор (систему) несводимых друг к другу индикаторов назовём социальными индикаторами, (опережающими текущие экономические интересы субъектов целеполагания в сфере высшего образования). Такие индикаторы оценки осуществимости мер по управлению качеством высшего образования являют собой форму дифтонгов «да-нет», «дальше-ближе», «теплее-холоднее» и т.п.

Вышеотмеченное позволяет нам сформулировать содержание индикаторов качества управления развитием вузов. Первым может стать индикатор оценки сочетания саморазвития вуза с внешним управлением в их оптимальном сочетании. В основе идентификации этого индикатора лежит системный подход. Использование системного подхода применительно к оценке управления вузом означает оценку управления, которые могут находиться внутри вуза как экономической системы, делая ее самоуправляемой, или находиться вне ее в качестве внешнего, отношению к данной системе, управления [14]. Именно эти механизмы управления возможно относить к числу наиболее фундаментальных и вместе с тем особо острых, и дискуссионных.

Второй индикатор являет собой оценку наследственности и изменчивости вуза как социальной системы. В настоящее время “оптимизация” вузов, создание на базе технических и гуманитарных вузов так называемых региональных опорных вузов, характеризуется весьма сложными социально-трудовыми процессами. И речь не идет о процессах сокращения штатов, изменение системы оплаты труда и т.п. Речь идет об изменении организационной структуры, которая формируется в достаточно длительном временном периоде.

Заметим, что в противоположность изменчивости наследственность в образовательных системах представляет их консервативную сторону. Консерватизм вовсе не следует воспринимать как нечто обязательно негативное, противостоящее развитию. Однако непродуманное изменение общих привычек в общении, в манере инновационных действий и взаимодействий зачастую приводит к конфликтам, осложняющим эффективность, казалось бы, правильных решений. Предложим третий индикатор качества управления развитием вузов. Назовём его индикатором функционирования и развития вуза на основе противоречивого соотношения между детерминизмом и свободой выбора. Содержание этого индикатора составляет рассмотрение формирования и функционирования объединенных областей индивидуальной свободы выбора и ограничений трудового поведения всех субъектов отношений в вузе, исходя из переменных величин, внутри которых эти области свободны выбора строятся. К этим переменным факторам, играющим ключевую роль в формировании пространства для свободы выбора, относятся технологии производства образовательного продукта, система ценностей коллектива вуза, социальные отношения внутри вуза и их структура, а также сложившиеся особенности менталитета и социальных норм в поведении всех субъектов трудовых отношений в вузе, определяющие мотивацию в достижении целей вуза.

И еще необходим индикатор, характеризующий “раскрытие таланта каждого человека” [19,с.2]. Назовём его индикатором реализации человеческой энергии в хозяйственной жизни общества. Этот индикатор в своей сути есть характеристика человеческой активности, использования индивидуального человеческого капитала. Это эредитарность управления развитием вуза.

Полагаем, что предлагаемые индикаторы качества управления развитием вузов могут служить своеобразными индикаторами и оценки эффективности управления развитием вузов. В предлагаемом контексте эффективность будет означать не стремление к оптимизации использования ресурсов для создания образовательного продукта, а к повышению уровня достижения удовлетворения общественных потребностей.

Заключение

Используя метод абдукции можно соотнести качество и эффективность управления развитием вузов как ценности и социальные (в т.ч. экономические) установки. Связь между ними – иерархическая. В теории управления вопрос отделения ценностей от социальных установок, или, говоря другими словами, качества от количества рассматривается функционалистами. Социальные установки в сфере образования выступают в форме норм, а нормы – это то, что определяет и количество образовательного продукта, и способ его производства. Ценности же относятся к желаемому. В управлении развитием вузов отделение ценностей от норм становится принципиальной проблемой [21]. Экономический характер ценностей не учитывается в операциональных конструктах оценки управленческой деятельности. В литературе присутствуют суждения о классификации операциональных конструктов [2;22]. С их учётом мы разработали одну из возможных классификаций, вполне пригодную для понимания оценок соотношения качества эффективности управления развитием вузов (табл.3).

В качестве выводов отметим нижеследующее. Управление вузом и управление развитием вуза сегодня при очевидной гармонии их союза пока представляет собой осязаемый комплекс противоречий [3;9;15]. Этот вывод вытекает не просто из знакомства с публикациями по проблематике управления, но и из нашей практической работы в Сколково. Нельзя не признать, что сегодня в РФ

этот единственный центр подготовки управленцев для высших учебных заведений. Центр, имеющий и плюсы, и минусы, но единственный!

Таблица 3 - Классификация операциональных конструкторов [авторская разработка]

Наименование конструктора	Основные характеристики
Модельные предположения о структуре ценностей	Терминальные и инструментальные ценности: альтернативные нормы ценностей
Способ составления списка индикаторов	Нормативные уложения внешнего управления; адаптация теоретических положений из литературы по управлению; собственное видение лица, принимающего решения
Тип ценностных индикаторов	Ценностные понятия; ценностные детерминанты
Ценности как явная или латентная переменная измерения	Явная переменная; скрытая переменная

Предложенные индикаторы качества управления развитием вузов, во-первых, вполне могут формироваться, а, во-вторых, являются инструментом оценки эффективности управления при понимании развития объекта как усложнения структуры объекта. Использование методов абдукции и аддукции позволяет формировать механизмы управления развитием вузов, направленные на не только решение задач формирования компетентностей и у студентов, и у преподавателей, но и на формирование свободы человека как одного из главных внутренних качеств. И здесь социальные индикаторы можно рассматривать в качестве открытых критериев движения в будущее, а саму высшую школу как “мягкую силу”, которая изменяет мир.

Назовём основные выводы о научной и практической значимости проведенного исследования.

Первый. Доказана возможность и необходимость расширения (модернизации) оценок качества и эффективности управления развитием вузов на основе разработки и использования системы индикаторов.

Второй. Предложено расширение методологической базы исследования управленческих процессов на основе возможностей мышления о сложном и управления сложностью. Адаптировано для анализа осуществления управления развитием вузов использование таких логических методов как абдукция и аддукция.

Третий. Идентифицированы теоретические подходы к оценке осуществимости мер по управлению качеством высшего образования в рамках достижения национальных целей развития Российской Федерации. К ним отнесены: а) пересмотр методологических основ разработки нормативных документов, институционализирующих функционирование вузов; б) обоснование применения социальных (опережающих) индикаторов качества управления развитием высших учебных заведений.

Четвертый. Управление развитием вуза может быть обеспечено за счёт: повышения роли организационного капитала в структуре управления развитием вуза; технотизации воспроизводства управленческих кадров для управления развитием вуза; систематического обновления характеристик образовательного продукта вуза, к которым следует отнести формирование личностных компетенций и общих ценностей участников образовательного процесса как процесса производства образовательного продукта, способствующих гибко и творчески применять усвоенные и осмысленные знания и навыки в решении различных появляющихся новых задач.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агранович М.Л. Индикаторы в управлении образованием: что показывают и куда ведут? / М.Л. Агранович // Вопросы образования, 2008 №1 – С.120-145
2. Адамкулова Ч.У. Формирование механизма организации управления развитием вуза в условиях модернизации сферы высшего образования: теория, методология, практика (на материалах Кыргызской Республики) – автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук-Душанбе: Таджикский государственный университет коммерции, 2018 –44с.
3. Бакушев С. В. Критический взгляд на образовательные парадигмы современной системы образования/ С. В. Бакушев. //Alma mater. 2020. №1 – С.9-14
4. Воронцов А.Л. Концепция модернизации образовательной сферы: характеристика операционных понятий/ А.Л. Воронцов // Известия Юго-Западного государственного университета, 2016 №6(69) –С.206-212.
5. Глазьев С.Ю. Инвестиции в будущее/С.Ю. Глазьев // “Завтра”,2019, №4 –С.3
6. Гордеев В.А. Теоретическая экономия: очередные шаги развития /В.А. Гордеев//Теоретическая экономика, 2020, №2 –С.4-11
7. «Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013 - 2020 годы»
8. Гришина О.А. Концепция устойчивого развития университета/О.А. Гришина, И.И. Скоробогатых, О.В. Сагинова //Вестник Казанского технологического университета. 2014. №1 –С. 4-11
9. Губа К.С. Фиктивная эффективность: что на самом деле оценивал Мониторинг эффективности образовательных организаций/ К.С. Губа, М.М.Соколов, А.О.Цивинская // Вопросы образования 2020. №1 –С.68-77
10. Донсков А.В. Эффективный подход к управлению образовательной организацией в современных социально-экономических условиях/А.В. Донсков, А.И. Кленин //Alma Mater . 2020. №1 –С.91-95
11. Концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2016-2020годы, (УТВЕРЖЕНА распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2014года №2765_
- 12.Косьянов В.А. Совершенствование системы управления университетом в условиях перехода к цифровой инновационной экономике /В.А. Косьянов// Alma Mater . 2020. №1 –С. 8-15
13. Ладыжнец Н.С. Российские университеты: вызовы современности / Н.С. Ладыжнец // Logos et Praxis/ –2017. –Т. 16, № 1. –С. 74-79. –URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskie-universitety-vyzovu-sovremennosti> (дата обращения: 28.06.2019).
14. Расул А.А. Стратегия развития высшего образования в России / А.А. Расул // Вестник Нижегородского государственного инженерно- экономического университета. –2019. – №8(99). – С.105-117. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-razvitiya-vysshego-obrazovaniya-v-rossii> (дата обращения: 11.10.2019).
15. Симонова М.М. Социально-политические детерминанты повышения качества образования в современной России / Симонова М.М., Бутырина С.А., Попова А.В. // Альма матер (Вестник высшей школы), 2020. – № 5. –С.52-57 — <URL:<http://elib.fa.ru/art2020/bv628.pdf>>.
16. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70006124/> (дата обращения: 28.10.2020).
17. «Федеральная целевая программа развития образования на 2016-2020 годы» – URL: <http://static.government.ru/media/files/mlorxfXbbCk.pdf> (дата обращения: 28.10.2020).
18. Управление высшим учебным заведением: [система управления вузов] / Антонов А.В., Архипов А.Ю., Боровская М.А. и др.; под общей редакцией С.Д. Резника и В.М. Филиппова. – 5-е изд., перераб. и доп. –Москва: ИНФРА-М, 2019. –424с.

19. Указ Президента Российской Федерации: «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» № 474 от 21 июля 2020года

20. Указ Президента Российской Федерации: «Об официальном опубликовании Конституции Российской Федерации с внесенными в нее поправками» № 445 от 3 июля 2020 года.

21. Чекмарев В.В. Образование: социальная функция и нематериальное богатство бытия.- М.- Кострома. 2020. – 316с.

22. Эшвин Пол Может ли университетское образование изменить человека? Задачи отображения преобразующей силы высшей школы в сравнительных исследованиях качества образования. // Вопросы образования. 2016. №1 – С.21-35.

HIGH YIELD BONDS: A FINANCING SOLUTION FOR ENERGY PROJECTS

Natalia Sokolova

Dr, Ashurst LLP,
London, United Kingdom.

Alexander Sokolov

Candidate of Engineering Sciences,
Yaroslavl state technical university,
Head of Department
Yaroslavl Russian Federation.
E-mail:sokolovav@ystu.ru

Аннотация: A financing solution for energy projects Traditionally, energy project developers have obtained the majority of financing through their balance sheet or traditional bank debt. However, in response to heightened political and economic instability, energy companies, including traditional sectors such as upstream oil and gas as well as less established renewable energy technologies, have had to consider diversifying their sources of funding. The global financial crisis has resulted in stricter regulations on banks and higher capital requirements, leading to pressure on banks to reduce their loan books, particularly in relation to longer-term liabilities. This has meant, among other things, that energy projects can no longer rely on traditional debt alone for financing, leading to a gradual shift from bank-led financing to non-bank and capital markets-based funding. As a result, more innovative ways of funding, such as high yield bonds, are being considered and implemented. должна структура инновационного потенциала малых научно-исследовательских и инновационных предприятий.

Ключевые слова: High yield, Energy projects, Green finance / green bonds, Project finance, Covenants, EBITDA, EBITDAX.

JEL: M21; O36

Traditionally, energy project developers have obtained the majority of financing through their balance sheet or traditional bank debt. However, in response to heightened political and economic instability, energy companies, including traditional sectors such as upstream oil and gas as well as less established renewable energy technologies, have had to consider diversifying their sources of funding. The global financial crisis has resulted in stricter regulations on banks and higher capital requirements, leading to pressure on banks to reduce their loan books, particularly in relation to longer-term liabilities. This has meant, among other things, that energy projects can no longer rely on traditional debt alone for financing, leading to a gradual shift from bank-led financing to non-bank and capital markets-based funding. As a result, more innovative ways of funding, such as high yield bonds, are being considered and implemented.

What are high yield bonds?

As the name suggests, a high yield bond is a type of corporate bond that offers a higher rate of return because of its higher risk profile. High yield bonds offer an opportunity for institutional investors to participate in energy-related projects through listed, tradable securities that can offer superior risk-adjusted returns due to their access to a deep and liquid market.

High yield bonds are securities that can be issued in public markets or placed privately. Publicly listed bonds tap into a very large investor pool, require regular financial reporting and offer the benefits of daily liquidity, pricing and higher levels of transparency. A private placement is the method of placing debt with a small number of selected, sophisticated investors, which debt may be listed or unlisted. Often, though not exclusively, such investors are non-bank institutions. Most bonds are issued in the public bond market,

although the private placement market also provides an important liquidity source. The attraction of private placement derives from the limited amount of disclosure, flexibility on maturity and greater certainty around execution.

A material distinction between high yield bonds and other forms of traditional energy project financings is that high yield bonds have incurrence (instead of maintenance) covenants. Such «incurrence covenants» control the issuer's ability to incur a non-ordinary course liability, based on a financial ratio, and are only tested when the issuer chooses to incur debt or take other relevant actions. Whereas the more pertinent maintenance covenants used in reserve-based lending (RBL) and other traditional funding require the borrower to maintain certain financial ratios on an ongoing basis. Therefore, energy projects exposed to political or economic volatility would benefit more from high yield incurrence covenants.

When issuing in the international bond markets, companies can choose between the Regulation S disclosure standard, which limits them to investors outside the United States, and the Rule 144A standard, which gives them access to US institutional investors. Complying with the Rule 144A standard is more demanding because of the broad anti-fraud provisions of US securities laws.

New investors

Energy project finance has proved to be an attractive new asset class for alternative investors, such as insurance companies and pension funds, which are facing pressures (for example, under Solvency II and other regulatory regimes) to diversify and ensure the profitability of their portfolios and to match investments to their long-term liabilities, while often subject to a relatively conservative risk appetite. Within the past five years, non-bank investors have significantly increased their commitments and exposure to energy financing, given the long-term nature of the liabilities for many types of institutional investors and their corresponding need for suitable long-term assets, coupled with significant policy support for clean energy. This is particularly true for established renewable energy technologies, where the risks are relatively well understood and government subsidies are encouraging investment. As a result, there have been increases over the last few years – particularly across Europe – in investment from non-bank lenders, in both the public bond markets and private placements, and most large energy businesses are now funded at least in part through corporate bonds (high yield or investment grade, depending on the rating of the issuer).

Historically, high yield bonds have been widely used in the construction, refinancing or expansion financing of large LNG, pipeline and petrochemical projects. However, there is also a growing potential for the high yield capital market to provide further support to the independent oil and gas sector as well as to renewable energy projects.

Independent oil and gas companies are the largest users of RBL facilities. These players typically use RBL structures for development financing and general corporate purposes. However, the cheaper price of public bonds and the covenant-light nature of alternative funding sources is shifting companies towards non-traditional sources of finance and away from the bank markets. Bond markets are increasingly being accessed to finance new development opportunities within the mid-cap exploration and production sector. For example, Hellenic Petroleum, DEA Finance and Seven Energy took out their RBL facilities with senior high yield bonds, while each of Aker, Ithaca and Tullow Oil placed high yield bonds alongside their existing RBL facilities.

More recently, high yield bonds have also been successfully used to finance alternative energy projects. Among examples of the alternative energy projects financed with high yield bonds are multiple iterations of the Abengoa and Areva transactions, which tend to issue high yield bonds typically on an annual basis, as well as the more recent UK examples of Melton (MEIF) and Drax (both of which issued bonds to finance biomass fuel projects).

Financing at various stages of the project

In general, large energy projects can be divided into three phases: the planning phase, the construction phase and the operational phase. The most commonly used types of financings for each of the phases are listed in figure 1.

Planning (pre-development, including exploration in the upstream oil and gas context)	Development/construction	Fully operational project
<ul style="list-style-type: none"> ➤ Project balance sheet ➤ Private equity ➤ IPO ➤ Bank loans ➤ Project finance 	<ul style="list-style-type: none"> ➤ Reserve-based lending ➤ High yield bonds (public or private placement) ➤ Retail bonds ➤ Project finance ➤ Multilateral development banks ➤ Mezzanine finance 	<ul style="list-style-type: none"> ➤ High yield bonds (public or private placement) ➤ Bank loans ➤ Cash flow from operations ➤ Infrastructure funds ➤ Proceeds from divestments

Increased predictability of cash flows and business maturity

Figure 1: Principal sources of energy project funding through the different stages of development

Due to the lack of cash flows to service debt, resulting in negative carry, and high risk of non-completion during the planning stage, high yield bond issuance is not one of the common sources of energy project funding during this stage. It is often observed that the capital markets are unlikely to be available to support development projects with no track record. Instead, bonds have focused on the refinancing of existing indebtedness once a project is operational (and thus generating sufficient revenues), rather than financing prior to project completion. Recently, institutional investors have been seen to take construction risks on properly structured greenfield projects where what is key is (i) meeting the rating agency requirements and (ii) providing appropriate credit enhancement in the structure through, for example, shareholder or parent guarantees, equity backstop or government support. Note for example Abengoa Greenfield Euro- and USD-denominated bonds due 2019. Additionally, ContourGlobal, KCA Deutag, International Power and Puma each had a number of greenfield projects in their portfolios and were contemplating launching several more at the time they issued their senior notes (though each of them already did have a number of revenue-generating assets - either operational or development phase projects - in their portfolios at the time).

Bond financing is making even greater inroads in the construction phase, where there is more certainty around the project completion timeline and predictability of future cash flows. An increasing number of

energy projects are refinanced with high yield bonds during the construction stage, and this is where the new frontier lies for energy related bonds – see for example the Greenko bond transaction highlighted in figure 2.

Historically, however, high yield bonds were most often used during the operational phase of an asset, which is the time period after construction risk has ended and the asset begins to generate positive cash flow and the initial bank loans are being refinanced. With stable underlying cash flows in the operational phase, energy projects are akin to fixed income securities and therefore bond financing is a natural and economically appropriate financing instrument.

Nonetheless, the above dichotomy is somewhat artificial, and capital structures of varying degrees of complexity may make sense to energy companies at different stages of development, based on a number of factors such as the number, types and geographies of projects under development within the portfolio and the interested investor pools. Some of the energy-related financing structures incorporating high yield bonds include the following:

- smaller sized, bond-only deals to fund national power (both conventional and renewable), and other utility and energy infrastructure projects in developing countries;
- a bond tranche inserted or pre-packed into a multisource bank/bond financing structure for major petrochemical projects; and
- bond financings for established sub-investment grade energy corporates to fund expenditures on major assets under development.

Key features of high yield bonds in the context of energy project finance

A side-by-side comparison of the most salient features of a typical high yield bond and the typical terms of project finance is set out in figure 3. Several of these features merit a more detailed discussion, as outlined below.

Economics

High yield bonds are long-term non-amortising instruments typically issued in the form of fixed rate funds (though floating rate notes are also available), which makes financial modelling for the project easier. Longer-tenor bonds ensure financing costs that are fixed for the life of the project, thereby avoiding refinancing risk. The longer interest payment profile and bullet principal payment at maturity have the effect of extending the debt service payments over a longer term, which reduces the size of each payment, making the project more affordable for the issuer in the project finance scenario where predictability of cash flows increases as the business matures.

Recourse to the corporate balance sheet

Instead of bearing the risks of an individual project, high yield corporate bonds bear the risk of the issuing corporate entity. Thus creditworthiness is determined by an issuer's general ability to service the debt, making them less risky than project bonds. Market prices for such issuances are readily available and credit quality of issuances is independently observable by many market participants. High yield bonds may be issued either by the project company or by a separate (usually sister) company (FinanceCo) incorporated to issue the bonds and on-lend the proceeds to the project company.

Public disclosure and reporting

The one feature of high yield bond financing that is typically cited as its disadvantage is the time-consuming and costly regulatory requirements of listing, public disclosure (offering memorandum or prospectus preparation, which means exposure to potential liability for misleading disclosure), ratings, planning and implementation of a road show marketing process and preparation of final transaction documentation and placement. As part of the public disclosure, the provision of two to three years of audited financial statements is usually expected by market participants. However, these features are strongly mitigated

in the private placement context, where the parties can bilaterally agree on the amount of disclosure being provided. Moreover, even in the public bond context, often the issuers do not mind the burden of the additional documentation drafting, disclosure and regular public reporting, especially if the company is considering a subsequent equity raise, an IPO or another debt or equity capital markets transaction as the next step of its growth and capitalization. All that work on public bonds will have laid a strong foundation for such a capital markets transaction, as it will have prepared the framework for future disclosure documentation and will have sensitized the company's management to periodic public reporting.

Cash drawdown

High yield bonds are structured to have one closing upon which the whole amount is drawn down, with no subsequent drawdowns (versus committed funding and drawdowns when required in project finance or a bank revolving credit facility). Without staged drawdown to match capital investment needs, surplus funds received under the bond financing at financial close will need to be held in a bank account or otherwise invested until required. Given the current low interest rate environment, the yield on the bank account will almost certainly be well below the interest rate of the financing, leading to what is known as «negative carry». In contrast, traditional bank loans can be disbursed to the project company according to a predetermined schedule, although banks do charge commitment fees (a percentage of the margin) on available, but undrawn, facilities. The counterbalancing factor is that the bond financing is generally cheaper (due to the depth of the bond market). An «all in funding cost» should be calculated (which will take into consideration the cost of carry on bond proceeds) when determining the most appropriate type of financing. Another factor in the cost calculation is the normally longer maturity of bond financing relative to bank financing, which may increase the equity returns and decrease the risks and costs of refinancing. Note also that there has been some discussion among practitioners of structuring a staged drawdown bond, though we are not aware of any such instruments currently in the market – this is a space to watch.

Redemption

High yield bonds ordinarily carry early redemption costs (non-call periods of up to half of the tenor of the bonds, which means during this period voluntary redemption of the bonds may not be permitted or permitted only with the payment of a «make-whole» amount, which is rather expensive). The make-whole amount is calculated so as to guarantee a certain rate of long-term minimum returns to the investor on the basis of the amount which the prepaid investor would need to invest at a risk-free or low-risk rate (such as the Bund rate or the UK Gilt rate plus a premium) to achieve the same return as the bond, over what would have been the life of the bond. In contrast, project financing carries limited or no prepayment penalties. However, in the context of construction/early stages of operation of an energy project, it is highly unlikely that the project will start generating excess cash and thus drive an early prepayment during the first few years after the financing is put in place. It is worth noting that high yield bonds contain a change of control set at 101 per cent of the principal amount so that, if the project changes ownership, the bonds may be redeemed in whole or in part (which may or may not make economic sense to the investors depending on the price at which the bonds are trading at such time).

Conclusion

While energy projects have traditionally been financed through banks, the implementation of Basel III regulations, requiring stricter monitoring and disclosure, ultimately leading to higher costs and higher capital requirements, has opened the door to high yield bonds as an alternative source of finance. By accessing the institutional bond market, companies are able to reduce their project funding cost. As a result, high yield bond financing is now being used during the construction and operational stages of energy projects, and occasionally even during the planning stage, and we believe this trend will continue.

Green bonds are corporate bonds, project bonds, and sub-sovereign bonds that finance investment in green infrastructure assets such as clean energy. From a financial markets perspective, green bonds are not different from other bonds. However, green bonds are worth a separate mention in this context due to their role in financing clean energy.

Corporates in Western countries and in developing countries alike are looking at green bonds. These offerings add to the supply of bonds available to project developers who previously had to focus on financings from development banks and equity. UN Environment estimates that the number of policy measures to "green" the financial system has more than doubled to over 200 measures across 60 countries. These policies translate into the rapid growth of green finance in the marketplace. Financial centers including London, Hong Kong, Paris and Casablanca have set out plans to seize the green finance opportunity. Climate Bonds Initiative, an international organisation working on mobilising the bond market for climate change solutions, reported that there was a record-breaking issuance of US\$81 billion of climate-aligned bonds in 2016, with the largest number of new issuers and the largest single month of issuance to date. The issuance of the RMB 30 billion (US\$4.3 billion) green bond by Bank of Communications in China in November 2016 is recognized as the largest single green bond issued to date.

Green bond case study: A leading hydro, wind and thermal power Indian green bond offering – late brownfield phase and beyond

Greenko Group is one of the largest clean energy independent power producers in India, with more than 1 GW of projects across hydro, wind and thermal energy. The Group's portfolio includes operational run-of-river hydropower projects and wind projects, as well as two run-of-river hydropower projects that at the time of the initial bond issuance were under construction and near operational. Greenko Investment Company's issuance of US\$500 million of senior notes due 2023 at 4.875 per cent enabled the company to access the international capital markets for a competitive source of financing to address the ongoing need for green energy for India. The high yield notes are guaranteed on a senior basis by Greenko Energy Holdings and represent an innovative structure that addressed the company's financing needs during the construction/early stages of operations of its portfolio assets (which have subsequently been refinanced with an upsized high yield bond issuance)

Ashurst advised the joint bookrunners and lead managers as well as the lead green structuring agent in this transaction, which was India's first high yield green bond issuance (and Asia's largest dollar green bond offering). This transaction won High Yield Deal of the Year by Asian Mena Counsel 2016 and was shortlisted for High Yield Deal of the Year by IFLR Asia Awards 2017. For coverage of our recent work on Greenko bond refinancing, please go to: <https://www.ashurst.com/en/news-and-insights/news-deals-and-awards/ashurst-advises-underwriters-in-asias-largest-dollar-corporate-green-bond-offering/>

Figure 2: Spotlight – green bonds

Green bonds are corporate bonds, project bonds, and sub-sovereign bonds that finance investment in green infrastructure assets such as clean energy. From a financial markets perspective, green bonds are not different from other bonds. However, green bonds are worth a separate mention in this context due to their role in financing clean energy.

Corporates in Western countries and in developing countries alike are looking at green bonds. These offerings add to the supply of bonds available to project developers who previously had to focus on financings from development banks and equity. UN Environment estimates that the number of policy measures to «green» the financial system has more than doubled to over 200 measures across 60 countries. These policies translate into the rapid growth of green finance in the marketplace. Financial centers including London, Hong Kong, Paris and Casablanca have set out plans to seize the green finance opportunity. Climate Bonds Initiative, an international organisation working on mobilising the bond market for climate change solutions,

reported that there was a record-breaking issuance of US\$81 billion of climate-aligned bonds in 2016, with the largest number of new issuers and the largest single month of issuance to date. The issuance of the RMB 30 billion (US\$4.3 billion) green bond by Bank of Communications in China in November 2016 is recognized as the largest single green bond issued to date.

Green bond case study: A leading hydro, wind and thermal power Indian green bond offering – late brownfield phase and beyond

	Public high yield bonds ¹	Project finance
Depth of market	Very deep and liquid. Investors are mutual funds, hedge funds, insurance companies, pension funds, private wealth and sovereign wealth management accounts.	Bank markets continue to provide majority of capital. Infrastructure funds, pension funds and other institutional investors increasingly looking to invest in long-dated infrastructure.
Interest rate	Typically, fixed rate funds (though floating rate notes are also available).	Floating rate (with interest rate hedging).
Documentation	Documentation process longer and more costly – requires OM disclosure and road show ² .	No disclosure requirements.
Size	Borrowing capacity linked to credit strength. Minimum size US\$150m.	Variable dependent on size of project, structuring and risk profile.
Drawdowns	Single drawdown at closing – cost-of-carry considerations.	Multiple drawdowns when required by the project's timetable.
Recourse	Gives rise to a claim against the corporate balance sheet.	None or limited recourse finance projects – limited to the project balance sheet and are more highly structured for credit enhancement.
Maturity	Long-dated capital available (typically matures in 5-10 years).	Maturity of 7 years (mini perm) or 15 years with debt sizing and amortization period linked to asset life. Capital often structured to incentivize refinancing post-construction of projects.
Hedging	Bonds are typically issued in local currencies to minimise potential currency mismatches – no swap required.	Interest rate hedging.
Mandatory prepayments	No mandatory prepayments. No amortization payments. Bullet repayment at maturity.	Traditional loans have amortization payments (with a balloon payment for mini perm structures).
Optional prepayments	Early redemption costs (non-call periods of up to ½ of the tenor of the bonds and thereafter repayable at decreasing premium (e.g. ½ coupon and stepping down to ¼ and par depending on tenor)).	Limited or no prepayment penalties.
Covenants	Lighter covenants: generally a more flexible incurrence covenant package than traditional project finance debt (resulting in less intrusive oversight of project-level decision making).	Maintenance covenants: debt service coverage ratio and loan life coverage ratio testing apply for debt sizing, distribution tests and events of default. Covenants include timelines and milestones.
Amendments	Expensive to amend – requires consent solicitation and payment of consent fee.	Amendments relatively common and straightforward.
Reporting	Public reporting (quarterly + annually) ³ .	Private reporting (monthly or quarterly + annually).
Ratings	Rating required (typically Moody's/S&P) ⁴ .	External ratings not required.

Figure 3: High yield bonds vs project finance – key features and considerations

Greenko Group is one of the largest clean energy independent power producers in India, with more than 1 GW of projects across hydro, wind and thermal energy. The Group's portfolio includes operational run-of-river hydropower projects and wind projects, as well as two run-of-river hydropower projects that at the time of the initial bond issuance were under construction and near operational. Greenko Investment Company's issuance of US\$500 million of senior notes due 2023 at 4.875 per cent enabled the company to access the international capital markets for a competitive source of financing to address the ongoing need for green energy for India. The high yield notes are guaranteed on a senior basis by Greenko Energy Holdings and represent an innovative structure that addressed the company's financing needs during the construction/early stages of operations of its portfolio assets (which have subsequently been refinanced with an upsized high yield bond issuance)

Ashurst advised the joint bookrunners and lead managers as well as the lead green structuring agent in this transaction, which was India's first high yield green bond issuance (and Asia's largest dollar green bond offering). This transaction won High Yield Deal of the Year by Asian Mena Counsel 2016 and was shortlisted for High Yield Deal of the Year by IFLR Asia Awards 2017. For coverage of our recent work on Greenko bond refinancing, please go to: <https://www.ashurst.com/en/news-and-insights/news-deals-and-awards/ashurst-advises-underwriters-in-asias-largest-dollar-corporate-green-bond-offering/>

Oil and gas high yield bonds – features and terms unique to the industry

The oil and gas industry presents an array of perhaps the most geographically diverse issuers, with probably the highest percentage of emerging markets issuers (typically from the Middle East, North Africa, Nigeria and the CIS). Because of the variety of jurisdictions involved, the terms of the bonds tend to vary quite a bit as well, and certain very bespoke terms can be found in this market. Nevertheless, some trends emerge. As a general matter, the issuers tend to have higher EBITDA(X) and Total Assets than issuers in other industries, and tend to be less levered (the long-term oil price dip notwithstanding). Despite that, the covenants in the oil and gas deals are generally more conservative than average, probably due to the oil price volatility and geopolitical risks faced by some of the issuers.

Some recent representative oil and gas high yield deals include Corral Petroleum Holdings AB (Preem AB) €570 million 11.75 per cent/13.250 per cent senior PIK toggle notes and SEK 500 million 12.255 per cent/13.750 per cent senior PIK toggle notes (Sweden); DEA Finance SA €400 million 7.5 per cent senior notes (Germany); KCA Deutag UK Finance plc US\$535 million 9.875 per cent senior secured notes (Scotland) and Motor Oil (Hellas) €350 million 3.250 per cent senior notes (Greece).

A few peculiarities of the oil and gas high yield deals to highlight:

- The use of EBITDAX as a metric of performance: Earnings Before Interest, Taxes, Depreciation, Amortizations and Exploration Expenses – this is a variant of EBITDA commonly used in the oil and gas industry to measure performance.

- Grower baskets: These tend to be based on a percentage of Total Assets. While grower baskets based on a percentage of EBITDA are generally considered more issuer-friendly, for this industry baskets based on a percentage of Total Assets make more sense because these issuers tend to be asset-heavy and the value of the assets tends to be rather stable, while their EBITDA depends heavily on the oil prices, which may be volatile.

- Maturity, non-call periods: The oil and gas issuers tend to be fairly disciplined in this respect, with the average tenor for the bonds hovering around five years, and the non-call period at around half of the tenor.

- Portability: While this concept is making a comeback in 2017 in the European high yield space, it is yet to make much headway in this industry. Leverage-based portability is unheard of, though several of the larger public issues do have the ratings decline trigger in the definition of «Change of Control».

- Ratio debt test: The standard test for incurrence of ratio debt in the high yield bonds is 2x FCCR. In this area, the oil and gas issuers tend to be subject to a more conservative 2.25x FCCR test (and an additional senior secured leverage ratio test, if such ratio debt is to be secured).

- Contribution debt: There is still no contribution debt basket in the majority of oil and gas deals (though it is making an appearance in the most recent deals), while this basket has become almost the norm in some other sectors.
- Sponsor management fees: There is no addback and no restricted payment carve-out for sponsor management fees (primarily a reflection of a small number of private equity sponsor-backed deals in this sector).
- Sector-specific permitted investments: Often uncapped business investments (JVs) in oil and gas businesses are permitted, as well as investments in community development projects and economic development activities.

РАСЧЕТ МУЛЬТИПЛИКАТОРА ИНВЕСТИЦИЙ ДЛЯ СУБЪЕКТОВ ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА: ПРОДОЛЖЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Шкиотов Сергей Владимирович

кандидат экономических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет»,
кафедра «Экономика и управление»,
г. Ярославль, Российская Федерация.
E-mail: shkiotov@yandex.ru

Маркин Максим Игоревич

старший преподаватель,
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет»,
кафедра «Экономика и управление»,
г. Ярославль, Российская Федерация.
E-mail: markinmi@yandex.ru

Аннотация: На основе данных, представленных Росстатом, с помощью методов экономико-математического моделирования в работе верифицируется гипотеза о наличии прямой статистически значимой связи между динамикой ВРП и темпами роста инвестиций в основной капитал. Исследование проводится в два этапа: на первом этапе устанавливается наличие (отсутствие) корреляции между динамикой ВРП для субъектов ЮФО и величиной инвестиций в основной капитал; на втором этапе рассчитывается величина инвестиционного мультипликатора для отдельных субъектов ЮФО. Результатом проведенного исследования стало подтверждение выдвинутой в работе гипотезы (по 6 из 8 исследуемых регионов).

Ключевые слова: инвестиции в основной капитал, корреляционный анализ, ВРП, региональная экономика, мультипликатор

JEL: R53, R11, C12

CALCULATION OF THE INVESTMENT MULTIPLIER FOR THE SOUTHERN FEDERAL DISTRICT: CONTINUED STUDY

Shkyotov Sergey Vladimirovich
candidate of economic sciences,
associate professor of the Department of Economics and Management of the Yaroslavl State Technical University,
Yaroslavl, Russian Federation

Markin Maksim Igorevich
Senior Lecturer of the Department of Economics and Management of the Yaroslavl State Technical University,
Yaroslavl, Russian Federation

Abstract: Based on the data provided by Rosstat, using methods of economic and mathematical modeling, the article verifies the hypothesis that there is a direct statistically significant relationship between the dynamics of GRP and the growth rate of investments in fixed assets. The study is carried out in two stages: at the first stage, the presence (absence) of a correlation between the dynamics of GRP for the subjects of the Southern Federal District and the amount of investment in fixed assets is established; at the second stage, the value of the investment multiplier is calculated for individual subjects of the Southern Federal District. The result of the study was the confirmation of the hypothesis put forward in the work (6 out of 8 studied regions)

Keywords: investments in fixed assets, correlation analysis, GRP, regional economy, multiplier.

Введение

В работе Степановой Е.О. [5] указывается, что на динамику ВРП оказывает влияние множество факторов, одним из которых является величина инвестиции в основной капитал: рост инвестиций в основной капитал приводит к увеличению ВРП, а динамика ВРП, в свою очередь, оказывает влияние на потоки инвестиций на региональном уровне. Как указывает автор, проблема заключается в том, что официальная статистика зачастую запаздывает, отражая данные по динамике ВРП со значительными лагами. Более того, мультипликатор и акселератор инвестиций находится вне сферы интересов официальной статистики [5].

Цель данной статьи – оценить влияние инвестиций на динамику ВРП на примере субъектов ЮФО для выработки научно-обоснованного подхода к разработке программ социально-экономического развития регионов в средне- и долгосрочном временном интервале.

Данное исследование, с одной стороны, является логическим продолжением работ авторов, посвященных анализу региональной экономики и инвестиционной активности в субъектах РФ [3,4], а с другой – продолжением исследования Степановой Е.О. [5] на примере другого макрорегиона российской экономики.

Методологическая база исследования

Гипотеза исследования: между динамикой ВРП и темпами роста инвестиций в основной капитал должна существовать прямая (статистически значимая) связь [5].

Ход исследования: определив изменение уровня ВРП для субъектов ЮФО в долгосрочном временном интервале, наложив их на динамику инвестиций в основной капитал, можно, таким образом, установить наличие (отсутствие) корреляции между исследуемыми показателями. На втором этапе исследования рассчитаем величину инвестиционного мультипликатора для отдельных субъектов ЮФО.

1. Период исследования – 10 лет, долгосрочный.

2. Исследуемые показатели:

- ВРП субъектов ЮФО, в млн руб.;
- инвестиции в основной капитал в субъектах ЮФО, в млн. руб.

3. Выборка регионов: 8 субъектов ЮФО.

4. Методы исследования: для проверки выдвинутой гипотезы используется корреляционный анализ (при проведении данного исследования для проверки значимости коэффициента корреляции был установлен уровень значимости в 10%).

5. Для проведения корреляционного анализа в исследовании использовался программный продукт «R-Studio».

Необходимо сделать ряд методологических оговорок: связь между изменениями объема ВВП и инвестиций определяется предельной склонностью к инвестированию. Произведенный ВВП в конечном итоге распадается на потребление и инвестирование:

$$Y = C + I \quad (1)$$

Тогда прирост ВВП тоже можно расписать как сумму приростов:

$$\Delta Y = \Delta C + \Delta I \quad (2)$$

Предельная склонность к потреблению есть некий коэффициент эластичности, который показывает, как соотносятся друг с другом прирост потребления и прирост ВВП. Через предельную склонность к потреблению можно и определить важнейший показатель кейнсианской теории – мультипликатор инвестиций [1, с.170].

Таким образом, если описать зависимость ВРП от инвестиций с помощью непрерывно-дифференцируемой функции, то мультипликатор может быть определен как производная этой функции $\frac{\partial Y}{\partial I}$. Следует учитывать, что, согласно кейнсианской теории, он будет заведомо больше

1, потому, собственно, и называется мультипликатором [1, с.171]. Эмпирическая проверка этого утверждения представляет определенный интерес для исследователя, именно поэтому целью данной работы и является определение мультипликатора на базе статистических данных по инвестициям в основной капитал и ВРП.

Данные для проведения корреляционного анализа – динамика ВРП для субъектов ЮФО, 2010-18 гг. (в млн руб.) и динамика инвестиций в основной капитал, 2010-19 гг. (в млн руб.) взяты из статистического сборника Федеральной службы государственной статистики «Регионы России. Социально-экономические показатели - 2020 г.», а также сайта Федеральной службы государственной статистики за соответствующие годы (см. табл. 1-2). [2]

Таблица 1 – Динамика ВРП в субъектах ЮФО, 2010-18 гг. [2]

Валовой региональный продукт, млн руб.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Республика Адыгея	47194,5	56803,3	65300,4	70862,3	75622,5	84306,0	90384,1	99495,6	108417,6
Республика Калмыкия	24404,1	29318,7	35897,8	41165,9	46680,6	51958,5	61403,4	71358,4	73692,2
Республика Крым	-	-	-	-	189439,2	265970,6	327739,3	346100,4	391299,0
Краснодарский край	1028308,4	1244652,8	1459490,8	1662969,1	1784833,5	1933512,1	2076603,8	2227575,6	2344620,7
Астраханская область	144888,8	172616,6	209654,4	273917,1	296319,3	322303,0	346779,4	420601,7	553395,7
Волгоградская область	659667,4	765967,2	843560,3	917689,1	1007758,8	1189144,0	1283748,1	1352321,9	1446226,6
Ростовская область	659667,4	765967,2	843560,3	917689,1	1007758,8	1189144,0	1283748,1	1352321,9	1446226,6
г. Севастополь	-	-	-	-	30148,6	48663,3	65863,7	72789,6	79254,6

Таблица 2 – Динамика инвестиций в основной капитал в субъектах ЮФО, 2010-19 гг. [2]

Инвестиции в основной капитал, млн руб.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Республика Адыгея	47194,5	56803,3	65300,4	70862,3	75622,5	84306,0	90384,1	99495,6	108417,6	47194,5
Республика Калмыкия	24404,1	29318,7	35897,8	41165,9	46680,6	51958,5	61403,4	71358,4	73692,2	24404,1
Республика Крым	-	-	-	-	189439,2	265970,6	327739,3	346100,4	391299,0	189439,2
Краснодарский край	1028308,4	1244652,8	1459490,8	1662969,1	1784833,5	1933512,1	2076603,8	2227575,6	2344620,7	1028308,4
Астраханская область	144888,8	172616,6	209654,4	273917,1	296319,3	322303,0	346779,4	420601,7	553395,7	144888,8
Волгоградская область	433473,7	508433,3	571516,1	607472,2	715409,6	740458,0	746794,8	772624,2	852028,6	433473,7
Ростовская область	659667,4	765967,2	843560,3	917689,1	1007758,8	1189144,0	1283748,1	1352321,9	1446226,6	659667,4
г. Севастополь	-	-	-	-	30148,6	48663,3	65863,7	72789,6	79254,6	30148,6

Основная часть

С помощью корреляционного анализа определим существует ли статистически значимая связь

между динамикой инвестиций в основной капитал и величиной ВРП в рамках субъектов ЮФО. Визуальный анализ данных представлен на рисунках 1-4.

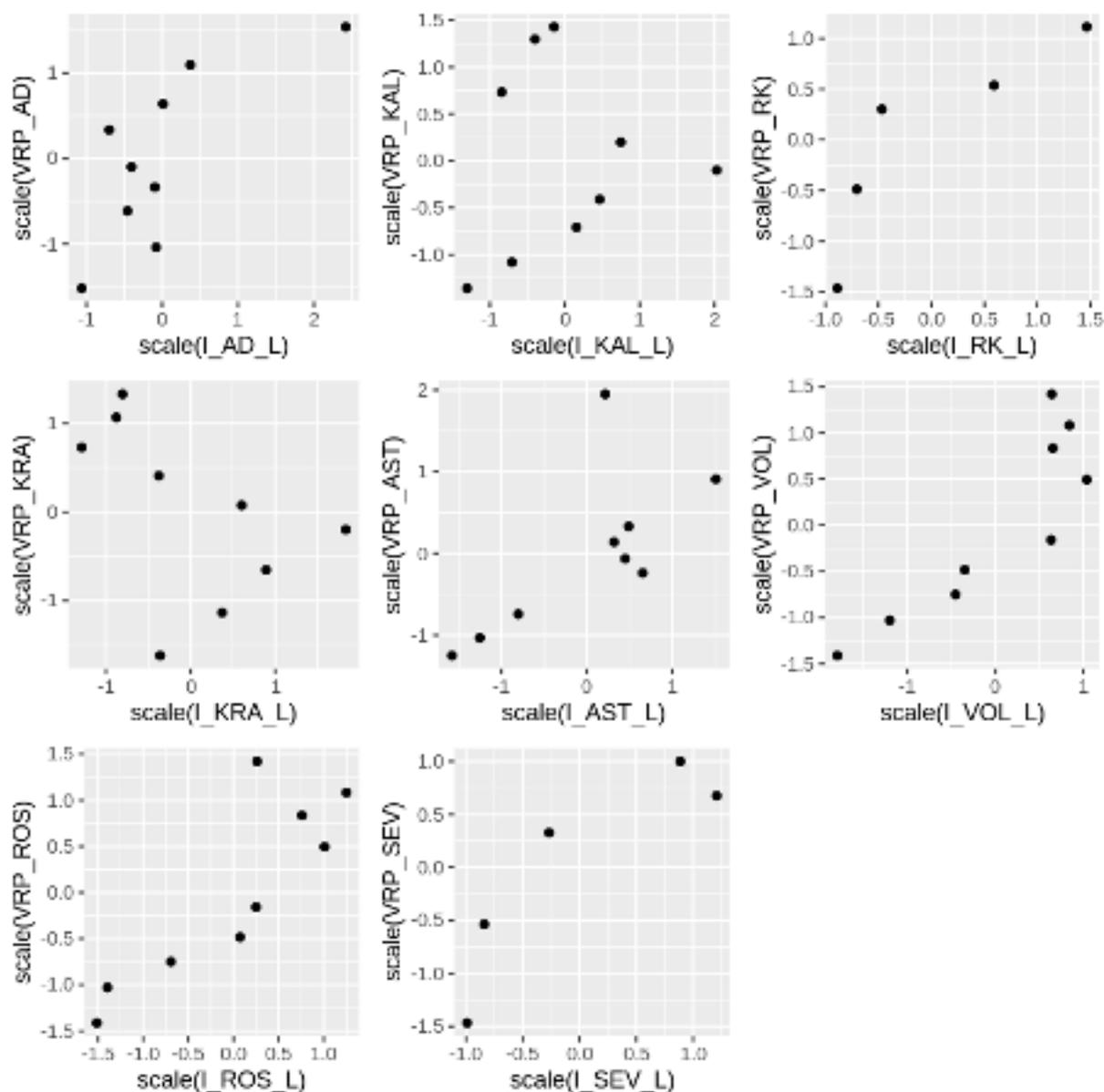

Рисунок 1 – Диаграмма рассеивания между темпами роста инвестиций в основной капитал и величиной ВРП в рамках ЮФО, 2010-18 гг. (без лага)¹

Источник: построено авторами

¹ scale (VRP_AD) – ВРП Республики Адыгея; scale (VRP_KAL) - ВРП Республики Калмыкия; scale (VRP_RK) - ВРП Республики Крым; scale (VRP_KRA) - ВРП Краснодарского края; scale (VRP_AST) - ВРП Астраханской области; scale (VRP_VOL) - ВРП Волгоградской области; scale (VRP_ROS) - ВРП Ростовской области; scale (VRP_SEV) - ВРП г. Севастополь. scale (I_AD_L) – инвестиции в основной капитал в Республике Адыгея; scale (I_KAL_L) - инвестиции в основной капитал в Республике Калмыкия; scale (I_RK_L) - инвестиции в основной капитал в Республике Крым; scale (I_KRA_L) - инвестиции в основной капитал в Краснодарском крае; scale (I_AST_L) - инвестиции в основной капитал в Астраханской области; scale (I_VOL_L) - инвестиции в основной капитал в Волгоградской области; scale (I_ROS_L) - инвестиции в основной капитал в Ростовской области; scale (I_SEV_L) - инвестиции в основной капитал в г. Севастополь

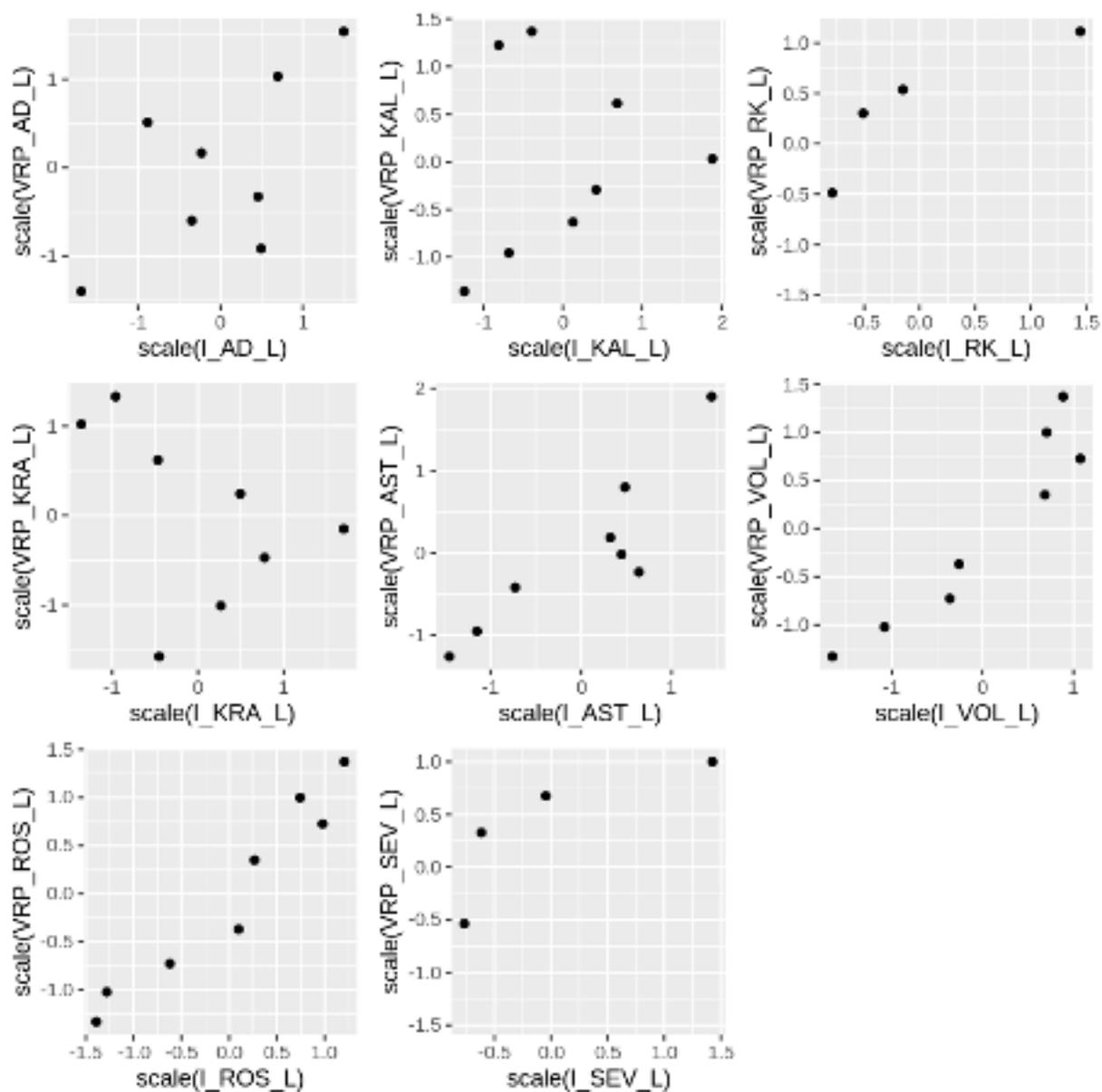

Рисунок 2 – Диаграмма рассеивания между темпами роста инвестиций в основной капитал и величиной ВРП в рамках ЮФО, 2010-18 гг. (с лагом в 1 год)

Источник: построено авторами

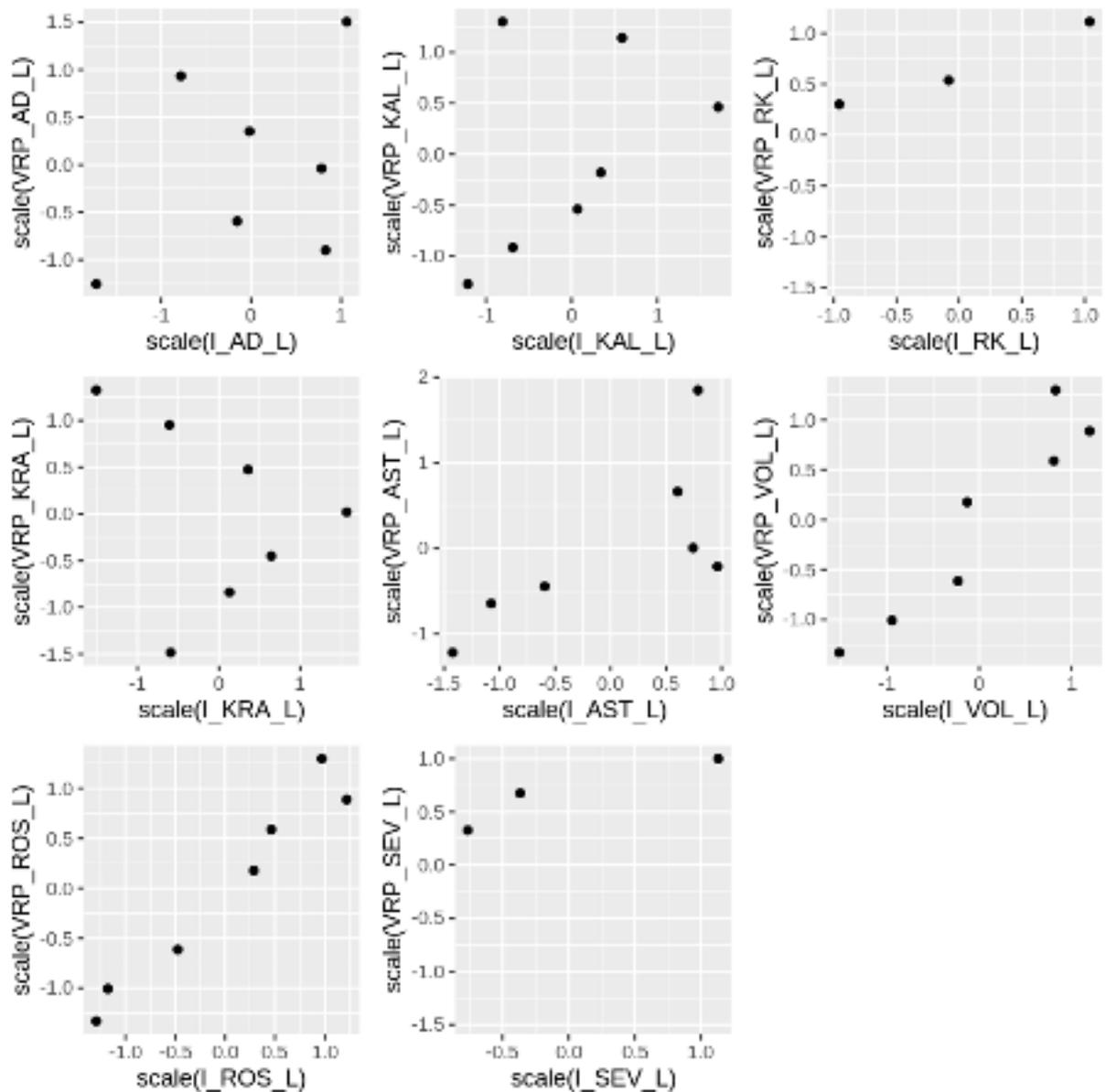

Рисунок 3 – Диаграмма рассеивания между темпами роста инвестиций в основной капитал и величиной ВРП в рамках ЮФО, 2010-18 гг. (с лагом в 2 года)

Источник: построено авторами

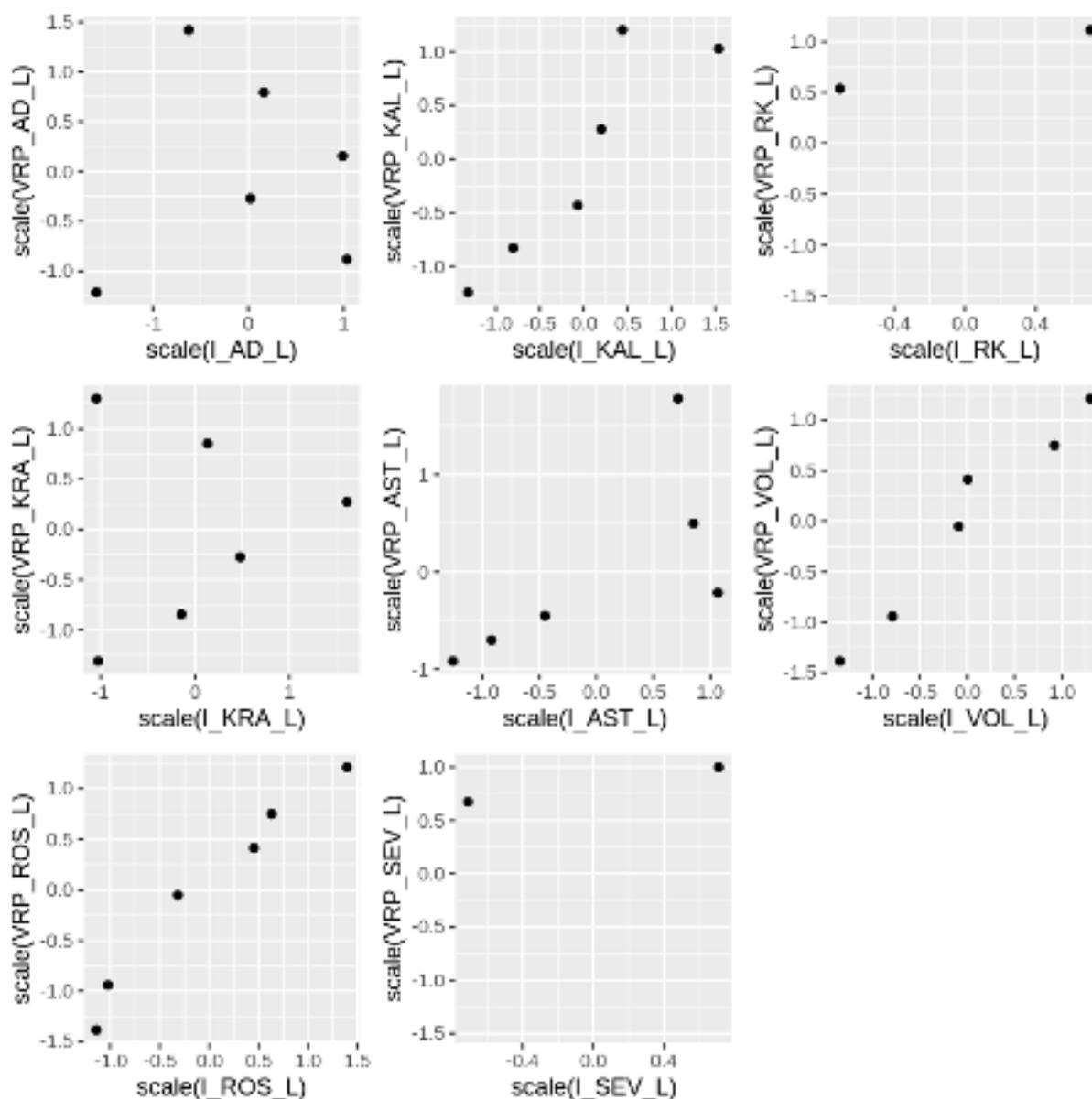

Рисунок 4 – Диаграмма рассеивания между темпами роста инвестиций в основной капитал и величиной ВРП в рамках ЮФО, 2010-18 гг. (с лагом в 3 года)

Источник: построено авторами

Результаты исследования

Результаты проведенного корреляционного анализа сведем в таблицу 3.

Таблица 3 – Результаты корреляционного анализа

Субъекты ЮФО	Корреляция без лага	Корреляция с лагом в 1 год	Корреляция с лагом в 2 года	Корреляция с лагом в 3 года
Республика Адыгея	0.745262	0.644045**	0.3894444*	0.08272155*
Республика Калмыкия	0.1054611*	0.1553026 *	0.4156752*	0.9012654
Республика Крым	0.862929	0.8853421*	0.9861438*	NA

Субъекты ЮФО	Корреляция без лага	Корреляция с лагом в 1 год	Корреляция с лагом в 2 года	Корреляция с лагом в 3 года
Краснодарский край	-0.4801807*	-0.4302247*	-0.315438*	0.1058671*
Астраханская область	0.7095953	0.8945485	0.7243384**	0.6941795*
Волгоградская область	0.8810031	0.9419997	0.9465557	0.9770408
Ростовская область	0.8585481	0.9667465	0.9754796	0.981447
г. Севастополь	0.8789806	0.8084301*	0.9414973*	NA

* не значим на любом уровне значимости

** значим на уровне значимости 10%

Источник: построено авторами

На втором этапе исследования найдем модель вида $Y = f(I)$. Для решения этой задачи применим стандартный метод определения линии регрессии. Исходными данными для заявленных расчетов послужила официальная информация Росстата об инвестициях в основной капитал и ВРП субъектов ЮФО за 2010-2018 гг. Для расчетов был применен стандартный метод построения линии тренда и определения уравнения регрессии с использованием возможностей Microsoft Excel. Для того чтобы получить мультипликаторы по отдельным регионам, проведена операция дифференцирования каждой полученной функции [1, с.171]. Полученные данные представлены в таблице 4.

Таблица 4 – Мультипликатор инвестиций в субъектах ЮФО

Субъекты ЮФО	Уравнение регрессии	Мультипликатор
Республика Адыгея	$Y=3.13 \cdot I+1.7861e+04$	3.13
Республика Калмыкия	$Y=2.19 \cdot I+2.665e+04$	2.19
Республика Крым	$Y=5.89 \cdot I+2.285e+05$	5.89
Краснодарский край	Не значимо уравнение	
Астраханская область	$Y=3.61 \cdot I-4.815e+04$	3.61
Волгоградская область	$Y=5.32 \cdot I+2.912e+05$	5.32
Ростовская область	$Y=3.73 \cdot I+2.650e+05$	3.73
г. Севастополь	$Y=8.33 \cdot I+3.920e+04$	8.33

Источник: построено авторами

Обсуждение результатов исследования

1. Данные таблицы 3 показывают, что в 6 из 8 субъектов ЮФО наблюдается (статистически значимая) прямая связь между величиной инвестиций в основной капитал и ВРП. В двух субъектах ЮФО (Республика Калмыкия, Краснодарский край) эта связь статистически незначима. Введение в расчет фактора времени (лаг в 1, 2 и 3 года) показал, что гипотеза исследования сохраняется только для двух субъектов ЮФО – Волгоградской и Ростовской области.

2. Данные таблицы 4 показывают, что для Краснодарского края расчет мультипликатора инвестиций затруднен. Среди регионов ЮФО наименьший мультипликатор инвестиций имеет Республика Калмыкия (2.19), а наибольший – Республика Крым (5.89) и г. Севастополь (8.33) (действие эффекта низкой базы).

3. К результатам проведенного анализа необходимо относиться осторожно в силу определенных

ограничений модели, которые связаны с недостаточностью выборки для проведения анализа, экзогенными шоками (антироссийские санкции, кризис 2009 г., 2014 г.), использованием номинальных, а не реальных показателей. С другой стороны, на основе полученных данных можно прогнозировать, как отразится прирост инвестиций текущего периода в регионе на величину ВРП последующих периодов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рашидов О.И., Рашидова И.А., Шатохин М.В. Анализ взаимосвязи инвестиций и ВРП по областям Центрального Черноземья // Экономические науки. - 2010. - №62. - С. 169-174.
2. Федеральная служба государственной статистики. Регионы России. Социально-экономические показатели - 2020 г. URL: http://gks.ru/bgd/regl/b20_14p/Main.htm
3. Шкиотов С.В., Маркин М.И., Смирнова А.А. Верификация взаимосвязи между величиной инвестиций в основной капитал и инвестиционным потенциалом региона // Теоретическая экономика. 2020. №3. С.36-46.
4. Шкиотов С.В., Маркин М.И. Взаимосвязь инвестиционного климата регионов и величины инвестиций в основной капитал // Теоретическая экономика. 2020. №10. С.56-63.
5. Степанова Е.О. Расчет мультипликатора инвестиций для субъектов Центрального федерального округа // Вестник АГУ, сер. «Экономика». Выпуск 4 (250). 2019. С.53-59. URL: <http://vestnik.adygnet.ru/files/2019.4/6172/53-59.pdf>

НЕОКОЛОНИАЛИЗМ XXI ВЕКА: ГЛОБАЛИЗМ И МИР-СИСТЕМНОСТЬ

Сироткина Анастасия Ильинична

Соискатель,
ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»,
г. Москва, Российская Федерация.
E-mail: sir_n@bk.ru

Альпидовская Марина Леонидовна

доктор экономических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»,
г. Москва, Российская Федерация.
E-mail: morskaya67@bk.ru

Аннотация: В данной статье исследуется взаимосвязь между категориями «глобализация» и «неоколониализм», проводится анализ изменения структуры и сущности неоколониализма в XXI веке, для которого решающее значение стала принимать область нематериального. Проведённый обстоятельный анализ экономической динамики развития стран развитого и периферийного капитализма позволил определить положение России в рассматриваемой системе. На основе проведённого анализа сделан вывод о периферийном (колониальном) положении России в капиталистической (неоимпериалистической) экономической системе и необходимости выработки стратегии для изменения данного положения.

Ключевые слова: колониализм, неоколониализм, межгосударственные отношения, колония, метрополия.
JEL: B22, F54

NEOCOLONIALISM OF THE XXI CENTURY: GLOBALISM AND THE WORLD-SYSTEM

RSirotkina Anastasia Ilinichna
Aspirant, Financial University under the Government of the Russian Federation, Department of economic theory
of economic theory
Moscow, Russian Federation

Alpidovskaya Marina Leonidovna
Doctor of Economic Sciences, professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Department
of economic theory
Moscow, Russian Federation

Abstract: This article examples the relationship between the categories «globalization» and «neo-colonialism», the article analyzes the changes in the structure and essence of neo-colonialism in the XXI century, for which the field of the intangible has become crucial. A though analysis of the economic dynamics of the developed and peripheral capitalist countries allowed us to determine the position of Russia in the system under consideration. Based on the analysis, it is concluded that Russia's peripheral (colonial) position in the capitalist (neo-imperialist) economic system and the need to develop a strategy to change this situation.

Keywords: colonialism; imperialism; neocolonialism; colony; metropolis; global class society..

Трансформация колониальной системы планетарного масштаба, произошедшая в середине XX века, привела, тем не менее, к номинальной независимости всех стран. Фактически колониализм продолжает существовать и активно прогрессировать. Подтверждением данному тезису является сохранение основных экономических признаков неоколониализма у современной мир-системы¹, среди

1 Мир-системный анализ – подход к исследованию социальной эволюции систем обществ, охватывающих не только одну цивилизацию, но и системы, состоящие из более, чем одной цивилизации, а также все цивилизации мира. Подход был разработан в 1970-е годы. Наиболее известная версия разработана И. Валлерстайном («Анализ мировых систем и ситуация в современном мире», «Миросистемный анализ: введение»).

которых: концентрация производства и капитала, и, как следствие, создание монополий, срастание промышленного и банковского капиталов, формирование финансовой олигархии, эскалация темпов вывоза капитала, возникновение международных монополистических объединений владельцев капитала, завершение процесса разделения крупнейшими странами развитого капитализма территорий Земли на зоны влияния, что, в соответствии с ленинским законом неравномерности экономического и политического развития капиталистических стран в период империализма [13], позволяет империалистическим государствам сохранять своё экономическое и политическое господство, задерживая рост номинально независимых неокolonий.

Современный неокolonизм изменился, приобретя глобальный характер [1]. Он развивается в условиях отмирания института национального государства, эрозии государственного суверенитета и становления разнообразных негосударственных (корпораций-государств, возникающих на базе крупных ТНК) [2, с. 76-79] и надгосударственных структур [3, с. 19-37], а также других образований, таких, как цивилизации, регионы-государства, сетевые структуры и империи, срачивающихся либо подчиняющих себе органы государственной власти, что влечёт за собой возникновение риска перехода ресурсов национальных государств, в том числе населения и территорий, под управление указанных структур, обладающих мощными экономическими, политическими, а иногда и военными² ресурсами.

Свидетельством тому является деятельность стран большого Запада в Ираке, Ливии, Югославии, представляющие собой фактическую реколониацию. Современная форма колониализма – неокolonизм – не утратила своей сути, которая заключается в сегрегации народов на [3, с. 19-37] привилегированные и непривилегированные. Подтверждением тому является сохранение феномена рабства в XXI веке не только в развивающихся странах, таких, как Таиланд, Мавритания, Бразилия, Индия и Пакистан, но и во всём мире, включая Францию, США и Россию. Современное рабство трансформировалось, приобретя такие черты как уклонение от оформления права собственности, низкая стоимость, высокий уровень прибыли, избыток потенциальных рабов, краткосрочность отношений, заменяемость рабов, снижение роли этнических различий, но при этом не изменило своей сути [4].

Провокационные эпизоды в виде иракской Абу-Грейб, а также критическое отношение западных сообществ к потерям в собственных вооружённых силах, приобретшее постоянный характер в после 1968 года, привели к формированию структуры политических ограничений в области применения насилия для неоимпериалистических завоеваний XXI века [5, с. 281].

Кроме того, следует отметить наличие чрезвычайно высоких материальных издержек, связанных с логистическим размахом и транспортным перенапряжением, невероятно возросших в эпоху новейших военных технологий [5, с. 281]. В сумме военно-политические компании последних лет вследствие их сверхвысокой стоимости оказались обречёнными на провал, что привело к тому, что традиционная система эксплуатации колоний с использованием жёстких практик принуждения стала экономически и политически невыгодной и была замещена более современной.

Трансформация колониализма, преподносившаяся в качестве крушения колониальной системы, реализовывалась деликатными методами. В условиях глобальной мир-системы трансформирующегося колониализма решающее значение в лишении колоний суверенитета стала принимать «мягкая сила», сутью которой является стратегическое формирование устойчивого положительного международного восприятия определённой страны, организации, человека, культуры, образа жизни и т.д. По сути, «мягкая сила» это та же пропаганда, или то, что военными силами США было названо «манипуляцией сознанием» [20, с. 225-226]. К «мягкой силе» следует отнести институт национальных менторов [6], ликвидировавших апартеид, но сохранивших неизменной его социально-экономическую основу. Национальные менторы иначе именуется как

² Academy (Blackwater, Xe Services LLC) – американская частная военная компания, основанная в 1997 году. Основные прибыли получает от участия в военных конфликтах, заказчиками которого являются как правительства, так и частные лица, нефтедобывающие и страховые компании.

агенты влияния. Собственно, в такой терминологии данный институт был исследован на примере отечественной истории конца XX века В. С. Широным [7] и Д. Хоффманом [8]. Национальные менторы зачастую являются бывшими «агентами», пришедшими к власти с помощью метрополий и их спецслужб, но могут и не являться «агентами», при этом реализуя волю метрополий, примером чего может послужить предоставление Муаммаром Каддафи территории Ливии для проведения спецслужбами США допросов и пыток подозреваемых в пособничестве терроризму [9]. Национальными менторами в разное время являлись Мануэль Норьега, Саддам Хусейн, Нельсон Мандела, Хамид Карзай, Михаил Саакашвили. Арсенал «мягкой силы» также включает в себя признанных советников и экспертов международного уровня, глобальные средства массовой информации и телекоммуникации, общие установки и нормы, а также образцы поведения, которые усваиваются юными представителями «субэлит», в качестве необходимой части усилий по обретению престижных дипломов университетов стран развитого капитализма [5, с. 280-281], в дополнение можно указать насильственное становление коррупции и явный прямой подкуп политических элит, сопровождаемые разжиганием и использованием внутренних конфликтов для смены власти в пользу подконтрольных лидеров [10], а также различные экономические и финансовые рычаги воздействия (кабальное кредитование, использование так называемой гуманитарной помощи). В итоге состояние национальных экономик номинально независимых стран оказалось несколько хуже, чем при власти колониальных режимов метрополий, что позволило им скрыть следы своего отрицательного влияния, что иллюстрируют данные рисунка 1 в соответствии с данными из таблицы 1.

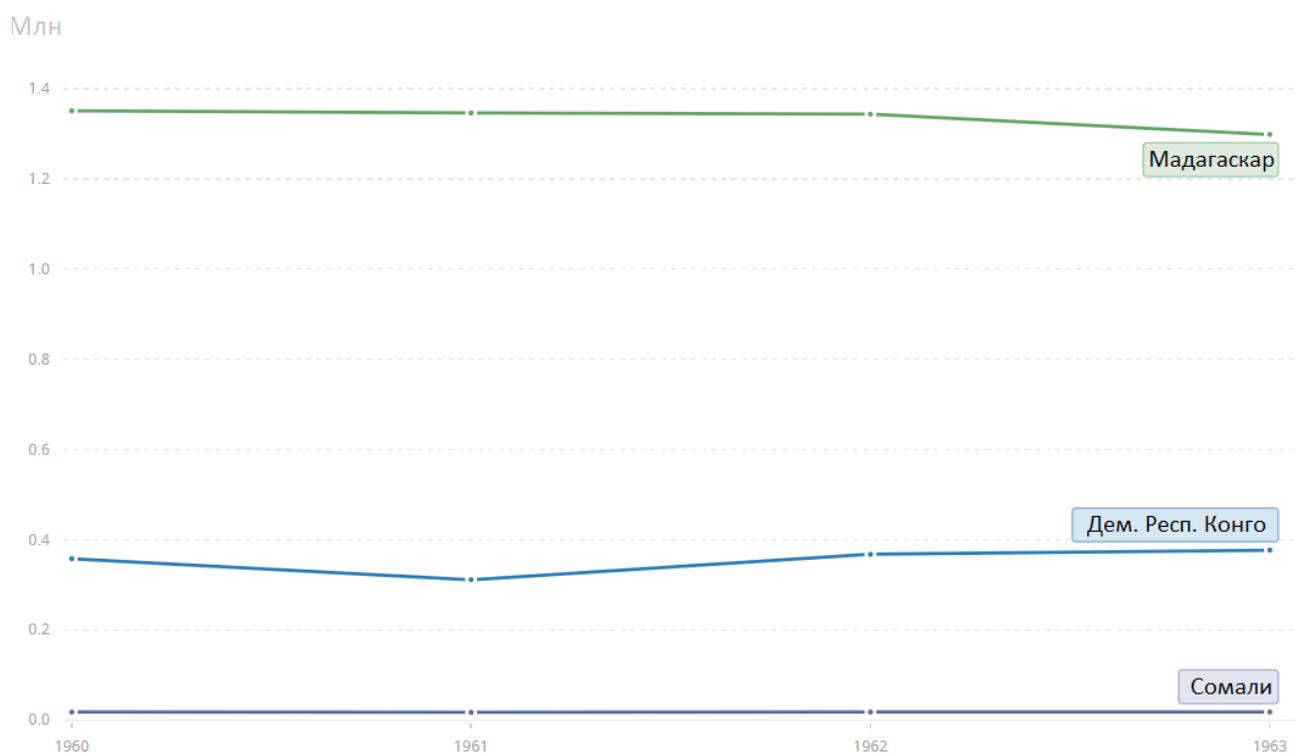

Рисунок 1 - ВВП в постоянных единицах национальной валюты деколонизированных стран – Демократическая Республика Конго, Мадагаскар, Сомали [составлено авторами по данным worldbank.org]

Современное территориально-временное пространство, охватывающее различные политические и социо-экономические единицы, является единым организмом, совокупная деятельность которого подчинена общим системным правилам (мир-система). Таким образом, исследование неокOLONIALИЗМА возможно исключительно в рамках взаимодействия экономической

системы неокOLONИализма со всей мир-системой.

Таблица 1 – ВВП в постоянных единицах национальной валюты деколонизированных стран [составлено авторами на основании данных worldbank.org]

Страна	Освобождение от колониальной зависимости, год	ВВП в постоянных единицах национальной валюты, млн.	
		1960 г.	1961 г.
Мадагаскар	1960	1350897,531	1345795,668
Демократическая Республика Конго	1960	357743,568	310980,861
Сомали	1960	17745,388	16811,838

Неоколониализм как социально-экономическая система является совокупностью элементов, связанных социально-экономическими отношениями и находящихся в связях друг с другом, которая образует определённую целостность, единство. Иными словами, неоколониализм есть целостная социально-экономическая структура, образованная множеством неокolonий (стран периферийного капитализма) и неометрополий (стран развитого капитализма), объединённых единством социально-экономических отношений, складывающихся относительно производства, распределения, обмена и потребления экономических благ и развивающаяся в экономических интересах метрополий. В качестве социально-экономической системы неоколониализм, как и колониализм, является составной частью современной капиталистической системы. Схематически экономическая система неоколониализма, встроенная в мир-систему, представлена на рисунке 2.

Рисунок 2 – Экономическая система неоколониализма в мировой системе хозяйствования [составлено авторами]

Развитие неоколониализма как социально-экономической системы протекает в острой конфронтации двух тенденций: разъединительной – центробежной -вырастающей на почве развития и разрешения межимпериалистических противоречий насильственным путём, и объединительной – центростремительной – ведущей к относительному сглаживанию этих противоречий, которые можно разделить на следующие группы: экономические, политические, военные, культурные, прочие,

ключевой из которых являются экономические, ведь как отдельные монополии разных стран, так и каждая капиталистическая держава (или их объединение) преследуют реализацию собственных целей, в ходе которой происходит непрерывное политическое и экономическое противоборство [11, с. 349]. Но вместе с тем все они – звенья единой мировой системы неокOLONиализма.

Современный (с 1990-х гг.) – пятый – этап развития ТНК обладает отличительной особенностью – формированием и становлением новых децентрализованных сетевых структур универсальной англо-американской модели с углубляющимися торгово-экономическими, финансово-валютными, научно-техническими и производственными связями между отдельными ТНК, возникающими как в традиционных корпоративных рамках, а именно, трансформации ТНК в объединения, основанные на системе холдингов, которые являются более гибкими и менее централизованными за счёт отсутствия чётких границ между ними, а также отраслевой специализации, так и вне их, то есть путём организации «международных альянсовых сетей» и «мягких мегаструктур», что позволяет совместно реализовывать общие экономические интересы отдельных ТНК на глобальном уровне, усиливая пирамидальное построение глобальной экономической и, как следствие, политической власти [12].

Объективным основанием дезинтеграционной тенденции в современной социально-экономической системе капитализма в целом, и системе неокOLONиализма в частности, является ленинский закон неравномерности социально-экономического и политического развития капиталистических стран, проявляющийся в быстрых темпах развития одних стран и медленных (или даже упадочных) – других [13]. Основным принципом данного положения является индивидуалистическая экономическая политика государства развитых стран Запада, стремящихся к поддержанию и увеличению высокого социального уровня жизни своего населения за счёт низкооплачиваемой рабочей силы, материальных и сырьевых ресурсов периферийных стран. Хаотичная, неупорядоченная структура капиталистической социально-экономической системы в сочетании с постоянно нарастающими осложнениями и противоречиями, а также эскалацией противостояния между Западом и Китаем, а также исламским миром ставят под вопрос универсалистские претензии Запада на общемировую гегемонию [14, с. 2-8].

Объединительной же тенденцией является глобализация мирового капиталистического хозяйства и обмена, углубляемая научно-технической революцией и всё более целеустремлённой экспансией транснационального капитала в сферу международных экономических отношений.

Отношения между неокOLONиями и неометрополиями осуществляются посредством лишения неокOLONий суверенитета при помощи многочисленных пересекающихся сетей формальных властных отношений, а именно:

- военного (нагнетание гонки вооружений, вооружённые провокации, несовместимые с интересами народов и политикой разрядки) захвата,

- экономического захвата,

- политического захвата,

а также сетей неформальных социально-экономических отношений, таких, как сети:

- культурного (идеологического) захвата,

- захвата путём реализации запрещённых потоков (оружия, наркотиков, людей, минеральных ресурсов),

для получения неометрополиями максимально возможного прибавочного продукта.

Социально-экономические отношения между неокOLONиями и неометрополиями схематически представлены на рисунке 3.

Н.А. Трофимчук и М.П. Свищев в своём труде [15] при рассмотрении влияния деятельности зарубежных центров и миссий на процессы, происходившие в 1980-1990-е годы в СССР и современной России, отмечают, что стандартной трактовкой термина «экспансия» в геополитике

является преимущественно приобретение территорий и сфер военно-политического влияния, а также деятельность по их приобретению. Подобный род экспансии существует и в XXI веке, при этом он приобрёл информационное, культурно-цивилизационное, религиозное, политическое и в особенности экономическое измерения, при этом экономическое измерение приобрело ключевое значение в современной экспансии» [15, с. 22].

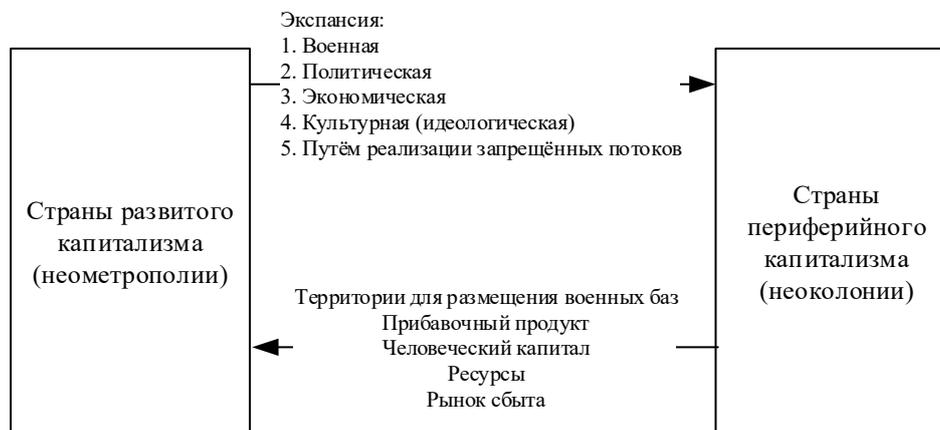

Рисунок 3 – Социально-экономические отношения между неоколонирами и неометрополиями [составлено авторами]

Военная экспансия является классическим проявлением неоколониального принуждения зависимых территорий метрополиями. Она представляет собой военную помощь подвластному правительству, военное присутствие, а также навязывание военных услуг по защите.

Одним из ярких примеров военной экспансии является африканский континент, в частности Кот-д'Ивуар, где в экономических интересах метрополии были использованы трайбалистские³ столкновения, обеспечившие победу фаворита неометрополии. Как отмечает В.Р. Филлипов в своей статье «Колониализм: второе пришествие» [10], сырьевая база бывшей французской колонии до сих пор полностью контролируется метрополией, а «через Кот-д'Ивуар Франция осуществляет контроль над всем регионом: под сильным французским влиянием находятся Буркина-Фасо, Того, Гвинея, в некоторой мере Сенегал».

Таким образом, присутствие иностранных государств на территории Африки не только сохранилось, но, по мнению Шведского Агентства оборонных исследований [16], выросло. На 2019 год оно было представлено 12 неафриканскими государствами: США, Великобритания, Испания, Франция, Германия, Италия, Россия, Япония, Китай, Индия, ОАЭ, Турция, в основе стратегических интересов которых лежат: защита экономических интересов, конкуренция за влияние, демонстрация военной силы и поддержание исторических связей. В частности, по данным доклада Шведского Агентства оборонных исследований, в Африке находится 33 американских военных базы и объекта и 16 военных баз и объектов, принадлежащих Франции [17].

Защита экономических интересов метрополий проявляется не только в строительстве и содержании военных баз на территории развивающихся стран, но и на продолжающую набирать обороты после окончания «холодной войны» развитие ВПК и не только. Так, США после одностороннего выхода из договора с Россией по противоракетной обороне начало полномасштабное строительство военных баз на территории Евразии («Бонд Стил» в Косово, «Манас» в Киргизии, а также военных баз в Венгрии, Боснии, Албании, Афганистане) [18, с. 334-335].

Навязывание колониям услуг по защите национальных границ и стабильности социально-экономических систем происходит в рамках борьбы с терроризмом или распространением наркотиков. В качестве примера навязывания подобных услуг можно представить Западную Африку, которую охватила волна терроризма, в особенности это относится к области Сахель (север Буркина-

Фасо), где число зарегистрированных насильственных событий, связанных с активностью боевиков местной исламской группировки удваивается каждый год с 2016 года (с 90 в 2016 году до 194 в 2017 году и 465 в 2018 году) [19]. Франция и США являются странами с наибольшим количеством военных объектов в Западной Африке. Президент Франции Э. Макрон установил прямую связь между угрозами в Мали и Африке и последствиями для безопасности Франции. В постколониальный период Франция сохранила ряд военных баз для обучения, снаряжения и вмешательства. После постепенного сокращения постоянного военного присутствия в Африке в конце 1990-х и начале 2000-х годов Франция восстановила свое присутствие в 2013 году, начав военную операцию против оккупации северной части Мали насильственными экстремистскими группировками.

Подобные операции распространяются не только на африканский континент, в частности, американские агентства используют предоставленное США финансирование для борьбы с наркотиками на поддержание американских или поддерживаемых Америкой противоповстанческих операций в Колумбии, Мексике, Перу [20, с. 121].

С военной экспансией тесно коррелирует и политическая экспансия, представляющая собой расширение сферы влияния могущественных стран за пределы своих собственных территорий. Это распространяется на наиболее могущественные страны, имеющие большое влияние на политической арене и играющие ключевые роли в формировании глобальных экономических моделей (по сути, метрополии).

Ярким примером политической экспансии является США, являвшиеся бесспорным гегемоном и единственной сверхдержавой после распада СССР. В качестве иллюстрации политической экспансии США можно привести следующее:

1. военное присутствие в регионе ОАГ⁴ приводит к отказу от национальных вооружённых сил (в 1957 году от своей армии отказалась Республика Гаити, 1990 году - Панама);

2. с 1992 года в устав ОАГ добавлена поправка, позволяющая вмешиваться в дела страны, где произошёл «недемократический» переворот. Параметры вмешательства достаточно размыты. Так, в 1994-1995-х годах под эгидой ОАГ осуществлена так называемая «позитивная интервенция» на Гаити;

3. переориентация систем национальной безопасности стран региона под новые угрозы: поддержанию внутренней политической стабильности за счёт переориентации на полицейские функции (борьба с терроризмом, наркотрафиком, криминалом, повстанческими движениями под радикальными или националистически ориентированными лозунгами);

4. под предлогом «либерализации» и «общих ценностей» США во взаимоотношениях со странами Латинской Америки отдают предпочтение не международному праву, а своему внутреннему национальному законодательству (в 1992 году Верховный Суд США разрешил агентам своих спецслужб арестовывать и доставлять к себе с территорий иностранных государств тех, кто осуждён судами США) [21].

Также особо следует отметить Великобританию, чью королеву официально признают в качестве главы государства 15 независимых государств (Королевств Содружества): Ямайка, Тувалу, Соломоновы острова, Сент-Люсия, Сент-Китс и Невис, Сент-Винсент и Гренадины, Папуа Новая Гвинея, Новая Зеландия, Канада, Гренада, Белиз, Барбадос, Багамские острова, Антигуа и Барбуда, Австралия.

Неоколониализм представляет собой политику подчинения и дальнейшей эксплуатации богатыми (развитыми) северными странами бедных (развивающихся) южных стран в ходе глобального противоречия «глобального Севера» и «глобального Юга», основанного на неравенстве в уровнях развития и использовании преимущественно экономических и финансовых средств для сохранения этого неравенства. В качестве примеров таких средств могут послужить: навязывание

4 Организация Американских Государств (ОАГ) – международная региональная организация, объединяющая 34 государства Северной и Южной Америки (кроме Кубы). Является главной политической, юридической и социальной силой в полушарии. Организация использует четыре направления для эффективного осуществления своей основной цели, исходя из её основных принципов: демократии, прав человека, безопасности и развития. Главный офис расположен в городе Вашингтон

своей валюты (доллар США), занижение валютных курсов денежных единиц развивающихся стран, неэквивалентный обмен, накопление валютных резервов (беспроцентное и бессрочное кредитование развивающимися странами развитых стран) [22, с. 155].

В свою очередь, экономическая экспансия представляет собой прямую внешнюю угрозу экономической безопасности национальных государств, состоящую в обеспечении такого состояния национальной экономики, при котором обеспечивается «удовлетворение жизненно важных потребностей страны и материальных благ независимо от возникновения в мировой экономической системе или внутри страны форс-мажорных обстоятельств социально-экономического, политического, или экологического характера» [23, с. 88]. Иными словами, экономическая экспансия обеспечивается за счёт повышения степени зависимости национальной экономики государства от доминирующей экономики (или доминирующей в экономическом, военном или политическом отношении группы стран), обострения внутриполитической, социально-экономической и экологической ситуации до превышения предела, грозящего утратой национального суверенитета, существенного ослабления экономической мощи, значительного снижения уровня и качества жизни нации либо срыва достижения глобальных стратегических целей страны [23, с. 88].

Экономическая экспансия характеризуется социально-экономическими отношениями между неоколониями и неометрополиями, возникающими в процессе производства, распределения, обмена и потребления благ, в которых неокolonии производят, а неометрополии распределяют, получая максимальный прибавочный продукт, и потребляют. Сохранение подобного неравноправного партнёрства возможно вследствие сохранившейся исторической традиции (инертного поведения бывших колоний, получивших номинальную свободу), подкрепляемой политическим и военным ресурсами неометрополий.

Поскольку производство возможно исключительно при наличии экономических ресурсов – факторов производства – земли, труда, капитала, к которым в последние десятилетия причисляют также предпринимательские способности, технологии и информацию, отсутствие каких-либо факторов производства в условиях набирающей темпы специализации национальных экономик приводит к необходимости поиска различных компромиссов в отношениях с более могущественными партнёрами, прибегающими к экономической экспансии.

Экономическая экспансия сочетает в себе расширение своего влияния на слаборазвитые национальные государства, ведение борьбы в потенциальными конкурентами за счёт различных видов таможенного законодательства (защитительных и поощрительных пошлин, мер налогового характера, количественных ограничений, запрета импорта, государственного субсидирования и кредитования экспорта, государственно-монополистического регулирования международной миграции капиталов, валютных курсов, товарного и валютного демпинга) и развитие неоимпериалистического партнёрства, являющегося вынужденной мерой по смягчению последствий кризисов глобального характера за счёт ухудшения экономик стран-колоний.

Социально-экономические отношения транснациональных компаний (монополий) и национальных государств в начале XXI века имеют следующие особенности:

1. Низведение роли национальных государств с уровня мегасубъекта (в соответствии с классификацией уровневое представление субъектов совместно-групповой деятельности [24, с. 78]) геополитической и геоэкономической деятельности на уровень макросубъекта или даже мезосубъекта;

2. Тенденция к замене национального государства денационализированной и десоциализированной корпорацией-государством, то есть негосударственной (или даже антигосударственной) структурой, к которым также относятся транснациональные криминальные структуры [25], что подтверждается сменой роли транснациональных корпораций с хозяйствующего субъекта на субъект политики [26, с. 198];

3. Создание монополий осуществляется при помощи активного содействия со стороны государства [22, с. 37];

4. Институт государства перестал даже формально выполнять большую часть своих функций, вытекающих из антимонопольного законодательства [22, с. 38];

5. Изменение в соотношении отдельных форм монополий (появление концернов / холдингов мирового масштаба, то есть «многоэтажных» холдинговых «пирамид», в рамках которых контролируются активы, измеряемые триллионами долларов» [22, с. 38-39];

6. Интенсивный период «экономической и финансовой глобализации» (примерно 80-е годы XX века – мировой финансовый кризис 2007-2009 годов) значительно повысил уровень интернационализации многих монополистических объединений, что характеризует нынешнюю стадию капитализма как эпоху транснациональных монополий [27].

7. Монополии метрополий (таких, как США и Великобритания) скрывают тот факт, что имеют многоплановую (финансовую, информационную, политическую, военную) поддержку своих государств. Опираясь на все возможные ресурсы, предоставленные им государствами, они устанавливают контроль над сферами приложения капитала, мировыми рынками и источниками сырья, что фактически приводит к ослаблению и фактическому демонтажу государственных аппаратов стран периферии мирового капитализма. Иллюстрацией данного тезиса может послужить соглашение о Транстихоокеанском партнёрстве (ТТП), которое было подписано в Атланте осенью 2015 года США и ещё 11-ю государствами Транстихоокеанского региона. Данным соглашением предусматривалась возможность для крупных международных монополий, приходящих в страны региона, оспаривать через суды законы принимающих стран на основании ухудшения их «конкурентоспособности». Фактически государства, которые подписали данное соглашение, теряют свой суверенитет, оказываясь под контролем крупного зарубежного капитала [22, с. 37-38].

Стоит отметить, что механизм сдерживания технического прогресса неокolonиями монополиями сохранился в неизменном виде за последнее столетие [22, с. 31], изменениям подверглись исключительно методы, связанные с новейшими достижениями в области науки и техники, к которым можно отнести закрытый код программного обеспечения, отсутствие в открытом доступе исчерпывающей технической документации для эксплуатации приобретаемого оборудования или программных средств, отсутствие технической возможности поиска и обнаружения неокolonиями и их структурообразующими предприятиями программно-аппаратных закладок или недеklarированных возможностей в продуктах (преимущественно - высокотехнологичных), приобретаемых неокolonиями у ТНК, монополий или неометрополий.

В рамках экономической экспансии неометрополии предоставляют неокolonиям современное оборудование, кредиты (таблица 2) и квалифицированных сотрудников. Недостающие факторы производства предоставляются неокolonиям наднациональными структурами (Парижский клуб кредиторов, Всемирный банк, Международный валютный фонд), центральными банками неометрополий (ФРС), транснациональными банками (Лондонский клуб кредиторов, Bank of America, Deutsche Bank, Bank of Tokyo-Mitsubishi, UBS, Citigroup), транснациональными корпорациями (Exxon Mobil, General Electric, ICBC, CCB, JP Morgan Chase), что интернационализирует финансовый капитал и приводит к усилению космополитизма финансовой олигархии [22, с. 83].

Крупный капитал в условиях глобализации получил путь ухода из-под законодательных норм национальных государств.

Отток капитала и увеличение давления на налоговые системы национальных государств колоний приводят их правительства к необходимости выбора из трёх вариантов: эмиссия денег, займы (внешние или внутренние) и репрессии при помощи полицейского насилия или медленного экономического удушения. В свою очередь выбор каждого из перечисленных вариантов влечёт за собой возникновение новых вызовов и принятие сложных решений. В частности, репрессии,

в краткосрочной перспективе действующие быстро и эффективно относительно ограничения возможностей инакомыслящих к высказыванию своих позиций, в долгосрочной перспективе требуют значительных материальных затрат, обеспечивающих лояльность как аппарата репрессий, так и одобряющих репрессии, верящих в их правомочность и необходимость. В дальнейшем возникает противоречие между необходимостью материальных затрат и отсутствием ресурсов для их осуществления, в связи с перенаправлением большей части финансовых потоков национальных государств финансовой олигархии [5, с. 285].

Таблица 2 – Договорённости МВФ, утверждённые в рамках Счёта общих ресурсов в 2019 финансовом году [Годовой отчет МВФ 2019 [28]]

Государство-член	Вид договорённости	Дата вступления в силу	Утверждённая сумма, млн. СДР
Новые договорённости			
Колумбия	Гибкая кредитная линия на 24 месяца	25.05.2018	7 848,00
Аргентина	Договоренность о кредите «стэнд-бай» на 36 месяцев	20.06.2018	35 379,00
Барбадос	Расширенная договоренность на 48 месяцев	01.10.2018	208,00
Ангола	Расширенная договоренность на 36 месяцев	07.12.2018	2 673,00
Марокко	Линия превентивной поддержки и ликвидности на 24 месяца	17.12.2018	2 150,80
Украина	Договоренность о кредите «стэнд-бай» на 14 месяцев	18.12.2018	2 800,00
Эквадор	Расширенная договоренность на 36 месяцев	11.03.2019	3 035,00
Всего	-	-	54 093,80
Повышение/снижение доступа в рамках существующих договорённостей			
Аргентина	Повышение доступа в рамках Договоренности о кредите «стэнд-бай» на 36 месяцев	26.10.2018	5 335,00

Государство-член	Вид договорённости	Дата вступления в силу	Утверждённая сумма, млн. СДР
Мексика	Снижение доступа в рамках Гибкой кредитной линии на 24 месяца 26 ноября 2018 года	26.11.2018	-8 912,7
Всего	-	-	-3 577,70
Итого	-	-	50 516,10

Все указанные противоречия привели к трансформации неокOLONиализма в XXI веке к модели, в которой решающее значение принимают транснациональные корпорации и банки с головными офисами в странах развитого капитализма, развитой логистической сетью, объёмами капитала, сравнимыми со страновыми. Иными словами, экспансия осуществляется уже не национальными государствами-неометрополиями, а транснациональными компаниями, имеющими достаточные экономические и политические ресурсы.

Сращивание крупного капитала с политической властью метрополий делает задачу по разделению властных цепочек взаимодействия между неокOLONиями и неометрополиями на уровнях национальных государств и ТНК/ТНБ трудноразрешимой.

Характер возникающих противоречий (между государством и негосударственными субъектами), а также многообразие и разнородность применяемых способов и средств его ведения являются сущностными чертами гибридных войн, которые приобрели широкое распространение и «являются новым инструментом агрессии неоимперских держав, направленной на суверенные государства, выступающие против гегемонии США в условиях кризиса однополярного миропорядка» [29].

Анализ социально-экономических отношений в реальной действительности в обществе с использованием многомерной модели для представления пространственно-подобных закономерностей и объяснений в поведении социальной жизни в современной социальной «геометрии» в дополнение в двум традиционным измерениям (экономика и политика) включает в себя третье измерение – духовную жизнь человека. В итоге возникает социальная «стереометрия» [22, с. 17], то есть взаимное расположение и социально-экономическое, политическое взаимодействие объектов как в физическом пространстве, так и в пространстве ноосферы – высшей стадии эволюции биосферы, становление которой связано с развитием общества – которое приобретает в виртуализирующемся XXI веке, всё большее значение.

В связи с тем, что «энтропия в сфере социально-экономических отношений производна от энтропии человека, его духовно-нравственного состояния» [22, с. 40], культурная экспансия проявляется в «поражении институтов власти, расшатывании элементарных нравственных норм. Коррупция становится всё более явной, даже в высших звеньях государственной машины. Продолжается упадок духовной культуры, растёт преступность, процветают культ насилия, массовое распространение порнографии, наркомании и т.д.» [11, с. 406]. «В последние десятилетия происходит существенное расширение зоны ненормативного и девиантного поведения, что представляет серьёзную угрозу для целостности культуры, свидетельствует об ее аномии. Негативное отношение к нормам и моральным ценностям расширяет социальную базу и спектр девиантного поведения, способствует экспансии разрушительных способов самовыражения» [30].

Культурная экспансия представляет собой комплексный системный многогранный процесс, детерминированный:

1. расширением сферы влияния доминирующей (национальной) культуры за первоначальные пределы или государственные границы,

2. расширением области применения объектов культуры: символов, смыслов и путей их выражения.

За счёт заранее спланированной культурной экспансии производится унификация, оптимизация, повышение эффективности работы с возрастающими информационными массивами с применением информационных технологий, которые позволяют значительно снижать затраты на «дипломатических службах и вооружении – умы народов, принявших эту культуру как образец поведения, будет полностью управляем» [31].

Ускорение процесса глобализации усиливает эффекты культурной экспансии, проникающей во всё новые сферы жизни человека и реализующей процесс культурной унификации. Такими сферами являются:

1. Киноиндустрия (характеризуется доминированием транснациональных конгломератов, которые по большей части связаны с США, к которым относятся: Paramount, Warner, Sony Pictures и другие);

2. Образование (LMS – в Высшей Школе Экономики);

3. Средства массовой информации, прибегающие к как к культурной, так и к информационной экспансии (информационному лоббированию, информационному вбросу) [33, 29].

О разнообразии методов информационно-психологического воздействия в Послании Федеральному Собранию еще в 2016 году говорил Владимир Владимирович Путин [34]. Результативность информационно-психологического воздействия на население России подтверждают факты замены исторически сложившихся конструктивных отечественных культурных паттернов (преобладающих ценностей и верований, характеризующих культуру России отличающую её от других), на деструктивные западные.

Коммуникации (развлекательные программы, СМИ, реклама) при помощи отвлечения внимания пытаются запутать иностранную оппозицию, предоставляя материалы, направленные на преодоление отсутствия энтузиазма у населения колонизованных государств в части имперского правления глобального масштаба [20, с. 63].

Культурная экспансия тесно связана с экспансией путём реализации запрещённых потоков, реализуемая транснациональными организованными группами при помощи террористических организаций, а также спецслужб заинтересованных метрополий, ведь, как отмечает авторский коллектив под редакцией А.В. Возженикова в совместной монографии [34]: «мощь теневого транснационального капитала ... - это такая же неотъемлемая изнанка глобального капитала, как коррупция» [34, с. 11].

Терроризм как стабильное явление невозможен как без фанатизма, так и без финансовых затрат, необходимых для организации терактов и последующего освещения их в СМИ.

Современный терроризм имеет финансовые источники, которые можно разделить на две большие группы: внешние и внутренние [35, 36, с. 261-271]. Соотношение внешних источников (финансирование от стран-изгоев, спецслужб «сильных стран», частных лиц и некоммерческих организаций) со временем изменялось. А в 1990-2000-е гг. произошла смена источников финансирования терроризма: государства-спонсоры были вытеснены спонсорами, представленными благотворительными / неправительственными организациями и частными лицами, то есть произошла «приватизация» террора, сопровождавшаяся также и диверсификацией источников финансирования, что делает задачу разрушения системы финансирования терроризма на порядок сложнее [34].

Отдельному исследованию подлежит одна из целей деятельности международного терроризма (включая киберпреступность), а именно – легализация капиталов, движимой и недвижимой собственности по всему миру в отдалённых от зон конфликтов территориях. В недрах международного терроризма возникают целые многопрофильные бизнес-империи (холдинги), обладающие многими атрибутами легального бизнеса, в том числе огромными социально-экономическими и финансовыми

ресурсами, собственными социально-медицинскими и финансово-кредитными учреждениями, телерадиовещательными компаниями и печатными изданиями. Проникая в мировую финансовую систему, они стремятся занять свою нишу на всех уровнях легальной политической сферы [34, с. 257-260].

Подводя итоги всему сказанному выше, следует отметить, что экономическая система неокOLONиализма, продолжающая существовать и развиваться в XXI веке, является составной (и весомой) частью всей мир-системы, исследование социально-экономических отношений, возникающих в процессе воспроизводства рассматриваемой системы является актуальным предметом исследования, на основании результатов которого России следует формировать собственную стратегию развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Святогоров И. Новые белые господа. В мире опять создаётся колониальная система. (Интервью с Пиром Риазом Али Шахом) // [Электронный ресурс] - URL: <https://versia.ru/v-mire-opyat-sozdayotsya-kolonialnaya-sistema> (дата обращения 26.03.2020)
2. Харин А.Н. Корпорация-государство как альтернатива современному государству. Власть. 09, 2012. С. 76-79
3. Косолапов Н.А. Государство как корпорация и корпорация как государство: продукт глобализации или новая феноменология? Сравнительная политика. Том 2, №2(4), 2011. С. 19-37
4. Бейлз К. Одноразовые люди. Новое рабство в глобальной экономике. М.: Новый хронограф, 2006. 320 с.
5. Валлерстайн И., Коллинз Р., Манн М., Дерлугьян Г., Калхун Г. Вернёмся к реальности: коллективная заключительная глава. // Есть ли будущее у капитализма? Сб. статей И. Валлерстайна, Р. Коллинза, М. Манна, Г. Дерлугьяна, К. Калхуна. [Текст] / пер. с англ. Под ред. Г. Дерлугьяна. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. 317 с.
6. Перкинс Д. Исповедь экономического убийцы / Пер. с англ., М.: Претекст, 2014. 350 с.
7. Широнин В.С. КГБ – ЦРУ. Секретные пружины перестройки. (Серия «Крестовые походы XX века»), М.: Ягуар, 1997. 288 с.
8. Хоффман Д. Олигархи. Богатство и власть в новой России. М.: Corpus, 2010. 816 с.
9. Спелова П. СМИ: США промышляли «пыточным туризмом» в // [Электронный ресурс] - URL: <https://vz.ru/politics/2011/9/3/519618.html> (дата обращения 08.06.2020)
10. Филиппов В.Р. Колониализм: второе пришествие // [Электронный ресурс] - URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kolonializm-vtoroe-prishestvie> (дата обращения 10.04.2020)
11. Ленинская теория империализма и современность. Под. ред. Иноземцева Н.Н. и др., М: «Мысль», 1977, 454 с.
12. Ромашкин Т.В. Становление и развитие ТНК в условиях глобализации. Саратов: ООО Издательский центр «Наука», 2016. 160 с.
13. Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма, М.: Ленанд, 2020. 128 с.
14. Альпидовская М.Л. К вопросу о неравномерности в социально-экономическом развитии стран в эпоху глобализации мировой экономики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. №19 (160), 2012. С.2-8
15. Трофимчук Н.А., Свищев М.П. Экспансия. М.: Кафедра религиоведения РАГС при Президенте РФ, 2000. 218 с.
16. Gasinska K. (ed.), Bergenwall S., Gunnarson C., Hagström Frisell E., Hedenskog J., Hellström J., Lindström M., Sjökvist E., Sundberg A. Foreign military bases and installations in Africa. Stockholm: FOI. Swedish Defence Research Agency, 2019. 94 p.
17. В Африке наблюдается присутствие 12 неафриканских // [Электронный ресурс] - URL: <https://www.theoreticaleconomy.ru>

regnum.ru/news/polit/2725428.html (дата обращения 08.06.2020)

18. Энгдаль У.Ф. Столетие войны. Англо-американская нефтяная политики и Новый Мировой Порядок. Издание четвёртое, пересмотренное. М.: Проект «Война и мир», 2016. 384 с.

19. The Complex and Growing Threat of Militant Islamist Groups in the Sahel, Africa Center for Strategic Studies, 15 February 2019 // [Электронный ресурс] - URL: <https://africacenter.org/spotlight/the-complex-and-growing-threat-of-militant-islamist-groups-in-the-sahel> (дата обращения 10.04.2020)

20. Бойд-Барретт О. Медиа империализм / пер. с англ. Е.Н. Кочергина, Х.: изд-во «Гуманитарный центр», 2018. 292 с.

21. Шувалов В.И. Политико-дипломатическое противостояние на рубеже XX-XXI веков и меридиональная экспансия США. 15.04.2017 // [Электронный ресурс] - URL: https://psychohistory.ru/articles/confrontation_edge_20_21_century.html (дата обращения 10.04.2020)

22. Катасонов В.Ю. Империализм как высшая стадия капитализма. Метаморфозы столетия (1916-2016 годы). М.: Издательский дом «Кислород», 2016. 400 с.

23. Градов А.П., Ильин И.В. Экономическая безопасность страны: принципы анализа состояния и противодействия угрозам. // Экономическая наука современной России №3 (30). М.: ВИНТИ РАН, 2005. С.88-101

24. Попадюк Н.К. Век возрождения востока: Очерки политэкономической антропологии. М.: ЛЕНАНД, 2015, 800 с.

25. Фурсов А.И. Государство, оно же корпорация // [Электронный ресурс] - URL: http://andreyfursov.ru/news/gosudarstvo_ono_zhe_korporacija/2008-01-01-6 (дата обращения 23.08.2020)

26. Капкина А.В. Политическое позиционирование крупного российского бизнеса: механизмы и цели: дис. ... канд. Полит. Наук. М.: Изд-во МГУ, 2015. 198 с.

27. Катасонов В.Ю. Банки правят миром. А кто правит банками? (21.05.2015) // [Электронный ресурс] - URL: <https://www.fondsk.ru/news/2015/05/12/banki-pravjat-mirom-a-kto-pravit-bankami-i-33300.html> (дата обращения 11.04.2020)

28. Годовой отчёт МВФ 2019. Наш взаимосвязанный мир // [Электронный ресурс] - URL: imf.org/AR2019 (дата обращения 22.09.2020)

29. Родачин В.М. Гибридные войны и обеспечение национальной безопасности России // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета №4 М.: ФГОБУВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», 2019. С. 93-99

30. Запесоцкий Ю.А. Современное медиапространство как фактор культурной аномии // Общественные науки и современность №2, М.: Издательство «Наука», 2013. С. 162-168

31. Иваничев С.А. Элементы культурной экспансии в период глобализации // Коммуникология: электронный научный журнал. Том 4. №1, 2019, С.18-22

32. Головацкая О.Е. Информационная экспансия как скрытая угроза информационного пространства и инструмент целенаправленного воздействия на аудиторию (варианты трактовки термина и негативные последствия) // Коммуникология: электронный научный журнал. Том 6. №3, 2018, С.105-116

33. Послание Президента Федеральному Собранию // Официальный сетевой ресурс Президента России. // [Электронный ресурс] - URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379> (дата обращения 11.04.2020)

34. Возжеников А.В., Выборнов М.А., Гончаров А.Ю., Поляков К.И., Синеок Н.В., Шекин М.В. Международный терроризм: борьба за геополитическое господство. М.: Эксмо, 2007, 528 с.

35. Kiser S. Financing Terror. An Analysis and Simulation to Affect Al Qaeda's Financial Infrastructures. Santa Monica: RAND, 2005, 243 p.

36. Овчинский В.С. Мафия: новые мировые тенденции. («Коллекция Изборского клуба») – М.: Книжный мир, 2016. 384 с.

РЕЦЕНЗИЯ НА СТАТЬЮ ВАРЛАМОВОЙ В. А. «ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ; ПОДАРОК СУДЬБЫ ИЛИ КАТАСТРОФА ВЕКА»

Бондырева Ирина Борисовна

кандидат экономических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет»,
кафедра Экономики и управления,
г. Ярославль, Российская Федерация.
E-mail: bondarevaib@ystu.ru

Аннотация: В рецензии рассматриваются вопросы развития образования, его достижений и проблем, в том числе введения ЕГЭ в школах, цифровизации процесса обучения студентов в вузе. Отмечается необходимость развития дистанционного обучения в условиях цифровой экономики. Ставится вопрос о границах применения исключительно электронного обучения, дистанционных образовательных технологий. Отмечается социальная нестабильность, обусловленная кризисом капитализма, ведущая к разрушению института образования.

Ключевые слова: высшее образование, формы образования, дистанционное обучение, цивилизационное развитие, цифровая экономика, кризис института образования.

JEL: E65, E69, C18

REVIEW OF THE ARTICLE BY VARLAMOVA V. A. «DISTANCE LEARNING; A GIFT OF FATE OR A DISASTER OF THE CENTURY»

Bondareva Irina Borisovna,
Candidate of Science (Economics),
Associate Professor of the Department «Economics and management»
Yaroslavl State Technical University,
Yaroslavl, Russian Federation

Abstract: The review examines the development of education, its achievements and problems, including the introduction of the unified state exam in schools, and the digitalization of the process of teaching students in higher education. The need to develop distance learning in the digital economy is noted. The question is raised about the limits of using exclusively e-learning and distance learning technologies. There is social instability caused by the crisis of capitalism, leading to the destruction of the institution of education.

Keywords: higher education, forms of education, distance learning, civilizational development, digital economy, crisis of the Institute of education.

*Жизнь сама по себе –
ни благо, ни зло: она вместилище и блага и зла,
смотря по тому, во что вы сами превратили её.
Мишель Эйкем де Монтень
(1533-1592)
французский философ эпохи Возрождения*

Утрата советской стратегической цели образования превратила его в часть сферы услуг, т.е. потребления, что приземлило систему до уровня технического социального довеска. Например, имея более широкие возможности в реализации новых форм организации учебного процесса, адаптированного для потребителей, вуз может работать в дистанционном и смешанном формате с

большим количеством студентов, расширять практическую деятельность наставников и учеников, а также приглашать квалифицированных специалистов с производства для чтения лекций в режиме онлайн по отдельным дисциплинам.

В статье Варламовой В.А. «Дистанционное обучение: подарок судьбы или катастрофа века» [3, с. 89-90] дается подробная оценка тенденций развития отечественного образования, его достижений и проблем, в том числе введение ЕГЭ в школах, цифровизации процесса обучения.

Работа начинается с эпиграфа, подчеркивающего значимость противодействия разрушению института образования, составляющего системообразующий стержень общества. В этой связи хотелось бы обратить внимание читателей на высказывание Мишеля Монтеня, творчество которого пришлось на эпоху, представляющую собой одну из самых мрачных страниц французской истории. Это было время затянувшихся на тридцать лет гражданских религиозных войн, и среди всеобщей подозрительности, вражды, ожесточения и фанатизма писатель возвышает свой голос, призывая к разуму, компромиссам, национальному примирению. Такая интерпретация роли разума, человеческой воли, активности носит ренессансный, возрожденческий характер, она направлена против подчинения судьбе, фатальной необходимости. В деле образования на первое место М. Монтень ставил не накопление, аккумуляцию знаний, а развитие мышления, способности суждения. Вероятно, он и предположить не мог, что через 450 лет в старшей школе основной задачей учеников будет «не изучение дополнительных дисциплин и приобретение новых знаний в различных областях науки, а постоянное решение одних и тех же тестов со схожими заданиями» [3, с. 92].

Анализируя тенденции развития школьного и вузовского образования в СССР, автор статьи справедливо отмечает, что оно формировалось в условиях централизации государственной власти, и все учебные заведения имели статус государственных. О высоком уровне образовательной системы социалистического периода свидетельствует множество признаков, основными из которых являются:

- высокая оценка наших специалистов за рубежом;
- выход СССР на передовые позиции в ряде научно-технических (авиационная и ракетно-космическая техника, энергетика, оружие и системы вооружения, судостроение) и экономических направлений (экономико-математическое моделирование, методы планирования развития народного хозяйства);
- мощное развитие фундаментальных наук (математика, физика и др.).

Успехи в сфере подготовки кадров во многом определялись тем, что преобразования были разработаны отечественными специалистами, теми, кто глубоко чувствовал нужды и потребности своей страны.

Современная эпоха характеризуется выдающейся ролью технологий, которые позволяют на практике осуществлять достижения науки. Поэтому, на наш взгляд, является спорным мнение автора, что с развитием глобализации и рыночных отношений потребность в инженерно-технических кадрах снижается [3, 90].

Наоборот, с 1990 года во всем мире наблюдался бум в области подготовки инженерных кадров, открывались новые инженерные вузы, расширялись инженерные факультеты. Во все больших масштабах развитые страны, в том числе и США, привлекали к работе зарубежных инженеров. Развитие сферы высшего технического образования становится стратегическим приоритетом во многих странах.

Разительный контраст в этом отношении демонстрировала Россия, где в 90-е годы имело место серьезное снижение выпуска квалифицированных инженерных кадров по большинству специальностей. Причем это происходило при сравнительно благоприятной демографической ситуации и в тех областях науки и техники, где у страны имелись общепризнанные мировые успехи.

Следует отметить, что в 90-е годы в России было выпущено 163 тысячи инженеров (40 % от всех выпускников вузов), а в США – 230 тысяч (соответственно 19 %).

Ситуация с подготовкой инженерных кадров в России начала улучшаться только после 2000 года, и к 2005 году выпуск был не только восстановлен, но по некоторым группам специальностей значительно увеличен.

Но время было упущено, и мы согласны с Варламовой В.А., что в условиях падения производства, закрытия многих промышленных предприятий в России инженерные специальности постепенно теряли лидирующие позиции, уступая место экономическим, юридическим и иным направленностям [3, с.90].

Второй удар по инженерному образованию, не менее сильный, был нанесен введением повсеместной сдачи ЕГЭ с 1 января 2009 года. Технические вузы столкнулись с тем, что абитуриенты (даже при высоких баллах ЕГЭ) оказались весьма слабыми, их было нужно адаптировать к требованиям высшей школы, создавать коррекционные курсы для первокурсников по математике и физике.

Нами было проведено сравнение приема (2010 г) и выпуска (2015 г.) по специальности в ЯГТУ. Потери контингента в среднем составили 42%.

В 2015 году в техническом университете одновременно со специалистами был первый большой выпуск бакалавров. Набор, который прошел в 2011 г., пришелся на «демографическую яму» - количество выпускников школ в регионе сократилось до 4850 чел. Средний балл ЕГЭ и конкурс тоже были минимальными за последние четыре года. Поэтому вполне понятно, что численность студентов, не закончивших обучение в срок, заметно увеличилась и составила уже 48,1 % от приема [2, с. 55-56].

В этой связи нужно отметить, что ряд европейских стран, например, Германия, не приняли Болонский процесс применительно к инженерной специализации и уделяют исключительное внимание профессионально-технической части национальной системы образования. До сих пор считается, что шестилетнее инженерное образование, полученное в Германии – лучшее в мире.

Не поспешила ли Россия присоединиться к тем странам, которые не имели особых успехов в сфере подготовки инженерно-технических кадров, безоглядно следуя западным стандартам [4, с. 14]. Или, как говорит автор статьи, свершилась революция, запустившая неизбежное уничтожение всей прошлой системы образования [3, с. 92].

В связи с ЕГЭ автору статьи безусловно нужно было отметить тот факт, что сторонники ЕГЭ всегда подчеркивали «преимущество» этой новации – расширение доступности получения высшего образования для способных выпускников провинциальных школ, обеспечение равенства возможностей и жизненных шансов. Сейчас, когда российское общество расслаивается по имущественному, национальному и другим признакам, происходит снижение доходов у значительной части населения и вымывание среднего класса, возможность полноценно учиться в столицах имеют лишь немногие жители других регионов из семей с высоким и сверхвысоким уровнем доходов. Имущественное неравенство оставляет в прошлом перспективу общественной консолидации и повышает потенциал нестабильности в обществе.

Сложившийся миропорядок финансовым доминированием не встраивается в цивилизационное развитие, ведущее к построению информационного общества и цифровой экономики, которая идет на смену «материальной экономике». Формируется новое постиндустриальное общество, отличительными чертами которого становятся скорости: скорости сообщения, скорости движения организованной информации, скорости изменений (инноваций) и т.д. Этот процесс не совпадает с всеобъемлющим господством финансового сектора, старающегося через институты, в том числе институт образования сохранить status quo и расслоение в обществе [1]. По мнению Егорова В.Н., финансовый капитал ведет к разрушению институтов, составляющих системообразующий стержень общества [5, с. 133].

Безусловно, для обеспечения высокого уровня подготовки кадров необходимо использовать современные технологии в процессе обучения (онлайн – обучение, открытые образовательные

ресурсы и другие электронные технологии). Создание электронного образовательного контента – сложный процесс, требующий привлечения значительных трудовых и материальных ресурсов, учитывающий множество субъективных и объективных факторов [6, с. 50].

Но важно подчеркнуть, что виртуальные средства обучения должны в обязательном порядке чередоваться с изучением реальных процессов. Также необходимо заранее оценить все возможные негативные последствия более широкого внедрения методов дистанционного образования в учебный процесс. Например, ухудшение здоровья преподавателей и студентов на фоне бесконечного взаимодействия с цифровыми устройствами.

В этих условиях повсеместное дистанционное обучение в виде онлайн курсов, виртуальных лекций с особыми приемами визуализации представляется нам не катастрофой века, а лишь одной из ступенек лестницы, которая давно ведет вниз, по ходу разрушая все преимущества прошлой системы образования.

В целом, на наш взгляд, рецензируемая статья Варламовой В.А. «Дистанционное обучение: подарок судьбы или катастрофа века» посвящена очень актуальной теме, имеет научную новизну и практическую ценность, создает поле для многочисленных дискуссий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Базанова Е. Мир потерял равновесие / Е. Базанова, М. Оверченко //Ведомости. 2017. №4 (4239).
2. Бондырева И.Б. Интегрированное образовательное пространство: функции вуза // Многоуровневое общественное воспроизводство: вопросы теории и практики: сб. науч. тр. / Иван. гос. ун-т. 2015. – Вып. 8(24). – 336 с. (С.50-60).
3. Варламова В.А. Дистанционное обучение: подарок судьбы или катастрофа века //Теоретическая экономика. – 2020. - №9. С.88-96.
4. Гордеев В.А. Вузы должны быть действительно вузами; взгляд из теоретической экономики в свете насущной задачи новой индустриализации) // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Экономика. 2015. Вып. 1. С. 12-18.
5. Егоров В.Г. Политэкономика финансового капитализма //Свободная Мысль. 2017. - №3. С. 123-138.
6. Егоров В.Н. Дистанционное обучение как средство повышения конкурентоспособности вуза (организационно-методический и правовой аспекты) / В.Н. Егоров, И.Ю. Шахова //Теоретическая экономика. – 2018. - №5. С.47-54.

ОТКЛИК НА ОТЗЫВ ГРИГОРЬЕВОЙ А.А. ПО СТАТЬЕ РЕУСА С.П. «ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ: ВЛИЯНИЕ COVID-19 НА ДАННЫЕ ПРОЦЕССЫ»

Реус Семён Петрович

аспирант,
ФГБОУ ВО «Крымский Федеральный университет им В.И. Вернадского»,
кафедра финансов и кредита,
г. Симферополь, Российская Федерация.
E-mail: semreus@mail.ru

Аннотация: Даётся отклик на отзыв Григорьевой А.А., по статье Реуса С.П. «Перспективы экономического роста российской экономики: влияние COVID-19 на данные процессы», в которой рассматривается актуальная тематика перспектив экономического роста российской экономики под влиянием COVID-19 и анализируется его влияние на данные процессы. Обозначены современные тенденции развития ситуации с COVID-19. Даны авторские уточняющие материалы по отзыву Рецензента.

Ключевые слова: COVID-19, перспективы экономического роста, экономика России, цифровая экономика, дистанционный режим.

JEL: O11

PROSPECTS FOR ECONOMIC GROWTH OF THE RUSSIAN ECONOMY: INFLUENCE OF COVID-19 ON THESE PROCESSES

Reus Semyon Petrovich,
postgraduate student,
Department of Finance and credit, «V.I. Vernadsky Crimean Federal University»
Simferopol, Russian Federation

Abstract: A response to the opinion of A.A. Grigorieva is given according to the article by S.P. Reus. «Prospects for the economic growth of the Russian economy: the impact of COVID-19 on these processes», which examines the current topic of the prospects for economic growth of the Russian economy under the influence of COVID-19 and analyzes its impact on these processes. The current trends in the development of the situation with COVID-19 are outlined. The author's clarifying materials based on the Reviewer's review are given.

Keywords: COVID-19, prospects for economic growth, the Russian economy, digital economy, remote mode.

Вначале хотелось бы поблагодарить Анастасию Александровну за внимание к моей статье и представление отзыва по ней в редакцию журнала «Теоретическая экономика», в котором, на наш взгляд, мнения по многим аспектам совпадают с авторскими. Так, действительно, пандемия COVID-19 серьёзно повлияла на экономику всех стран мира и привела к критическим последствиям, которые долгое время будут оказывать влияние на их экономический рост и развитие [1]. Правительством РФ своевременно были приняты адекватные меры по предотвращению распространения коронавирусной инфекции и резкого экономического спада.

Наряду с этим, у Анастасии Александровны возникли и некоторые вопросы [2], на которые в данном отклике предоставлены пояснительные материалы.

В статье нами описывается эффект, заключающийся в том, что кризисы позволяют выявлять не в полной мере реализованный потенциал ранее используемых инструментов, повышающих эффективность взаимодействия между субъектами экономики в силу консервативности их предпочтений (нежелания выхода из зоны психологического комфорта или недоверия) в соответствующих видах экономической деятельности [1], что и подразумевается нами под незадействованными областями экономики. В качестве примера таких областей, смежных с экономическими видами деятельности, можно привести цитату из видеообращения пленарного заседания юбилейной 75-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединённых Наций Президента Российской Федерации В.В. Путина, который отмечает, что «передовые цифровые технологии позволили быстро перестроить систему образования, торговли, сферы услуг, наладить дистанционное обучение, онлайн-курсы для людей разных возрастов. Искусственный интеллект помогал врачам более точно и быстро ставить диагнозы, подбирать оптимальные схемы лечения» [3]. Или же пример, приведённый в статье на рис.5, где представлены зоны экономического роста, под которыми теоретически можно понимать увеличение темпов экономического роста за счёт различных сфер экономики, например, такой, как обозначенной Рецензентом «Рынок онлайн-ритейла» [2, с.96], в процессе развития которого было выявлено, что потенциал использования ИКТ в данной области до пандемии был не полностью реализован и где Анастасия Александровна справедливо отмечает что: «до ситуации с пандемией малое количество людей готовы были совершать покупки продуктов питания на дом через Интернет. С введением режима самоизоляции онлайн-покупки продуктов питания возросли в разы. Это дало импульс развития всей отрасли» [2, с.96].

Рецензент Анастасия Александровна делает вывод о том, что «взаимосвязь ИКТ и их коммуникационного потенциала с увеличением производительности труда носит дискуссионный характер» [2, с.97], в чём полностью согласны, так как рассмотрение одного объекта с разных точек зрения является ключом к пониманию истины.

Вывод о повышении производительности труда за счёт использования ИКТ сделан нами на основании трудов учёных-экономистов, занимающихся поиском оптимальных путей развития общества в условиях структурных преобразований в экономике и адаптации социально-экономической системы к новым формам общественного производства, среди которых стоит отметить исследования Борщ Л.М. Жаровой А.Р. [4], Симченко Н.А. и др. [5].

На наш взгляд, для России процесс перехода к цифровым технологиям, обеспечивающим процесс «сбора, обработки, обмена и хранения информации в электронном виде и автоматизации рутинных операций» не полностью завершён, поэтому вопрос осуществления комплексной модернизации деятельности субъектов экономики на данный период времени остаётся открытым.

Рецензент совершенно верно указывает на то, что цифровые технологии уже внедрены в системы коммуникации организаций с клиентами, и актуальным становится уже их совершенствование. Мы согласны с данным утверждением, поскольку ИКТ значительно распространены в странах Западной Европы, базовые концепции внедрения и использования в социально-экономической деятельности которых были заложены ОСЭР в 2017 году [5], элементы которой наблюдаются в «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» [6]. Однако, в России уровень технологического оснащения по сравнению с выше перечисленными странами не настолько высок и на данный период времени существует объективная необходимость обеспечения незадействованной доли хозяйствующих субъектов соответствующим доступом к использованию ИКТ. Так, по состоянию на 2019 год доля домашних хозяйств, имеющих широкополосный доступ к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» составляет 73,6% [6], и в процессе увеличения данного показателя до 97% к 2024 году в соответствии с Национальной программой «Цифровая экономика Российской Федерации» [7, с.2] имеется фактическая возможность дальнейшего внедрения средств ИКТ [4] для более комплексного, как верно отметила Анастасия Александровна,

повышения «лояльности клиентов и потребителей за счет возможности коммуникации в режиме «единого окна» / одной платформы 24/7, получение конкурентных преимуществ за счет аналитики больших данных, мониторинга и анализа поведения потребителя» [2, с.95].

На данный период времени проведение такой аналитики могут позволить только крупные субъекты (например, Сбер и др.), в то время, как анализ распространения ИКТ среди субъектов малого и среднего предпринимательства указывает на перспективы внедрения цифровых технологий среди них. В качестве примера можно привести отсутствие онлайн-кассы безналичного расчёта, когда покупатели вынуждены оплачивать товары и услуги наличными средствами, которые являются одним из путей передачи COVID-19. Иными словами, речь идёт о перспективе роста внедрения цифровых технологий в тех сферах экономики, для которых они будут представлять безопасную альтернативу. Следовательно, наблюдается рост применения ИКТ, повышающих скорость проводимых транзакций, и цитата К.Маркса «если производственный процесс становится сферой применения науки, то и, наоборот, наука становится фактором, так сказать, функцией производственного процесса» [8, с. 391] остаётся актуальной для проведения процессов технологической модернизации субъектами экономики, которые до пандемии не пользовались технологическими новшествами, в данном случае именно ИКТ сокращают транзакционные издержки, что и является обозначенной нами «зоной экономического роста» на рис.5 в статье, и, следовательно, выступает фактором роста производительности труда, что является одной из предпосылок к повышению темпов экономического роста.

Согласны с замечанием рецензента Анастасии Александровны, что исследование носит прикладной характер. При этом, хотелось бы отметить, что граница между фундаментальным и прикладным характерами относительна и диалектична, так как каждому выявленному элементу научной новизны при проведении научных исследований свойственна фундаментальность. В нашей статье - это интерпретация процессов экономического роста в аспекте взаимосвязи человека и природы, основы которого были заложены академиком В.И. Вернадским в учении о ноосфере [9], при помощи междисциплинарного подхода. Человек формирует и оказывает влияние на экономическую систему подобно тому, как взаимодействует с природой: на наш взгляд данная концепция обеспечивает взаимосвязь законов природы с процессами в экономическом развитии через человека, что является одним из ключей к пониманию, как справедливо указывает Анастасия Александровна, «механизмов взаимодействия между явлениями и объектами реальной действительности» [2, с.97].

Таким образом, в статье нами описывается эффект, заключающийся в том, что кризисы позволяют выявлять не в полной мере реализованный потенциал ранее используемых инструментов в экономике, повышающих эффективность взаимодействия между её субъектами в соответствующих видах экономической деятельности, что и подразумевается нами под незадействованными областями экономики, а именно «зонами» экономического роста в них. Анастасия Александровна делает вывод о том, что «взаимосвязь ИКТ и их коммуникационного потенциала с увеличением производительности труда носит дискуссионный характер» [2, с.97], в чём полностью согласны с уважаемым Рецензентом, так как рассмотрение одного объекта с разных точек зрения является ключом к пониманию истины. В качестве связующего звена между ростом производительности труда и ИКТ видим за счёт их использования субъектами экономических отношений сокращение транзакционных издержек в их деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Реус С.П. Перспективы экономического роста российской экономики: влияние COVID-19 на данные процессы // Теоретическая экономика. – 2020. – №8 (68). – С. 82 – 91. URL: <https://drive.google.com/file/d/173drVhZluuC7j2eCm1m1VcMUPjQrTezp/view>

2. Григорьева А.А. Отзыв на статью Реуса С.П. «Перспективы экономического роста российской

- экономики: влияние COVID-19 на данные процессы» // Теоретическая экономика. – 2020. – №10 (70). – С. 94 – 97. URL: <https://drive.google.com/file/d/1GgjbHxSDdIIQrP1gMWjVKIAvi0G5OzY/view>
3. 75-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН [Электронный ресурс] / Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64074> (дата обращения 10.11.2020)
4. Борщ Л.М. Методология развития человеческого капитала с позиций цифровой экономики / Л.М. Борщ, А.Р. Жарова // Креативная экономика. – 2019. – № 11. – с. 2141-2158. URL: <https://doi.org/10.18334/ce.13.11.41351>
5. OECD (2017), OECD Digital Economy Outlook 2017, OECD Publishing, Paris. <http://dx.doi.org/10.1787/9789264276284-en> (дата обращения 10.11.2020)
6. Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы». URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201705100002.pdf> (дата обращения 10.11.2020)
7. Симченко Н.А., Троян И.А., Горячих М.В., Андриященко Е.С. Цифровизация социально значимых услуг в условиях цифровой трансформации экономики Республики Крым/ Н.А. Симченко, И.А. Троян, М.В. Горячих, Е.С. Андриященко // Сервис в России и за рубежом. – Т.13. – №2 (89). – 2019. с. 223–234.
8. Доля домашних хозяйств, имеющих широкополосный доступ к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» [Электронный ресурс] / FEDSTST official statistics Официальные статистические показатели URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43567>
9. Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс] / Министерство цифрового развития, связей и массовых коммуникаций Российской Федерации URL: https://digital.gov.ru/uploaded/files/natsionalnaya-programma-tsifrovaya-ekonomika-rossijskoj-federatsii_NcN2nOO.pdf (дата обращения 11.11.2020)
10. «Маркс К. Капитал. Т. 1: ООО «Издательство АСТ»; Москва; 2001, 565 с. URL: http://rtunes.ru/content/ebooks/free_ebooks/karl_heinrich_marx/capital_book_one/capital_book_one.a4.pdf (дата обращения 11.11.2020)
11. Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере // Успехи современной биологии. 1944. №. 18. Вып. 2. С. 113—120 (переиздано в Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление / Отв. ред. А. Л. Яншин. — М.: Наука, 1991.) URL: <https://web.archive.org/web/20180219211002/http://vernadsky.name/wp-content/uploads/2013/01/neskolko-slov-o-noosfere.pdf> (дата обращения 10.11.2020)